

НАТАЛЬЯ ШНЕЙДЕР

ДОКТОРША
ТЯЖЁЛЫЙ СЛУЧАЙ

Annotation

Анна Викторовна, заведующая кафедрой акушерства и гинекологии, не планировала умирать.

Тем более — от родильной горячки в девятнадцатом веке.

Очнувшись в теле молодой губернаторской жены, она обнаруживает, что:

- медицина здесь опаснее болезни;
- окружающие искренне хотят помочь — так, что прикончат за пару минут;
- а лучший способ выжить — не слушаться никого.

Назло эпохе, врачам и здравому смыслу Анна берется за дело.

Ибо спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

- [Докторша. Тяжелый случай](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Nota bene](#)
-

Докторша. Тяжелый случай

Глава 1

Прибью Романа! Вот прямо сейчас голову от дивана отклею и прибью. В ординаторской и так дышать нечем с утра, когда солнце со стороны окон — а он опять обогреватель включил. Мерзляк. Это мне в моем почти почтенном возрасте полагается мерзнуть, а его должна любовь греть. Или кровь там, молодая, горячая.

— Роман Петрович, опять ты за свое, — проворчала я. — Отключи ты эту дурацкую печку!

— Бредит, голубушка, — прошелестел женский голос. Это еще кто?

Да что ж мне хреново-то так? Ну жарко, ну пот ручьем. Но даже глаза открыть не получается. И живот болит. Очень характерно болит, только куда сильнее чем обычно, хотя по всем прикидкам мне еще неделя до...

— Интересно, кто этот Роман Петрович? — От незнакомого низкого голоса я сразу закоченела, даром что жара.

Какого?.. Я резко села и тут же повалилась обратно: голова закружилась, и потемнело в глазах. Но и того, что я увидела, хватило, чтобы понять: работать надо меньше. А будешь спать два часа за трое суток — не только киношка про русскую старину примерещится. С изразцовой печкой в углу, бабкой в фартуке и двумя мужчинами в сюртуках или как эта фигня называется.

«Полуденный сюртук», — приплыла невесть откуда мысль. И следом: «Андрей опять сердится».

Андрей?

Да пусть хоть сердится, хоть матерится, мне-то...

Муж?

Память мгновенно подсунула зеркало, в котором отражалась блондинка в атласном платье цвета слоновой кости и в фате. Потом — другое зеркало, но эта же блондинка в роскошном бальном наряде, драгоценностей столько, что глаза слепит.

И я совершенно точно знала, что эта ходячая ювелирная лавка — я сама.

Анна Викторовна Дубровская, в девичестве...

Что за...

— Сделаю кровопускание еще раз, — перебил мои — или не мои?
— мысли третий голос.

Спокойный, уверенный голос специалиста, знающего, что прогноз неблагоприятный, но делай что должно, и будь что будет.

Кровопускание?

Что-то звякнуло, кто-то вытянул мою руку из-под одеяла.

Да эти дикари меня угробят! Я заставила себя раскрыть глаза. Лезвие в мужской руке было совсем рядом. Я дернулась, выхватывая его — глупо, по-бабски. Боль обожгла ладонь — нечего за острые предметы хвататься. Порезалась, зараза!

Зараза во всех смыслах.

— Руки мыть научись сперва и уличную одежду снимать перед тем, как к пациентам лезть, эскулап хренов! — рывкнула я.

Нежным голоском кисейной барышни, а не хорошо поставленным «профессорским» тоном.

Доктор отшатнулся. Впрочем, лицо его сразу приобрело характерное выражение «на больных не обижаются».

— Матрена права. Анна Викторовна бредит. Это случается при родильной горячке. Тяжелый случай, к сожалению.

Он склонился ко мне и попытался разжать мой кулак. Каким-то чудом я умудрилась выдернуть руку и спрятать ее себе под поясницу. Вместе с ланцетом.

Родильная горячка, значит. Послеродовый сепсис. С приплыздом тебя, Анна Викторовна. Действительно тяжелый случай, я бы сама никаких гарантий не стала давать, а уж тут...

Кровопускание. При сепсисе. Гениально! Давайте еще кровопотерю к интоксикации добавим, чтобы наверняка. Чтобы статистику не портить. Раз от родильной горячки должны умирать восемь из десяти пациенток — значит, и эта помрет.

Я заставила себя поднять веки, посмотрела на врача. Круглое, немолодое лицо с уже привычным мягким и добрым выражением, бородка клинышком — прямо Айболит. Вот зайчиков бы и пользовал, а к людям не лез.

Хотя зайчиков тоже жалко.

— Григорий Иванович... — Имя всплыло в памяти само. Хорошо, что у меня осталась память. — Извольте одеться и покинуть мой дом,

пока я не засунула ваш ланцет вам...

Опомнившись, я закашлялась. Впрочем, и притворяться почти не пришлось: горло будто наждаком драло. Неудивительно: температура, интоксикация, да еще и натопили так, что здоровый-то сварится, не то что больной.

Доктор повернулся к моему мужу. Вот только мужа мне и не хватало для полного счастья.

— Андрей Кириллович, позовите кого-нибудь, чтобы держали. Анна Викторовна не понимает, что творит.

— Не нужно. — Все тот же ледяной голос. — Анна всегда поступала наперекор здравому смыслу. И если она намерена отправиться на тот свет, кто мы, чтобы ей мешать?

— Вы — супруг, а я — врач, — неожиданно твердо произнес доктор. — И наш с вами долг...

— ... позаботиться о ее душе. Вы сами сказали, что...

— Ну не при пациентке же!

— Глупо. Человек должен иметь возможность подготовиться к смерти. По крайней мере я бы хотел, чтобы...

— Вы мужчина. Вы воевали и привыкли смотреть в лицо смерти.

— Вы преувеличиваете слабость женского характера. Если бы вы знали Анну так же хорошо, как я... — Я скорее кожей почувствовала, чем услышала холодную усмешку. — Характер у нее всегда был сильный. Жаль только, сила эта направлена на удовлетворение собственных капризов. Пусть поступает как хочет. Она сделала выбор, и я готов уважать ее решение.

Я медленно — очень медленно, чтобы никто не заметил, — выдохнула. Мой местный муж, возможно, спас мне жизнь, отказавшись меня спасать. Спасибо тебе за безразличие, «дорогой».

— По крайней мере у нашего сына на небесах будет мать. Может, хоть там она вспомнит о своих обязанностях.

Сына! Разум тут же подкинул боль — будто судорога сводит весь живот от ребер до таза, — бесконечную усталость, в конце — не радость, а только облегчение оттого, что все закончилось. Теплый сверток в руках и мой — в смысле — не мой голос: «Отдайте кормилице».

«Я бы хотел, чтобы ты кормила сама. Ученые говорят...»

«Вот пусть ученые и кормят. Не хватало мне еще стеснять себя из-за ребенка».

Дура! Господи, какая дура! Но, чем бы ни руководствовалась прежняя Анна, учитывая все обстоятельства, решила она правильно. При сепсисе инфицированы все биологические жидкости и...

«На небесах».

У меня перехватило дыхание.

Значит, не помогло.

Впрочем, чего ожидать? Теми же руками, которыми занес инфекцию пациентке, доктор перерезал пуповину. Даже в наше время пупочный сепсис...

Стоп. Все, хватит. Никакого больше «нашего времени». Я здесь. Отсюда мне и выкарабкиваться. Если получится.

Но как же меня занесло-то сюда?

Память услужливо подсказала: нога соскальзывает с истершейся за десятки лет ступеньки, перила вырываются из рук. Удар. Один, второй, пятый, десятый. Темнота.

От работы кони дохнут. Впрочем, как выясняется, не только кони.

Не так уж сложно навернуться с лестницы после пары суток без сна. На кафедре комиссия уже который день треплет нервы, потом второе подряд дежурство: пришлось подменить заболевшую коллегу. Ночные дежурства в роддоме в принципе спокойными не бывают: так уж матушка-природа устроила, что чаще всего рожают под утро. А когда на фоне плановых родов и экстренного кесарева прорывает канализацию, потому что роддом этот еще при Сталине строили, становится совсем весело.

Утром, уже собираясь в универ читать лекцию, отвлеклась на телефонный звонок — и финита ля комедия.

Хорошо, что рыдать по мне некому. Здесь, кажется, тоже, но здесь я еще побарахтаюсь. Надеюсь.

Доктор окинул меня оценивающим взглядом, однако забрать или потребовать у меня свой ланцет больше не пытался. Почему — стало ясно, когда оба мужчины вышли за дверь.

— Боюсь, к утру все будет кончено, — сказал Григорий Иванович. — Девять дней лихорадки... Даже для самого выносливого организма есть пределы.

Правильно, чего ссориться с без пяти минут трупом, если вернешься засвидетельствовать смерть и забереешь свои вещи.

— На все воля Божия, — ответил голос мужа. — Я пошлю за священником.

Пусть посылает. Святая вода и молитвы меня не добьют. В отличие от инфекции.

Инфекция! Я поднесла к лицу ладонь. Порез от ланцета неглубокий, но кровит. Нужно обработать. Немедленно.

И открыть окно, пока комната не превратилась в душегубку.

Я резко села.

Голова ожидаемо закружилась, так же ожидаемо потемнело в глазах. Я вцепилась в одеяло, предполагая, что снова повалюсь. Но темнота схлынула. Легче. Определенно легче, чем минуту назад.

— Да что ж вы, барыня! — Матрена бросилась ко мне, пытаюсь уложить обратно. — Лежите! Доктор велел...

— Не мешай думать, — огрызнулась я.

Оглянулась. Спальня. Богатая. Три слоя штор — тюль, атлас, бархат. Ковры на полу. Балдахин над кроватью. Столик у окна с какими-то вазочками и шкатулками.

И графин. Хрустальный. С чем-то янтарным внутри.

Да не может быть.

— Это что там? — кивнула я на столик.

— Коньяк, барыня. — Матрена проследила за моим взглядом. — Григорий Иванович велели вам для укрепления сил принимать.

Коньяк. Для укрепления сил. При сепсисе.

Одно дело читать вводную лекцию об истории развития специальности. Совсем другое — воочию наблюдать все прелести исторической медицины.

Как человечество вообще дожило до моего времени при таком раскладе?

Впрочем, если пациент хочет жить, медицина бессильна.

— Давай сюда, — приказала я.

Матрена суетливо плеснула в хрустальный стакан из графина, принесла мне. Я сунула нос в стакан — обоняние настойчиво требовало перебить чем-то приличным запахи от моей постели. Впрочем, я и сама сейчас наверняка воняла как лошадь. На этом фоне

жидкость из графина пахла просто божественно: дуб, ваниль, что-то фруктовое. Не бедствует Андрей Кириллович.

Я подавила соблазн замахнуть все махом «для укрепления сил» — душевных, естественно — а потом повторить. *Quantum satis* — то есть до достижения необходимого состояния.

Отличный способ угробить себя окончательно на радость супругу. Причем быстро.

Я выплеснула бокал на ладонь. Спирт обжег так, что я взвыла в голос. Даже если бы каким-то краем сознания я до сих пор надеялась: это сон, сейчас бы точно убедилась в реальности происходящего.

— Барыня! — ахнула Матрена. — Да что ж вы!

Я стерла рукавом слезы.

— Бинты давай сюда. Чистые. И скажи, чтобы принесли воды помыться. Еще переменяли белье и постель.

Женщина перекрестилась.

— И в самом деле бредит.

— Выполнять! — рявкнула я.

Сиделка выскочила за дверь.

Я спустила ноги с кровати, посидела, ловя равновесие. Интересно, дойду до окна или свалюсь по дороге? Не хватало еще второй раз голову разбить — уже насовсем.

За окном колыхнулись голые ветки, луч солнца блеснул на стекле. Второй графин рядом с первым. Кристально прозрачная жидкость внутри. Вода?

Может, я бы еще поколебалась, вставать или нет, но во рту было сухо, как наутро после хорошего застолья. Жаль только, без самого застолья.

Весь мир сосредоточился в этом графине, и я потянулась к нему как замороженная. Встала. Повело в сторону, но устоять получилось. Шаг. Еще шаг. Я вцепилась в спинку стула, пережидая головокружение. К счастью, недолгое. Как будто каждый сделанный шаг добавлял мне новые силы.

Может, так и было? Может, этот перенос сознания, или как там он называется, начал восстанавливать и тело?

Однако на чудо надейся, а сама не плошай. Девять дней лихорадки, пот ручьем — организм обезвожен. При сепсисе это катастрофа: кровь густеет, циркуляция нарушается, токсины не

выводятся почками, давление падает. Если не восстановить водный баланс, сердце начнет колотиться вхолостую, и — приехали.

Я тяжело оперлась на стол. К счастью, он выдержал. Выдернула пробку из графина.

А водичка-то чистая? Или, как водилось в девятнадцатом веке, из реки, куда сливаются все стоки города? Холера, дизентерия, брюшной тиф — выбирай на вкус. Конечно, на фоне родильной горячки это лишь пикантное дополнение, и все же...

Я открыла второй графин, плеснула в воду немного коньяка, потрясла, чтобы антисептик равномерно распределился. Толку, конечно, чуть, но хоть душа спокойней будет. И присосалась к горлу.

Господи, хорошо-то как!

За спиной скрипнула дверь. Я обернулась. В дверном проеме стоял Андрей.

— Я просила принести чистые бинты, воду для мытья и перемену белья, — сказала я сиделке, которая маячила за его плечом. — Беспокоить ради этого...

«Губернатор, — всплыло в голове. — Светлоярской губернии».

Ничего себе! Высоко взлетел в свои... тридцать пять — услужливо подсказала мне память предшественницы. Чей-то родственничек или упертый карьерист? Ай, да какая мне разница, не до того сейчас!

— ... моего супруга, отвлекая его от государственных дел, совершенно бессмысленно. Тереть спинку мне не нужно, сама справлюсь.

— Господи помилуй, — широко перекрестилась сиделка.

Андрей замер. Добрые несколько секунд он смотрел на меня, как сисадмин на синий экран смерти. То ли лезть в логи, то ли сразу все снести к известной матери и переустановить заново... если не придется в железе копать.

— Анна, что ты делаешь?

Теперь я зависла на пару мгновений. Что ему, собственно, ответить? Пытаюсь не сдохнуть? Не поймет.

Пальцы стиснулись на горлышке графина. Шарахнуть бы об пол, чтобы осколки во все стороны, и заверещать на ультразвуке. В конце концов, женщина я или нет? Имею право закатить истерику,

обнаружив себя неизвестно когда неизвестно где, да еще и замужем за неизвестно кем?!

Женщина-то я женщина, только две X-хромосомы не означают отсутствия мозга. Проверено на себе. Поэтому вдох, выдох и прикинем, что мне даст истерика.

Переработаю адреналин в ультразвук — ненадолго полегчает. Возможно, звон в ушах у супруга. Дальше? Повторный визит доктора, лауданум для успокоения. И кровопускание — потому что синий и холодный пациент доставляет куда меньше проблем, чем вопящий и матерящийся.

Я аккуратно вернула графин на стол.

— Стою. Жду, когда сиделка выполнит мою настойчивую просьбу.

Андрей продолжал смотреть на меня, теперь — с выражением человека, который пытается решить в уме дифференциальное уравнение третьего порядка. Брови его медленно поползли вверх.

— Стоишь, — повторил он с интонацией, с какой обычно констатируют очевидные, но маловероятные факты. Вроде «снег в июле» или «министр не берет взятки».

— Угу, — подтвердила я, стараясь не опираться на столик слишком сильно. Еще урону нечаянно. Ноги подрагивали, но держали.

Пока держали.

Он прищурился. Взгляд скользнул по моему лицу, задержался на руке — той, что я порезала о ланцет и щедро полила коньяком. Потом перешел на графин. На мокрое пятно на ковре, куда капнула вода. Обрато на меня.

Я почти видела, как за этим холодным взглядом щелкают шестеренки. Умиравшая жена. Девять дней лихорадки. Доктор сказал: «К утру отойдет». А она встала. Пьет воду. Требуется бинты.

— Матрена, — не поворачивая головы, негромко сказал он. — Выполни распоряжение Анны Викторовны.

Сиделка ойкнула и исчезла за дверью с такой прытью, будто ею из рогатки выстрелили.

Мы остались вдвоем.

Андрей шагнул в комнату. Медленно, осторожно — как в клетку к тигру.

Или в палату для буйнопомешанных.

— Григорий Иванович говорил, что при родильной горячке иногда случается временное улучшение, — произнес он задумчиво. — Перед самым концом.

— Случается, — подтвердила я. — Тем не менее я не желаю подыхать в собственном поту на грязных простынях.

— В гробу обмоют. — Как ни странно, я не услышала в его словах ехидства. Скорее — констатацию факта.

— Резонно. Однако я сказала «подыхать», а не «лежать в гробу».

Уголок его рта дрогнул. То ли усмешка, то ли нервный тик.

— Различие существенное. Но ты слишком слаба, и любые усилия могут ускорить... финал.

Как будто тебе не все равно!

Я пожала плечами.

— В этом мире известен ровно один случай вечной жизни, и тот задокументирован...

Я осеклась. Не хватало еще, чтобы меня за богохульство притянули.

— Словом, конец в любом случае один, так почему бы мне не скрасить остаток времени чистотой и нормальной, вкусной едой?

Будто подтверждая мои слова, желудок заурчал.

Заурчал! Я чуть не запрыгала от радости, спохватилась в последнюю секунду, вспомнив что не слишком твердо стою на ногах. Если вернулась перистальтика, значит, это тело действительно выздоравливает. У меня есть шанс... главное — его не профукать.

— Я распоряжусь о еде.

— Куриный бульон и сухари, — уточнила я.

Чудеса чудесами, но после нескольких дней почти полного поста лучше не рисковать.

— У тебя поменялись вкусы?

— Не только вкусы. Близость смерти вообще меняет перспективу, знаешь ли.

Военный инженер как-никак. Значит, не любимый родственничек какого-нибудь влиятельного лица, такие под пули не попадают.

— Знаю, — эхом отозвался Андрей. Смотрел он на меня по-прежнему странно. Изучающе. — Еще как меняет.

Пауза затягивалась. Я посмотрела на графин — жаль, все выпила, это бы помогло заполнить молчание. Разозлилась на себя. Ну смотрит

на меня мужик — как будто мужики на меня никогда не смотрели. Ну изучает — любой бы на его месте озадачился, если бы почти готовая покойница восстала и начала строить прислугу. Мне-то что? Близок он мне не больше — и прежней Анне тоже, судя по всему, — чем случайный попутчик в поезде.

Я заставила себя посмотреть ему в глаза. Какое-то время мы снова мерялись взглядами.

— Дай-то бог, — сказал он. — Впрочем, я уже ни на что не надеюсь. Такие, как ты, не меняются.

Он шагнул за дверь, не дожидаясь моего ответа. Тут же внутрь проскользнула Матрена. В одной руке — ведро с водой, в другой — кувшин с кипятком. Но вместо того, чтобы поставить их в комнате, она прошла за ширму у стены. Повозилась там — слишком уж долго повозилась. Вернулась.

— Вы бы прилегли, милостивица. Я сейчас бинты принесу и помогу вам обмыться.

Уборная, вспомнила я. Там, за ширмой, — уборная. Помесь гардероба и совмещенного санузла.

Едва сиделка ушла, я шмыгнула в уборную. Не тратя время на разглядывание мрамора и позолоты, поставила на пол здоровенный медный таз. Нашла ковш, чтобы развести воду до нужной температуры, и наконец-то содрала ночнушку. Глянула вниз — на свое новое тело.

Мать моя женщина!

Глава 2

Бог с ними, с мелкими кровоизлияниями по всей коже. Проявления сепсиса, пройдут, если — когда! — выздоровею. Но живот от пупка и ниже наглядно демонстрировал, как старательно лечили мою предшественницу. Синяки от банок, ожоги от горчичников и крупные пузыри — то ли от них же, то ли еще от каких-то химикатов. Сочащиеся сукровицей следы пиявок, которые должны были высосать дурную кровь. Все по последнему слову науки. Ибо надобно вызвать отток крови от участка воспаления и оттянуть гнев природы от жизненно важных органов.

Попадись мне этот дикарь с ланцетом, я его его же ланцетом...

Стоп.

Григорий Иванович не дикарь. Далекое не дикарь. Он весьма образованный человек по меркам своего времени. И не факт, что лет через двести привычные мне методы не станут выглядеть дикими: вспомнить только, как изменились подходы после полной расшифровки человеческого генома.

И Андрей, похоже, действительно заботился — если не о жене, то о будущем ребенке. Как всегда, благими намерениями...

Ладно, оставим в покое историческую медицину, все равно с ней ничего не поделаешь. Лучше посмотрим, что мы имеем.

Девятнадцать лет. Самая красивая дебютантка позапрошлого сезона — по крайней мере так решили в свете.

«Красота — это драгоценнейший дар природы, талисман слабой и беззащитной девицы, которым она повергает к своим ногам неустрашимого героя, пленяя его навеки», — твердила маменька. И Аня верила.

Герой действительно нашелся быстро. Правда, почему-то падать к ее ногам не торопился. Предложение сделал, да. Однако радости брак не принес. Мало того, что этот старикан требовал всяких гадостей вроде супружеского долга, так еще и вместо того, чтобы дать молодой жене блистать в столице — ему же на пользу, между прочим, все знают, что карьеры делаются не на полях сражений, а в гостиной, — увез куда-то в тьмутаракань. Вместо изысканных кавалеров —

провинциальные дворянчики, вместо влиятельных дам, среди которых можно было бы занять достойное место, став хозяйкой собственного салона, — барыни в старомодных платьях, и беседы у них глупые: урожай, посевы, плуты-приказчики, цены на ткани... Тоска!

Я тряхнула головой. Вылила на нее пару ковшей воды. Полегчало.

Ладно. Что-нибудь полезное — по-настоящему полезное — в этой девятнадцатилетней головке есть? Беглые французский и английский. Берем, пригодится. Танцы. Пение и фортепиано.

М-да...

Я копалась в чужих воспоминаниях, будто в кадрах старой кинохроники.

Я размазываю по лицу слезы и сопли. Колени болят, но куда сильнее жжет седалище. И память — короткий свист, обжигающая боль, паузы между ударами страшнее самого удара. Спокойный голос маменьки: «Только потаскухи читают о незаконной страсти! Будешь стоять на коленях в углу до вечера!»

Больше Анна в жизни не раскрыла не только «Новую Элоизу», но и подобающие девице «Письма о долге женщины».

Я поежилась, плеснула еще теплой водички — согреться.

С книгами и науками ясно. Что еще? Изящное рукоделие. Безделье — грех и позор, поэтому у барышни, а позже дамы в руках всегда должна быть работа. Рисование. Учитель попался на удивление хороший, дав практически курс академической живописи. Что ж, не найду, куда себя приложить, начну писать портреты и салонные натюрморты. Буду продавать от лица мужа.

Я захихикала, представив себе это самое лицо, когда оно — он, в смысле — обнаружит свою подпись под какой-нибудь новой интерпретацией «Свободы на баррикадах». И как губернатор Светлоярска будет объяснять сие вольнодумство в Петербурге. От этой мысли я расхохоталась в голос.

Зря. Колени подкосились, и я осела прямо в таз. Чудо, что не свалилась. Рановато разбежалась.

— Барыня, да что же вы! — заохали за спиной. — Да как же... Да что ж я барину скажу, точно дитя малое, ни на минуточку оставить нельзя!

Я вытерла глаза. Отдышалась. Огляделась.

Да, изящно обставленная уборная превратилась в постирочную. Лужи. Ночнушка мокрым комом на полу. Таз с помутневшей водой. И посреди этого безобразия голая мокрая барыня. Слабая, но совершенно довольная жизнью.

Хотя бы потому, что эта жизнь у меня пока есть.

Вот только батарейка села, окончательно и бесповоротно — первый порыв бодрости, поднявший меня с постели, улетучился и навалилась слабость. Ничего. Это пройдет.

— Давайте-ка, милостивица.

Сиделка ухватила меня под мышки. Силища у этой невысокой бабы оказалась неженская — вздернула меня на ноги, будто младенца.

Я позволила Матрене вытащить себя из таза и усадить на низкую мраморную лавку у стены. Бог знает, зачем ее сюда поставили, но сейчас она пригодилась. Гравитация в этом мире работала исправно, и спорить с ней в моем нынешнем состоянии было себе дороже. Физические кондиции — как у пациента, только что отошедшего от наркоза. Вроде все работает, но с оговорками.

Спасибо, что вообще работает после того как это тело девять дней умирало. Умирало, да не умерло. Это главное. Остальное — детали.

— Ну вот, барыня. — Матрена обернула меня простыней. — Что ж вы как дитя малое, сами в таз полезли, воду расплескали всю. Я бы вам ванну набрала, как полагается, и...

— Стоп, — перебила я. — Никакой ванны.

Во-первых, ждать эту самую ванну мокрой и сидя на каменной лавке я не собиралась. Во-вторых, не хватало мне, волшебным образом избавившись от одной инфекции, тут же организовать себе вторую, плюхнувшись в ванну.

Она замерла.

— Как это — никакой?

— Вот так. Помоешь меня аккуратно, из ковшика, с мылом. И мыло достань хорошее, французское.

Вот в чем-чем, а в жадности Андрея не упрекнуть. Жену он обеспечивал, как сказано в законе, «сообразно своему состоянию». Жаль только, прежняя Анна не вдавалась в подробности, чем он зарабатывает... точнее, как он делает деньги. Явно ведь не в офисе сидит с девяти до шести.

— Барыня, так вы всегда ванну любили. Да и... — Матрена растерянно обвела рукой наше поле боя: таз, лужи, мокрые тряпки. — Непорядок.

— Плевать на порядок. Я не желаю ждать ванну.

Лицо Матрены разгладилось, как у человека, узнавшего показавшуюся поначалу странной мелодию. Барыня капризничать изволит.

— Как прикажете, голубушка.

— Вот и отлично. Начнем с головы.

— Зря вы, милостивица, волосы намочили, — заворчала сиделка, расплетая мне косу. — Как их прочесать-то теперь?

— После мытья прочешем. Медленно и печально. Поливай.

Теплая вода полилась на голову, и я зажмурилась. Господи, как же хорошо. Девять дней Анна провела в бреду и жару, и все эти девять дней никто, видимо, не счел нужным хотя бы освежить ей голову уксусом по проборам. Волосы слиплись от сала и пота, кожа чешется.

— Мыль, — приказала я.

— Сейчас, милостивица, сейчас... — Матрена достала что-то похожее на чашку и помазок, видимо, собираясь взбивать пену.

— Так мыль, как есть. Прямо по голове.

— Вы же сами твердили, мол, во французских журналах...

— А сейчас говорю — не возись со всякой ерундой!

Я попыталась отобрать у нее кусок мыла, но тело тут же повело в сторону. Пришлось опереться на лавку. Матрена взялась за дело. Ее пальцы массируют кожу, мыло пенилось, стекая по вискам. Запах лаванды успокаивал, перебивая амбре немытого тела. Я прикрыла глаза.

Кайф. Неземной, почти неприличный кайф от такой простой вещи, как мытье головы.

— Смывай. Лей вот сюда... нет, Матрена, не в ухо, уши мне еще пригодятся. Чтобы слушать, как ты охаешь. Вот так, хорошо. Еще кувшин. Лей-лей как следует, чтобы мыла не осталось.

— Да не ерзайте вы, барыня, — проворчала Матрена. Паника из ее голоса почти пропала. — Сидите хорошо, миленькая, а то не только голову, но и вас всю водой изолью.

— Так я и так вся мокрая, — хихикнула я.

Несколько минут мы работали слаженно — я командовала, Матрена выполняла. Под конец она отжала мне волосы, укутала голову полотенцем.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала она. — Теперь-то в постель?

— Еще чего! А остальное?

— Какое еще остальное?!

— Все остальное. — Я сбросила мокрую тряпку, которой была укутана. — Давай мочалку. И воду свежую.

Матрена ахнула, схватила первое попавшееся полотенце, попыталась снова меня укрыть.

— Да что ж вы, барыня! Вас сквозняком надует!

— «Продует», — привычно, будто студента, поправила я. — Тем более надо помыться быстро. Давай мочалку, говорю.

— Какая ж вам мочалка, барыня. Кожа-то у вас нежная. Я сейчас губочку... — Она потянулась к мраморному столу с тазами и прочими прибрдами для мытья.

Губка. Мягкая, нежная. Натуральная — из моря. Только...

Только лежит она в фарфоровой вазочке. Которая стоит в довольно теплой, несмотря на зиму, комнате. И даже если этой самой губкой не обтирали больную в последние дни, из средства гигиены она давно превратилась в источник инфекции.

И ведь даже не прокипятить, как современные мне синтетические. Морские губки — белковый субстрат, от кипятка белок денатурируется, губка становится жесткой и рассыпается.

— Губку положи на место, — велела я. — Возьми полотенце. Чистое.

— Так как же...

— Полотенцем будем мыться. А губку, как закончишь со мной возиться и приберешь здесь все, залей водкой на полчаса.

— Виданое ли дело водку переводить, — заворчала Матрена.

— Губку выбросить дороже выйдет, — парировала я. — Полотенце давай.

Матрена поджала губы — это выражение я уже начинала узнавать. Оно означало «барыня опять блажит, но спорить себе дороже».

Правильное выражение. Пусть думает что хочет, лишь бы не спорила.

На какое-то время я снова расслабилась — пока мокрое мыльное полотенце проходило у меня по спине, по рукам, по ногам.

— Выпрямитесь, барыня. Животик ваш...

— Живот не трогай, — отрезала я. — Живот потом я сама. Поливай.

В этот раз она не стала спорить.

— А теперь давай еще одно полотенце. Чистое.

— Барыня, так кончились!

— Значит, сбегай. И заодно пару лишних простыней принеси.

Укутаться.

— Как же я вас одну-то оставлю! Не ровен час, свалитесь.

— Не свалюсь. — Я демонстративно разложила на лавке полотенце, которым только что мылась, и улеглась поверх него. — Видишь, лежу.

— Так озябнете!

— А ты быстрее беги! Чтобы я не озябла.

— Барыня... — Она попыталась придумать очередное возражение, но не вышло.

— Раз за девять дней не померла, за пять минут без тебя не помру, — отрезала я. — Марш!

Она исчезла.

Я вздохнула, вытягиваясь... и поняла, что с «не озябну» однозначно себя переоценила. Натоплено-то, конечно, было хорошо, но все же не баня. И лежать мокрой на мраморе... этак и совсем остыть недолго.

Я кое-как села. Дотянулась до ковша и мыла.

Так обойдусь. Без полотенца. Так, может, и легче будет.

И все равно больно. Даже самой. Даже намыленной ладонью. Но живот промыть нужно, чтобы не нагноились раны и ожоги, оставленные лечением. Надо обработать хотя бы мылом, потом полить коньяком — я стиснула зубы при одной мысли о том богатстве ощущений, которое мне предстоит, — и перевязать.

Но все же какая живописная пятнистость! Прямо леопард.

— Барыня, да что же вы! Опять все сами!

— Тебе же заботы меньше, — фыркнула я. — Поливай.

Наконец меня осторожно промокнули полотенцем и завернули в шелковый пеньюар. Чистый.

Волосы вымыты. Тело вымыто. Кожа пахнет лавандой, а не старым потом и болезнью. Красота!

— Ну а теперь пойдете в постель, барыня, — заворковала Матрена, увлекая меняк двери.

Я шагнула за ней. В нос ударил запах давно не проветриваемой спальни.

Стоп.

В постель нельзя. Постель грязная. Девять дней я в ней лежала, потела, истекала... гм. Даже если полностью сменить белье...

— Постель, — медленно произнесла я, — надо сменить.

— Это я мигом, барыня. Извольте вот здесь посидеть. — Она усадила меня в кресло у окна. Добавила: — А ежели бы вы изволили ванну принять, так я бы, пока вы нежитесь, и белье бы переменяла, чтобы вам никакого неудобства.

— А если бы я утонула в той ванне? — проворчала я. — И менять надо не только белье. Всю постель.

— Как всю?

— Не белье. Все. Матрас...

— Какой матрас, перины пуховые, вы на них как принцесса заморская...

— Неважно, значит, перину. Подушки. Одеяла. Все надо вынести, вычистить, проветрить. А лучше — сжечь к чертовой матери.

Матрена смотрела на меня круглыми глазами.

— Сжечь?.. Да вы что, барыня! А барин...

— Ладно, раз сжечь барин не позволит, вот эту постель всю вытащить. Подпороть углы. Пересыпать пух свободно в наволочки. Отполоскать в мыльной воде. Повторить до чистых промывных вод.

— Ась?

— Законспектировать?

Матрена моргнула. Я опомнилась.

— Значит, так. Сейчас ты принесешь мне свежие постельные принадлежности. А потом я расскажу, как выстирать старые. Если ты сама не знаешь.

— Я у барина спрошу, — сообразила Матрена. Шагнула к двери.

— Стоять! — рявкнула я.

Кажется, начинается новый раунд. В красном углу — сиделка с железными убеждениями насчет того, что барыне полезно. В синем

углу — барыня с не менее железными убеждениями насчет того, что ей самой полезно.

На кону — чемпионский пояс в категории «кто в этой комнате решает».

Глава 3

Я медленно растянула губы в ледяной улыбке.

— Только посмей не послушаться. Я тогда сама встану и пойду спрашивать барина: дозволено ли мне спать на чистом, а не на пропитанном миазмами? Не соизволит ли он сам проинструктировать прислугу, как правильно стирать перины и подушки?

Я оперлась на подлокотники кресла, приподнимаясь. Пеньюар, в который я закуталась, но не завязала завязки, пополз с плеч.

— Вот голяком и пойду по всему дому, чтобы в полах не запутаться и не упасть.

Выпрямиться получилось. А что в таком виде... Во-первых, это не совсем мое тело. Во-вторых, кожа — она и есть кожа. Было бы странно предполагать, будто муж в его возрасте не видел голых женщин.

А может, и правда не видел, с местным-то воспитанием. При жене он точно не раздевался, да и ей только рубашку задирали. Хотя ее бы удар хватил, увидь она мужа в чем мать родила. Ох уж это мне воспитание приличных девочек! А потом принимай роды у пятнадцатилетки, уверенной, что детей зачать можно только ночью, а днем — ни за что.

Стоп. О приличных девочках потом.

— Да вы что, барыня! — Матрена позеленела. — Да вас же в желтый дом мигом упекут!

Так... А вот этого я не учла. Но что теперь делать, придется блефовать до последнего.

— Не мигом. До кабинета мужа дойти успею. Как ты думаешь, что скажет барин, узнав, что его оторвали от дел по простейшему хозяйственному вопросу? — Я шагнула вперед, надвигаясь на сиделку. Главное — не свалиться, а то вместо пафосного наезда получится пшик. — И что он скажет на то, что я разгуливаю по дому голышом? Что ты не уследила за умирающей барыней?

Голова снова закружилась, и перед глазами запрыгали темные пятна. Все же я удержалась на ногах.

— Не пущу! — Матрена растопырилась в двери, будто баба на той старой картине, преграждающая мужу путь в кабак. Только меня

пытались оградить от расхаживания в непотребном виде.

— И долго ты так простоишь? — поинтересовалась я.

— Да уж дольше, чем вы, голубушка!

Я с улыбкой опустилась в кресло.

— А если так?

Повисло молчание. Судя по лицу, Матрена прикидывала варианты. Открыла рот, чтобы кликнуть кого-то себе на смену.

— Только попробуй, — негромко сказала я. — Только попробуй, и я разобью стекло и заверещу на всю улицу, что меня убивают. Соседи, конечно, потом узнают, что жена губернатора бредила в горячке, но скандал будет знатный.

Лицо Матрены вытянулось.

— Барыня...

— Вот то-то. Так что марш за свежей постелью. Из гостевой. И чтобы пахла лавандой, а не мышами.

Женщина открыла рот. Закрыла. Судорожно сглотнула.

— Где ж я вам такую перину...

— В гостевой, сказала же.

— Так там не такая! Там попроще!

Я вздохнула, демонстративно возводя глаза к потолку.

— Повторяю: мне плевать. Хочешь, вели слугам купить новую. Только быстро.

— Да где ж ее купишь такую! Из столицы везли!

— Тогда из гостевой, — повторила я тоном, каким беседовала со студентами на третьей пересдаче. — И форточку открой. Сейчас же. Чтобы проветрилось, пока будешь стелить.

Матрена ахнула.

— Да вас же продует!

— Меня любовь греет, — отмахнулась я.

Она, причитая, распахнула форточку.

Ледяной воздух ворвался в комнату, просквозил мокрое полотенце на голове, скользнул по плечам. Я поежилась.

— Ладно, не греет, — пробормотала я. — Давай сюда две теплые шали. Большие. И быстро, пока я в сосульку не превратилась.

Матрена кинулась в уборную. Вернулась, неся на ладони, точно драгоценность, две шали. Кашемировые, узорчатые, огромные —

метра по два в длину и метр в ширину каждая. Мерлинские. По десять тысяч за штуку. Анна кичилась ими, будто павлин своим хвостом.

Первую я намотала на голову, укутав мокрые волосы. Выдует последние мозги — никакие деньги не помогут. Вторую расправила как одеяло, кутаясь до подбородка.

Так-то лучше.

— А теперь за постелью, — скомандовала я.

Матрена всплеснула руками и исчезла за дверью.

Я откинулась на спинку кресла. Как же приятно дышать свежим воздухом, а не спертым духом больничной палаты! Да и не так уж холодно, под шалью-то. Здоровая прохлада.

Матрена вернулась минут через десять — не одна. С ней была еще одна женщина, совсем молодая. В сером платье, белом фартуке и белом же чепце — по английской моде.

«Марго, — всплыло в голове. — „Марфа“ пахнет кислой капустой, такое имя не подходит горничной жены губернатора. Будет Марго».

Обе тащили перины, подушки, одеяла. Громоздкие узлы, которые еле пролезли в двери.

Женщины засуетились у постели. Матрена взялась за один край одеяла, Марфа — за другой. Встряхнули. Что-то взлетело, блеснуло в воздухе. Глухой стук о ковер. Матрена заозиралась.

Я увидела первой. Любопытство прибавило сил — я подхватила с кресла и подняла с пола ланцет. Правда, обратно в кресло едва не свалилась.

Марфа замерла, глядя то на мое лицо, то на инструмент в моих руках. Оставлять нельзя. Отбирать — так как бы барыня блажить не начала, размахивая острым предметом. Жить-то хочется.

Я покрутила в руках ланцет. Увесистый. Ромбовидное лезвие, ручка из слоновой кости. Провела лезвием параллельно коже на предплечье, срезая волосок. Острый. Очень острый.

Ну и что мне с тобой делать?

Вскрывать вены себе я не позволю, другим — не стану. Оперировать таким... Нет, с головой у меня пока не все в порядке. Какие операции? Я больше не профессор. Я — молодая капризная жена губернатора. Кто мне даст оперировать? Кого? Зачем?

Да и вообще, для начала себя бы на ноги поставить.

Я взвесила ланцет на ладони.

Оставить себе как сувенир на память о том, как я чуть не сдохла? Спасибо, обойдусь.

Я протянула ланцет Матрене.

— Когда доктор придет — отдашь. Скажешь: барыня велела вернуть с благодарностью за старания. И добавь: предупреждение насчет кровопускания остается в силе. Если он еще раз приблизится ко мне с этой штукой, я засуну ее ему туда, откуда самостоятельно не извлечь.

— Барыня! — ахнула Матрена.

— Повтори.

Она повторила, краснея и запинаясь, но было очевидно — если и посмеет озвучить такое уважаемому доктору, то только ежесекундно предупреждая, мол, это не я, это барыня, что с нее взять, с болезной, бредит, бедная...

Впрочем, неважно. Мое дело — предупредить.

Я откинулась на спинку кресла.

Женщины вернулись к работе. Расстилали перины, взбивали подушки, разворачивали одеяла.

Я сидела в кресле, укутанная в шали, и наблюдала за процессом.

Кажется, жизнь налаживается.

Вот только пить хочется.

Горничная с сиделкой как раз закончили перестилать постель. Свежие простыни, взбитая перина и подушки, чистое одеяло. Облако, а не постель, так и манило нырнуть и отрубиться.

Но рано.

— Матрена, ступай на кухню и сделай мне питье, — приказала я.

— Чего изволите? Чая? Воды с шампанским или коньяком, как доктор велел?

— Еще шампанское переводить, — проворчала я. — Шампанское я на его похоронах выпью, из горла всю бутылку.

Сколько я ни пыталась напомнить себе, что Григорий Иванович не злодей, а действовал из лучших побуждений, это не помогало. Еще две тысячи лет назад было сказано: судите, мол, дерево по плодам. А плоды его учености — едва не погибшая роженица и мертвый ребенок. Хорошо, что я — я сама, а не прежняя Анна — никогда младенца не видела и в руках не держала. Можно заставить себя абстрагироваться.

Не думать. О том, что сейчас у меня мог бы быть ребенок, которого не случилось в прежней жизни.

Не думать, я сказала!

— Мне нужно особое питье. Скажи кухарке, чтобы взяла два литра воды. Непременно кипяченой. Поняла?

— Да, барыня.

— Узнаю, что сырая — пришибу, — пригрозила я, не особо, впрочем, уверенная, что подействует. — Сырую воду от вареной я отличить в состоянии.

— Как прикажете, барыня.

Не нравилось мне это ее послушание. То по каждой мелочи готова была спорить, а то вдруг — «да» да «как прикажете». Неужто добровольное возвращение ланцета помогло? Вряд ли, учитывая все при этом сказанное.

Но у меня не было сил встать и сделать все самой.

— Значит, два литра кипяченой воды.

— Прошу прощения, барыня?

Тьфу ты, здесь же еще штофами и бутылками меряют.

— Возьми большой кувшин с синими цветами. Туда налей воды до горла. В воду четыре суповых ложки сахара. Чайная ложка соли. Сок лимона, если есть...

Я запнулась.

Лимон. Зимой. В провинции.

Память предшественницы услужливо подсунула картинку: гостиная, тусклый вечерний свет из окон — пора бы уже свечи зажечь. Дома вечерами сидели в потемках, сейчас можно не экономить. Андрей у камина. В дверях — Алексей Дмитриевич Корсаков, предводитель дворянства*. Вручает горничной маленькую корзинку, накрытую кружевной салфеткой, чтобы та тут же передала ее Андрею. Как полагается по этикету.

«Вот тебе подарок, Андрей Кириллович, чтоб жизнь одним медом не казалась», — смеется Алексей Дмитриевич.

Андрей откидывает салфетку. Я ахаю: лимоны, три штуки, желтые, будто солнышки.

— Откуда? — удивляется Андрей.

— Из моей оранжереи.

— Не бойтесь, что вашего садовника сманят? — улыбаюсь я. — Он настоящее сокровище.

Когда это было? Дней за пять до родов?

Я тряхнула головой, возвращаясь в здесь и сейчас.

— Значит, сок из целого лимона. И две щепоти золы.

Сахар и соль восполнят уровень глюкозы и электролитов, лимонный сок послужит буфером, восстанавливающим кислотно-щелочной баланс, зола — тоже электролиты, не натрием единым. ВОЗ рекомендует в раствор для регидратации добавлять хлорид калия, но где ж я его тут возьму? Хоть карбонат пусть будет — поташ из древесной золы.

Пока я диктовала список, лицо Матрены вытягивалось. Зола ее добила.

— Барыня, воля ваша, но негоже так шутковать! Где это видано: ладно сахар с солью намешать, но зола! И лимон испортите. Андрей Кириллович прогневается.

— Андрею Кирилловичу жаль несчастного лимона для больной жены? — подняла бровь я.

На самом деле — конечно: дорогая диковинка, которую следовало бы смаковать по ломтику с чаем. Но жить-то хочется!

— Барыня, стыдно вам должно быть на супруга напраслину возводить! Барин и с прислугой щедр, а уж вас вовсе золотом усыпал! — возмутилась сиделка.

Горничная, услышав это, вытаращила глаза и сжалась в комок. Вспомнила, видно, как хозяйка отхлестала ее мокрым полотенцем по щекам, «чтобы не перечила». Однако у сиделки, которая должна была печься о моем здоровье даже против моей воли, явно было куда больше привилегий.

Да и не собиралась я никого лупить по мордасам.

— Раз барин щедр, значит, лимона не пожалеет. Ступай на кухню.

— Да добро бы выпили, так ведь выльете!

— Выпью.

Матрена уперла руки в бока.

— Барыня, воля ваша, но это в рот взять невозможно будет. И сладко, и солено, и кисло, да еще и зола.

Мне остро захотелось топнуть и завизжать, как это делала моя предшественница. По отношению к прислуге, конечно. Вести себя так

с мужем было бы просто неприлично.

— В рот взять невозможно, — согласилась я. — Зато выжить возможно. Делай как я велю.

— Да как же так — соль в питье! Это ж не щи!

Я мысленно выругалась. Так. Командирский рывк — был. Шантаж — был. Истерика — не поможет, сиделка на то и сиделка, чтобы быть привычной к истерикам. Физическое воздействие — не наш метод, хоть руки и чешутся, да и сил нет. Какие у меня еще варианты?

— Матрена... — Я соорудила скорбную мину. — Я слышала, доктор сказал — к утру помру.

— Да что вы... — не слишком уверенно запротестовала она.

— Муж за священником послал. И тебе жалко подать умирающей то, что она просит? — Я картинно вздохнула. — Ладно. Обойдусь. Раз мне сахара с лимоном жалеют. Буду являться к тебе с того света и упрекать...

Горничная снова охнула, закрыла рот ладонями и вытаращила глаза так, будто я прямо сейчас собиралась явиться бесплотным духом с претензиями. Матрена дрогнула.

— Сейчас кухарку попрошу, чтобы сделала, барыня.

— Повтори, сколько чего класть, — тут же потребовала я.

Конечно, она успела забыть за спором. Пришлось напомнить. С третьего раза воспроизвести рецепт получилось, и сиделка удалилась с облегченным вздохом.

Я проводила ее таким же и повернулась к горничной. Марфа съежилась под моим взглядом.

— Теперь ты.

— Чего изволите, барыня? — пискнула та.

— Принеси мне чистого полотна. Да не нового. Старых сорочек или простыней. Таких, чтобы застираны до мягкости.

— Как прикажете, милостивица.

Отлично, хоть кто-то не спорит.

— Еще ножницы. Разожги утюг и подготовь место для глажения.

— Как прикажете, — заученно повторила она.

— Ступай... Ах да.

Еще мне нужен будет антисептик.

— Ляпис в доме есть? Муж мой порезы после бритья чем прижигает?

— Что вы, барыня, у Степана руки золотые, ни разу я не видала, чтобы он барина, брея, порезал.

Значит, ляписа нет. Жаль.

— Ладно, тогда еще плоску меда принеси.

Она поклонилась и тут же исчезла. Я осталась одна — наконец-то. Жаль, ненадолго. Откинулась на спинку кресла. Тишина. Только дрова трещали в печи да за окном тарабанила капель. Я посмотрела туда. Яркое, уже не зимнее солнце. Сосульки свисают с крыши дровяного сарая.

Скоро Масленица. Анна очень переживала, что не сможет бывать на масленичных приемах. Танцевать на губернаторском балу. Злилась на себя, на мужа, на свою беременность. Хотела родить пораньше, а роды все не наступали...

Доживу до весны. Назло всем доживу. И до лета. И до осени. И вообще буду жить долго и счастливо. Из присущей мне вредности.

Скрипнула дверь. Я обернулась. Матрена вошла с подносом. Только вместо требуемого питья на подносе стояли глиняный кувшин, солонка, сахарница и блюдец с половинкой лимона.

— Это что? — подняла я бровь. — Набор юного кулинара?

* * *

О предводителе дворянства Светлоярской губернии можно прочесть в книге Светланы Томской «Не дергайся, граф! Снимаю!»: <https://author.today/reader/557146>

Глава 4

Матрена поставила поднос на стол передо мной.

— Вот, барыня. Не сердчайте, что все по отдельности. Пошла к кухарке, как вы велели. Федора сказала, рука не поднимется у нее продукты переводить, сказала... Прощения просим. Сказала, что коли уж вы задумали питье золой портить, то сами вы ее и мешайте.

Ну сама так сама, в первый раз, что ли. Только сначала...

Я осторожно пригубила через край кувшина. Подняла голову.

— Я. Просила. Принести. Кипяченую. Воду. — Под моим взглядом сиделка попятилась. — О чью голову разбить этот кувшин — твою или Федору?

Даже мое, натренированное десятилетиями работы с людьми терпение начинало заканчиваться. Не надо быть гурманом, чтобы отличить сырую — хорошо хоть колодезную, а не речную — воду от кипяченой.

Муж королевы Виктории, принц Альберт, умер от брюшного тифа. В том же году от той же болезни скончались два кузена принца: король Португалии и его брат. Если уж королевские особы от таких вещей не застрахованы, я точно не собираюсь рисковать и пить сырую воду. Даже из колодца: городские колодцы не раз и не два в истории становились источником эпидемий.

Матрена выпрямилась, скрестила руки на груди, отгораживаясь от меня.

— Барыня, я ей сказала! — В ее голосе появились заискивающие нотки. — Правда сказала, и что вы осерчать можете. А она сделала по-своему. Ну да я на кухне не хозяйка, она свое дело лучше меня знает. Федора при доме еще со времен покойной барыни, матушки Андрея Кирилловича...

Отлично. Просто отлично. Каждый суслик в поле агроном, каждая кухарка в этом доме намерена управлять государством... в смысле, имеет собственное мнение. Особенно если она барина еще мальчиком помнит.

Ох, Анечка, лучше бы ты не красотой своей в зеркале любовалась, а училась прислугу строить! А мне теперь расхлебывай за тобой — что

сложновато делать, когда сама едва на ногах держишься.

— Ступай назад, — приказала я. — И принеси мне кипяченую воду.

— Так котел горячий, обожжетесь!

— Ступай. Назад.

Я ждала, что Матрена продолжит защищать кухарку, ссылаться на традиции, на авторитет Федоры.

Но она только вздохнула, забрала кувшин и молча вышла.

Наверное, устала пререкаться.

Я откинулась на спинку кресла, собираясь отдохнуть, пока сиделка ходит за водой, но дверь снова скрипнула, впуская Марфу-Марго.

Девушка остановилась в двух шагах от меня, опустила глаза.

— Простите, барыня, — пробормотала она. — У вас в спальне негде гладить, так я в людской погладила. Еще раз простите.

Она ссутулилась, вжала голову в плечи. Ждала, что я сейчас заорю. Или влеплю пощечину за самоуправство.

Я протянула руку.

— Давай сюда, посмотрю.

Марфа подала сверток. Я развернула полотно. Мягкое: много раз стиранное. Теплое — действительно только что гладили. В самый раз на перевязку.

Хоть кто-то в этом доме умеет молча делать то, что велено.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо.

Марго подняла голову. Уставилась на меня круглыми глазами. Рот приоткрыла.

Видимо, слово «спасибо» в ее адрес звучало впервые.

— Забирай все это, — кивнула я на полотно и мед. — И жди меня в уборной, я сейчас.

— Слушаюсь, барыня.

Она взяла сверток, прижала к груди и исчезла за ширмой.

Я поднялась с кресла. Голова закружилась — не сильно, терпимо. Я взяла графин с коньяком, полюбовалась на просвет оттенком.

Что ж, не стоит оттягивать невообразимое удовольствие.

Когда я зашла в уборную, Марфа уже ждала, сложив на мраморном столе у умывальника полотно, мед и ножницы.

— Руки вымой, — велела я, ставя рядом графин.

— Как прикажете, барыня. — Она потянулась к ручной мойке.

— Стой. С мылом. Вот этим.

Я ткнула пальцем в кусок французского мыла, который Матрена бережно положила в фарфоровую мыльницу. Марго замерла.

— Барыня... так это же...

— Знаю, что это. Мой.

Девушка осторожно, будто к раскаленному углю, протянула руки к мылу. Взяла двумя пальцами. Я закатила глаза.

— Не укусит. Намыль как следует, до локтей. Между пальцами не забудь промыть. И под ногтями поскреби, как сможешь.

Пока она с выражением лица человека, совершающего святотатство, намыливая руки, я плеснула на свои ладони коньяком. Уборная наполнилась ароматом хорошего выдержанного напитка. Надо будет потом придумать какое-нибудь внятное объяснение для окружающих — на что я перевела коньяк. Окончить свои дни в психушке, подобно родоначальнику асептики и антисептики, я не хотела. Впрочем, если он здесь и существует, то еще только начинает публиковать свои наблюдения, и до печального конца далеко.

Марфа потянулась к полотенцу.

— Стоять! — одернула я.

Она застыла, неловко держа руки перед собой. Хорошая девочка. Послушная.

— Так суши, можешь помахать, чтобы быстрее высохли.

Пока горничная размахивала руками, словно пыталась взлететь, я полила коньяком и ножницы.

Этак я скоро весь коньяк в доме переведу. Надо бы водки потребовать. Но нельзя. Водка — напиток мужчин, даме подобает вино и сладкие настойки. Здоровой мне и коньяка бы не перепало.

Теперь бинты. Резать ткань на бинты хорошими острыми ножницами оказалось на удивление медитативным занятием. Сначала большой кусок — трапецией, чтобы прикрыть живот от пупка и ниже. Потом полосы: длинные, ровные. Марфа, по моему приказу, подхватывала их, аккуратно сворачивала. Наконец вся ткань превратилась в стопку рыхло и не очень умело скрученных бинтов.

Что ж, приступим к самому увлекательному.

С помощью Марфы я сняла пеньюар, глубоко вдохнула и плеснула коньяк себе на живот. Задохнулась.

Сюда бы адептов идеи жить здесь-и-сейчас во всей полноте. Чтобы почувствовали эту самую полноту каждой клеточкой. Каждым, мать его, нервным окончанием.

Марфа подхватила выпавший из моей руки графин.

— Да вы кричите, кричите, милостивица, вам же легче будет! — пролепетала она.

— Чтобы весь дом сбежался? — выдохнула я.

Когда в глазах просветлело, Марфа смотрела на меня то ли как на великомученицу, то ли как на окончательно свихнувшуюся.

Впрочем, одно другому не мешает.

И в чем-то я ее понимала. Если Матрене от идеи залить губку водкой плохо стало, то что говорить о вылитом на живот добром стакане настоящего французского коньяка?

Надеюсь, муж мне счет не выставит.

А выставит, скажу, что это мелочно и некрасиво — попрекать умирающую коньячными ваннами для красоты кожи и волос. Да, как настоящая женщина я и в гробу желаю лежать красивой, и кто мне запретит?

— Давай сюда мед, — велела я.

Марго протянула горшочек. Я зачерпнула пальцами вязкую золотистую массу.

Лучше бы, конечно, у Андрея нашелся ляпис. Развести — на стакан воды вещества на кончике ножа — и сделать примочки. Но чего нет — того нет. Мед тоже штука хорошая. Антисептик, пусть и слабый. При небольших поверхностных ожогах очень неплох, если, конечно, нет аллергии. Главное — создаст барьер между раной и бинтом, не даст ткани присохнуть, чтобы потом не пришлось отдирать с мясом.

Я аккуратно, стараясь не нажимать, начала размазывать мед по животу. Даже не столько размазывая, сколько позволяя ему нагреться и растечься самому. Липко, но по сравнению с коньяком — вообще курорт.

Закончив, взяла большой кусок ткани — трапецию — и приложила к животу. Теперь прибинтовать, чтобы не сползло. Вот уж не думала, что придется вспоминать десмургию. Привыкла работать с нормальным перевязочным материалом. Что ж, будем отвыкать.

— Помоги, — буркнула я. — Держи.

— Слушаюсь, барыня.

Еще один оборот, и еще один. Тур вокруг бедра — зафиксировать — и снова на живот.

Закончив, я буквально свалилась на мраморную лавку, не в силах больше стоять.

— Пеньюар.

Марго помогла мне облачиться в шелковый халат. Хорошо, что он не на поясе, а на завязках по бортам.

— Пойдемте, барыня. Вам надо отдохнуть.

Марфа подхватила меня под локоть, и мы медленно двинулись к двери. Пошатывало.

На контрасте с уборной в спальне было свежо. Я поежилась.

— Сейчас закрою! — всполошилась горничная.

— Оставь, пусть проветривается. Здесь, поди, недели две не открывали.

— Вы же сами на сквозняки гневались, — не удержалась она и тут же съежилась. Меня, впрочем, не выпустила — и правильно сделала. Если бы меня уронили, я бы точно разгневалась.

— Концепция поменялась. — Горничная недоуменно моргнула, и я пояснила: — Провалилась в духоте столько времени, научилась ценить свежий воздух.

— Изволите лечь?

— Нет, давай пока в кресло. Дождусь Матрену с моим пойлом... то есть питьем.

Матрена вернулась минут через десять. С тем же кувшином. Над горлышком вился легкий парок.

Я пригубила.

— Вот теперь то, что надо.

Потому долго и ходили, что ждали, пока закипит.

Матрена поджала губы, но промолчала. Молчала она и когда я сыпала в кувшин и размешивала сахар и соль — удачно, что вода горячая, проще растворится. Я выдавила сок лимона — хорошо, что руки чистые после перевязки. Взялась за золу.

Сиделка напряглась. На ее лице отразилось что-то вроде предвкушения. Я тоже напряглась. Сейчас, когда я, с одной стороны, устала, а с другой — голова стала тихонько проясняться после первоначального шока, до меня дошло то, что я упустила в самом начале.

Не пару щепоток золы мне нужно, а примерно чайную ложку. И сыпать ее прямо в раствор... Нет, я выпью, конечно, жить захочешь — не так раскорячишься, но если можно сделать лекарство чуть приятней, то почему бы нет?

Я отмерила золу в стакан, плеснула воды. Смесь мгновенно вспенилась и зашипела. Марфа перекрестилась.

Нехорошо, как бы слухи не пошли, что барыня ведьминские зелья варит.

— На золе щелок настаивают, знаете? — спросила я, перемешивая взвесь.

Обе служанки синхронно кивнули.

— Если в щелок уксуса плеснуть, что будет?

На лицах отразилась усиленная работа мысли. К сожалению, безуспешная.

Нет, они наверняка не были дурами. Просто некому было подогревать в них любознательность. Да и в самом деле, зачем бы на обычной кухне лить в подготовленный для мытья посуды или полов или для стирки щелок уксус? Зачем портить две полезные вещи разом?

— Вот то и будет, — сообщила я. — Зашипит, и пена пойдет. По отдельности они — как злая баба и злощий мужик, только попадись кому под руку. И щелок едкий, и кислота жгучая. А если их вместе под одной крышей запереть, они поорут, посуду побьют друг об друга, да и успокоятся. Глядишь, и в мире жить станут.

Марфа хихикнула.

— Нейтрализуют друг друга. Так и тут. — Я кивнула на уже переставшую бурлить жидкость.

Взяла остаток бинта — как раз сгодится накрыть кувшин для процеживания. Перелила через него раствор.

Вот так действительно будет лучше. Менее гадкой на вкус смесь не станет, конечно, но хотя бы будет относительно прозрачной, и зола не станет скрипеть на зубах.

Я велела горничной ополоснуть стакан, а когда она вернулась, отлила из кувшина и осторожно пригубила.

Как будто в разведенную кипятком морскую воду зачем-то бухнули лимона, сахара и приправили минералкой. Феноменальная дрянь. Как и ожидалось. Но могло быть и хуже.

Матрена выглядела как человек, на глазах у которого кто-то пытается съесть селедку, пролежавшую в земле несколько месяцев. Продукт, конечно, ферментированный и в теории полезный, но слабонервным смотреть не рекомендуется.

Я отпила еще несколько глотков. Медленно. Сейчас главное — не торопиться, чтобы не стошнило: после нескольких дней голодания желудок может взбунтоваться, и тогда все насмарку.

— Барыня! — не выдержала Матрена. — Да что ж это вы пьете-то? Господи помилуй!

Глава 5

— Лекарство, — коротко ответила я, снова прикладываясь к стакану.

— Какое ж это лекарство! Это же... Бог знает, что это такое!

— Матрена, ты врач?

— Нет, барыня.

— Вот и не учи ученого, — отрезала я.

Она поджала губы. Открыла было рот, наверняка чтобы сообщить мне, что и я не врач, но встретилась со мной взглядом и тут же рот закрыла.

Вот то-то же.

Я допила стакан. Медленно, мелкими глотками.

И все-таки — феноменальная дрянь.

Я вернула стакан на столик. Снова посмотрела на Матрену.

— Я пока не могу сама спуститься на кухню, поэтому тебе придется побыть моим голосом. Передай Федоре. Первое — я благодарна ей за то, что она не смешала питье сразу с золой. После горячки трудно мыслить ясно, и я не вспомнила, что лучше взять немного готового щелока. Однако вместо того, чтобы фыркать и отказываться, Федора должна была прийти и спросить, правильно ли поняла, чего желает барыня. Запомнила?

— Да, барыня.

— Второе. Я велела ей взять кипяченую воду, она подала сырую. Я жду, что в будущем она либо молча послушается, либо придет сама и уточнит, правильно ли она поняла распоряжение. Но не будет его переиначивать на свой лад. Это. Понятно?

— Да, барыня, — повторила сиделка.

Вот только по лицу и голосу было очевидно — не понятно. Так студент-разгильдяй кивает, когда куратор пытается объяснить ему, что нужно учиться, — не слыша, что ему говорят, на самом деле.

— Значит, сообщи Федоре так, чтобы и ей было понятно. Иначе...

Чем бы ей пригрозить? Угроза должна быть реальной, а не «спущусь, наору и дальше все пойдет по-старому». Уволю к известной матери? А позволят ли мне, или кухарка побежит к экономке, экономка

— к барину, а тот, поморщившись: опять жена с жиру бесится, оставит все как было? Принцип «работает — не трогай» не нынешние программисты придумали, инженерам позапрошлого века он тоже известен.

А может, и не надо ничем угрожать.

— Иначе в следующий раз я объясню ей сама. Лично. На кухне.

Барыня на людской кухне — а на господской царит повар, Тихон Савельевич, и его даже барин называет по имени-отчеству — означает, что экономка со своей задачей не справилась. Экономка не справилась — значит, барин недоволен. А недовольный барин — это уже серьезно.

— Да, барыня.

— Вот и славно.

Наконец, можно рухнуть в постель, на которую я тоскливо поглядывала последние четверть часа минимум. Я закрыла глаза. Кто-то тихонько постучал в дверь, что-то сказал — я не вслушивалась. Шаги туда-сюда. Носа коснулся дивный запах куриного бульона.

— Унесу пока, потом верну, когда проснется, — пробурчала Матрена себе под нос, и я тут же подскочила в постели.

— Никаких «потом»! Я голодная как волк. Давай сюда бульон, если не хочешь, чтобы я тебя слопала вместе с костями.

— Шутить изволите, барыня.

Однако в голосе сиделки — кажется, неожиданно для нее самой — прозвучал вопрос. Похоже, она уже не знала, чего еще может выкинуть выздоравливающая барыня. А вдруг действительно съест?

По правде говоря, я и сама не знала, чего от себя ожидать. Короткая дрема освежила, и сейчас я чувствовала себя куда лучше, чем полчаса — или сколько там прошло времени — назад.

И намного лучше, чем должна была бы чувствовать себя пациентка с сепсисом.

Мышечная слабость, спутанность сознания, тахикардия, давление под плинтусом. А у меня — голова ясная, встаю, соображаю, перевязку пережила. Нет, не как огурчик, конечно. А как человек, выздоравливающий после тяжелой болезни.

Электролиты? Недавно выпила. Слишком быстро для эффекта.

Сон? Полчаса — не восстановление.

Значит — кризис миновал раньше. До меня. Организм уже шел на поправку, когда я... в нем оказалась. Или дело в самом переносе?

Пришла новая хозяйка, привела хозяйство в порядок. Красивая теория. Недоказуемая. И совершенно ненаучная.

Ладно. Версия рабочая: попала на восходящую динамику, добавила электролиты и минимальный здравый смысл, отказалась от передовых достижений местной медицины, и этого хватило для того, чтобы сильный молодой организм, страстно желающий жить, уцепился за свой шанс.

По крайней мере в этом объяснении нет мистики.

Но расслабляться рано. Эйфория после сепсиса — известная ловушка. Сегодня хорошо, завтра — откат. Не геройствовать.

— Давай бульон, — повторила я. — И не смотри так. Я не кусаюсь. Пока.

Матрена извлекла откуда-то деревянный складной столик, пристроила его ко мне в постель. Подала бульон и сухари.

Я прикрыла глаза, вдыхая аромат. Настоящий куриный бульон — не из бройлера с гипертрофированными ляжками, и уж тем более не святотатство под названием бульонный кубик. Янтарные круги на поверхности.

Я осторожно отпила из бульонной чашки.

В последний раз такой бульон я пробовала у бабушки в деревне. Жесткая, жилистая деревенская птица, которую невозможно прожевать и после того, как она варилась несколько часов на медленном огне — даже не побулькивая, а чтобы жидкость едва колыхалась. Морковь. Корень петрушки и сельдерея. Немного перца. Соли в меру.

С белыми сухарями, ароматными и хрустящими. Пища богов. Нет, лекарство богов.

До чего же жить хорошо, оказывается!

Какое-то время я не могла произнести ни слова — слишком уж была занята едой. Самым сложным стало не слопать все в один прием, а медленно, неторопливо наслаждаться процессом.

Чтобы желудок, постившийся неведь сколько, принял человеческую еду как надо, а не вывернул обратно.

— Позови Тихона Савельевича. И подай мне кошелек.

Обычно чаевые на кухню отправляли и хозяева, и гости после особо удавшихся званных обедов или ужинов. Но такой бульон заслуживал чаевых.

Хотя бы потому, что его просто приготовили и не пытались мне рассказать, что это вредно, нельзя и вообще я все делаю неправильно.

Матрена замерла. Лицо вытянулось.

— Не надо, барыня. Тихон Савельевич... Он занят сейчас. Ужин готовит.

Я подняла бровь.

— Занят? Настолько, что не может на минуту отвлечься?

— Ну он... — Матрена посмотрела на меня честным-пречестным взглядом, означающим, что сейчас гарантированно начнут врать, и сказала: — У него там блюдо сложное.

— Угу, — кивнула я. — Консьоме а-ля рюс, сферифицированное в вакууме.

— Да-да, оно самое, — с явным облегчением закивала Матрена. — Говорит, жуть какое сложное, чуть отвлечешься — и все насмарку. Барин гневаться будет за перевод ингре...

— Ингредиентов, — подсказала я.

Барин вообще не вникал в закупку продуктов и подобные вещи. Человек, который держит в голове бюджет целой губернии: дороги, казенные постройки, жалованье, подряды и тому подобное, — впихнуть в нее еще и кухонные счета просто не способен. Голова не резиновая. Андрей полагал, что всем этим должна заниматься жена.

Анна полагала, что для этого и существует экономка — в конце концов, ей жалование платят.

— Да уж, — продолжала я все тем же притворно понимающим тоном. Сохранять серьезное лицо становилось все труднее. — Альгинат натрия для сферификации — штука дорогая и редкая. Поди, из самого Парижа возят.

— Уж то мне неизвестно, барыня, — сказала Матрена. — Однако ж, сами понимаете, Тихона Савельевича сейчас отрывать от работы... как бы барин не разгневался.

Или она боится, что разгневается сам Тихон? Готовил тот, конечно, превосходно, однако орал на прислугу так, что порой Андрей морщился и посылал Степана на кухню призвать повара к порядку. Тихон винулся, причитая, что «эти ироды бестолковые и святого разгневают», но ненадолго притихал.

Очень ненадолго.

— Матрена. — Я демонстративно покачала в руке почти опустевшую посуду. — А чашки для консье у тебя над головой не свистели?

— Барыня, да я...

— Правду! — рывкнула я командирским рывком. — Что там с Тихоном? Упокоился, что ли? Или восстал и мозги выжрал у всей прислуги, начиная с тебя?

— Так не он готовил... — пискнула Марфа и ойкнула: Матрена тяжело наступила ей на ногу.

Я перевела взгляд с одной на другую.

Ага. Вот оно как.

— Марфа, — позвала я. — Подойди сюда.

Девушка медленно, будто на эшафот, приблизилась к постели. Матрена смотрела на нее с выражением «только попробуй».

— Что ты хотела сказать? — мягко спросила я.

— Я... ничего, барыня...

— Марфа. Правду. Сейчас же.

Она судорожно сглотнула. Посмотрела на Матрену. Та свирепо мотнула головой.

— Так Тихон Савельевич бульон не варил, — выпалила девушка. — За ним в ресторацию Никитку послали! Барин велел!

Матрена застонала, схватившись за голову.

Я моргнула.

Потом рассмеялась.

— В ресторацию?

— В ресторацию, барыня, — подтвердила Матрена обреченно. — Барин сперва Степана послал на кухню спросить, есть ли куриный бульон. Степан вернулся, доложил, что нет. И барин рассудил, что есть барыня хочет сейчас, а не к полуночи, когда бульон сварится.

Ну уж не к полуночи. Но спасибо мужу — мог бы и приказать Тихону готовить. Чтобы на ресторацию не тратиться.

И становилось совершенно очевидным, почему Матрена изворачивалась.

— Простите, барыня, виновата, — запричитала она. — Больно уж Тихон Савельич... характерный. Ежели бы вы его призвали да начали благодарить за бульон, который он не готовил... тут такое бы началось... — Она перекрестилась. — Господи упаси.

Положим, на умирающую он бы орать не стал. И на барина тоже. Но и Матрене и Марфе мало бы не показалось. Как и всем остальным, кто не успел бы увернуться.

Однако бери на заметку, Анна Викторовна, сиделка твоя и горничная боятся скандалиста-повара куда сильнее, чем скандалистку-барыню. Почему бы это, интересно?

Потому что барыня гневлива, да отходчива.

А Тихон... тот неделями зудеть будет, почище соседа с перфоратором.

— Хорошо. Подай мне кошелек, — велела я.

Выудила оттуда пятак, протянула ей. Добавила копейку.

— Пошли Никитку в ресторацию, пусть передаст: барыня благодарит и велит на чай дать.

Женщины переглянулись.

— Прощенья просим, барыня, но чаевые барин с Никиткой сразу послал, — сказала Марфа, и Матрена согласно кивнула.

Я вернула деньги обратно и достала из кошелька пару монеток в две копейки.

— Возьмите. За честность вам обеим. Могли бы пятак взять и между собой поделить.

Матрена уставилась на монетки. Потом на меня. Потом снова на монетки.

Марфа покраснела до корней волос — похоже, мысль про пятак ей в голову все-таки приходила.

— Благодарствуем, барыня, — пробормотала Матрена. И добавила, совсем тихо, явно против воли: — И простите, что темнила.

— Уже простила, — сказала я. — Но больше не надо.

Вот только теперь придется руки мыть. Потому что я собиралась доесть свою порцию и, возможно, повторить. Бульон опустился в желудок приятным теплом, сам желудок его принял с удовольствием и извергать обратно не намеревался.

Марфа по моему приказу метнулась в уборную за влажным полотенцем, но едва я успела привести себя в порядок и поднести ко рту еще одну ложку, в дверь постучали.

Горничная выглянула и тут же вернулась.

— Барыня, отец Павел к вам.

Я грустно посмотрела на бульон. Бульон грустно посмотрел на меня.

— Впускай, — вздохнула я. — И бегом на кухню, скажи, чтобы бабушке хоть чая с вареньем и баранками собрали попить.

Человек пришел к умирающей. Умирающая взяла и выжила — что само по себе неплохо, но для бабушки означает: и заупокойной службы не будет, и пожертвования на храм от убитого горем вдовца тоже. Один только конфуз и потраченное время.

Минимум, что я могла сделать, это чай.

Mea culpa, бабушка. Но я предпочитаю еще пожить.

Глава 6

Я успела замотать одну шаль на голове тюрбаном. Марфа торопливо облачила меня в пеньюар и накинула мне на плечи вторую шаль, прежде чем дверь отворилась, впуская священника.

Тяжело скрипнула половица.

Входя в комнату, батюшка наклонился, чтобы не приложиться головой о притолоку. Темное облачение смотрелось на нем так же органично, как хирургический костюм на кузнеце. Крупные кисти рук, привычные, кажется, не кадиллом махать, а подковы гнуть. Седые пряди в волосах и бороде; взгляд — цепкий, сканирующий. Засунуть в кольчугу, дать в руки меч — и можно Александра Невского с него писать. Или Илью Муромца в расцвете славы.

Природа явно планировала его в витязи. Но что-то пошло не так, и сейчас в руках Павел Кондратьевич, как его величали в миру, нес в руках узелок.

Я привычно съежилась под его пронизательным взглядом, но тут же выпрямилась. Это прежняя Анна его побаивалась и не любила. И он ее не одобрял. Однако я не прежняя Анна, и потому бояться мне нечего.

Он прикрыл за собой дверь и замер.

Я его понимала. Шел напутствовать уходящую душу, а вместо душевной полутьмы, запаха лекарств и крови в лотке после кровопускания — прохлада из распахнутой форточки, раскрытые шторы, предзакатные лучи солнца заливают комнату. Вместо постной мины потенциального вдовца и дамы в агонии — дама в тюрбане, столь модном в этом году на балах. Кутается в шаль, за которую можно купить пару деревенок, и разглядывает батюшку с неподдельным интересом, как будто первый раз видит. И финальным штрихом — густой аромат наваристого куриного бульона.

Где-то за стеной негромко стукнула дверь. За окном меланхолично каркнула ворона. Отец Павел молчал. Я молчала.

Кстати, а какой сегодня день недели? Не пост ли случайно? Вспомнить не получилось: те дни, когда Анна лежала без сознания, слились в бесконечный кошмар.

Ну и ладно. Бульон я в любом случае уже съела. Оскоромилась. Лишь бы не в переносном смысле.

Я первая нарушила молчание. Сложила руки ладонями вверх.

— Благословите, батюшка.

Он моргнул. Шагнул ближе, разом заполнив собой всю комнату. Перекрестил меня.

— Бог благословит, чадо.

Выдержка у него оказалась что надо. Ни лишнего любопытства в голосе, ни удивления, разве что в глазах вопрос — но на взгляды отвечать не обязательно.

— Как вы себя чувствуете, Анна Викторовна?

— Вашими молитвами, намного лучше.

— Слава Богу. — Он перекрестился.

— Сядьте, пожалуйста, — указала я ему на кресло. — И простите, что вам пришлось проделать этот путь, возможно, напрасно.

— Напрасно или нет, одному Господу ведомо, — степенно ответил он, опускаясь в кресло. — Квартал же пешком — не такое уж испытание для здорового человека.

Теперь я моргнула, гадая, не померещилась ли мне усмешка в его голосе.

Померещилась. Определенно. Потому что смотрел он на меня серьезно и строго: вот-вот проповедь читать начнет.

— Таинство ведь требует подготовки и поста. А я только что поела.

— Не соборование.

Вот теперь в его голосе промелькнуло легкое удивление, а я мысленно застонала. Ну я и ляпнула! Барыня, с детства воспитывающаяся в православии, знала бы это даже не как «отче наш» — впитала бы с молоком кормилицы. И я бы знала, если бы потрудились покопаться в ее памяти вместо того, чтобы любопытствовать.

— Господь милостив, когда речь идет о спасении души, — добавил он уже отечески-увещательным тоном, которым обычно разговаривал с Анной и который она ненавидела. Помолчав, добавил: — Возможно, я все же не зря пришел?

Намек был чересчур прозрачен. Я задумалась. Соборование. Таинство для умирающих. К которым я себя относить отказывалась.

И все же я умерла. В каком-то смысле — умерла. Не удивлюсь, если мой холодный труп давно распотрошили в судебном морге. Та Анна, прежняя, тоже... ушла. Куда — не знаю. А я заняла ее место. Может, душе той Анны соборование поможет. Хуже точно не будет.

— Соглашусь, — медленно произнесла я, — вы действительно пришли не зря. Таинство следует провести. Но после того, как принесут чай. Чтобы нас не прервали.

Отец Павел кивнул.

— Пожалуй, так и поступим. Я не слишком люблю горячий чай. Как раз и остынет.

Мы помолчали.

— Рад видеть, что вам лучше, Анна Викторовна, — сказал он.

— А я-то как рада, — хмыкнула я. — Поверьте, родильная горячка — не то удовольствие, которое хочется повторить.

— Господь испытывает тех, кого любит.

Я не удержалась:

— Значит, меня он любит очень сильно. Знать бы, за что.

Он ответил не сразу, однако в возникшей паузе я не почувствовала осуждения. Словно батюшка действительно обдумывал ответ на мой вопрос.

— Господь любит всех своих чад, — ответил он наконец. — А за что... Многие ищут ответ на этот вопрос всю жизнь и находят, возможно, лишь на том свете. Но это неважно. Главное, что ищут. Не уподобляясь тем детям, которые проверяют на своих родителях пределы дозволенного.

Еще один тонкий намек. Наверное, действительно не слишком хорошая идея в присутствии священника вопрошать, за что меня так любит господь, и намекать на перебор с испытаниями.

На самом деле нечего бога гневить, во всех смыслах. Могла бы сейчас в морге лежать, а не на мягких перинах.

— Прошу прощения, батюшка. Грешна, — смиренно признала я. — Пожалуй, пора взрослеть. Чтобы не уподобляться.

Может, он и хотел что-то ответить, но в дверь вошла Матрена с подносом. Чайник и чашка с блюдцем, сахарница. Хрустальные розетки с брусничным и крыжовенным вареньем. Мисочки с сушками и пряниками. Из носика чайника тянулся парок — пахнуло мятной свежестью.

— Поставь пока на подоконник, — велел батюшка. — Стол мне понадобится.

Матрена послушалась без звука. Только едва слышно звякнула посуда, когда она опустила поднос на подоконник.

Надеюсь, вода, которой заваривали чай, успела как следует вскипеть. Может, хоть для гостя Федора все сделала как надо, а не как ей заблагорассудится.

Пока я об этом размышляла, сиделка метнулась куда-то в угол, расстелила на столе белоснежную скатерть, положила Евангелие и по-прежнему без единого звука испарилась.

Священник поднялся.

— Не передумали, Анна Викторовна? Некоторые мои прихожане считают, что соборовать, если больному стало лучше, плохая примета. Непременно Господь приберет.

— С точки зрения медицины, соборование ни больному, ни здоровому навредить не может, — пожала плечами я. — С точки зрения богословия... вы, конечно, разбираетесь в этом лучше меня, однако, полагаю, Господь не руководствуется народными приметам.

Отец Павел посмотрел на меня со спокойным интересом.

— Здравомыслите.

«В кои-то веки», — почудилось мне.

Он развернул узелок и начал выкладывать на стол нужные принадлежности так же быстро и аккуратно, как хорошая операционная медсестра готовит столик с инструментами. Чиркнул спичкой — резко и неуместно запахло серой, но тут же комнату заполнил теплый и сладкий аромат воска.

— Помолимся, — сказал отец Павел, и голос его сразу стал другим: не разговорным, а церковным, тянущимся.

Я поймала себя на том, что выпрямилась — как школьница на уроке. Закрыла глаза.

Чтение началось. Слова — знакомые и незнакомые одновременно — звучали ровно и монотонно, превращаясь в поток, в котором не надо понимать каждую каплю, чтобы чувствовать смысл целиком. В нужных местах я шептала: «Господи, помилуй».

Стручек с елеем коснулся кожи — холодно и маслянисто. Елей пах оливкой и красным вином. Чело, щеки, уста, ноздри... Именно не

мазал, а касался, и тепло от огромной руки священника, держащей струец, контрастировало с прохладой елея.

Странное дело. Я ведь уже помогла себе всем чем смогла. Но эти легкие прикосновения сейчас словно собирали меня. Привязывали к этому месту, к этому времени, к этому чужому телу. Возвращали смысл всему.

Никогда не считала себя особо верующей, но...

Кажется, именно это и нужно было мне сейчас. Слова, которые были древними задолго до меня и проживут еще долго после меня. Действия, которые повторялись бесчисленное количество раз.

Которые повторялись и сейчас. Чтение, молитва, холодный елей. Круг за кругом.

И каждый круг будто отпускал что-то. Не знаю что — вину, страх, саму смерть. Но с каждым кругом становилось легче дышать. Легче жить дальше. В новом мире, с новым телом, новой судьбой.

Я открыла глаза, как раз чтобы увидеть, как священник перекрестил меня.

— Господь да помилует и укрепит вас, — сказал он.

— Спасибо, батюшка.

— Господа благодарите, не меня.

Он начал собирать обратно узелок — так же привычно и четко, как раскладывал. Только свечи остались гореть на столе, разгоняя сгущающиеся сумерки.

Пока он собирал свои вещи, желудок мой — абсолютно неверующий и совершенно неблагочестивый — напомнил о своем существовании.

Громко.

Я деликатно кашлянула.

Отец Павел невозмутимо завязал узелок.

— Чай, пожалуй, достаточно остыл, — заметил он.

Я кликнула Марфу, чтобы та переставила чай на стол. И подала мне еще бульона, если остался.

— Батюшка, простите, я не помню, какой сегодня день недели. Если вы пост сегодня не держите, может — бульону? С сухариками. И то и другое дивно хорошо.

— Среда сегодня, — ответил он. Просто, без упрека.

— О. Прошу прощения.

— Не стоит. В вашем состоянии немудрено потерять счет дням. На всякий случай напоминаю, что пост — по силам, а вам сейчас силы беречь надо. Больным, детям и путешествующим дается послабление.

— Что ж, значит, курица у меня сегодня условно постная, — хмыкнула я. — Но не будет ли это... невежливо? Я ем скоромное, вы смотрите. Или постная курица не считается соблазном для священника?

— Соблазн не в ложке, а в сердце. — Он отпил из кружки. — Ешьте спокойно и не смущайте себя.

И кто я такая, чтобы спорить с бабушкой, спрашивается? Я с удовольствием захрустела сухарем. Отец Павел не торопясь брал ложечкой варенье. К сушкам он не прикоснулся. А я, хоть и предполагала, что священнику вряд ли в постный день подадут к чаю скоромное, не могла быть точно в этом уверенной. Так что настаивать, чтобы он попробовал, не стала.

— Я тебе сейчас башку сверну! — донеслось из-за окна. — Стой, кому говорят!

Из последующего нецензурного монолога стало ясно, что собака стащила у кого-то кусок хлеба. Отец Павел и бровью не повел, продолжая пить чай. Пришлось и мне сделать вид, что не слышу, хотя так и подмывало выглянуть в форточку и высказать матерщиннику все что я думаю о его лексиконе.

Обычно я спокойно переношу паузы в разговоре. Но сейчас тишина стала слишком... испытующей.

— Скажите, Анна Викторовна, а вы сами себя узнаете? После всего, — вдруг спросил он, и под неожиданно внимательным взглядом я поперхнулась сухарем.

Глава 7

Я закашлялась, задыхаясь не на шутку. Дурацкий сухарь застрял в горле совершенно буквально, и все, что я могла, — сипеть, хватая воздух ртом.

Надо сползти с кровати, согнать священника со стула, чтобы перегнуться...

Тяжелая ладонь обрушилась мне меж лопаток с силой кузнечного молота. Раз, другой. Из глаз брызнули слезы, но кусок проскочил.

Я жадно вдохнула, вытирая мокрые щеки рукавом.

— Не стоит так делать! — выдохнула я, пытаюсь дотянуться до ушибленной спины. Разумеется, не получилось. — Механическое воздействие... в смысле, если лупить человеку по спине, когда еда попала не в то горло, может только ухудшить...

Я осеклась под внимательным взглядом. Махнула рукой.

— Впрочем, спасибо. Помогло.

— И слава Богу, — невозмутимо кивнул он.

— Но все равно это неправильно. — Я криво улыбнулась, стараясь вернуть самообладание. — А может быть, приметы ваших прихожан не врут? Не прошло и получаса после таинства, а я едва не отправилась на тот свет.

— Не отправились же, — пожал плечами он. — Сухарь — не кара Господня, а просто сухарь. Жевать надо тщательнее.

— И не болтать за едой, — проворчала я.

Он промолчал. Тот самый вопрос — «узнаю ли я себя» — все еще висел в воздухе, требуя ответа.

— Что вы меня так разглядываете, батюшка? — Я нервно поправила шаль. — Ищите копыта или запах серы? Насчет рогов, простите, спрашивать надо не меня, а моего дорогого супруга.

Я тут же прикусила язык. Ляпнуть такое священнику — это надо уметь. Но отец Павел и бровью не повел, только взгляд стал тяжелее.

— Ваш супруг очень тяжело переживает смерть сына, Анна Викторовна.

Я зажмурилась до боли. Заставила себя поднять голову и посмотреть ему в лицо.

— Наверное, я выгляжу бессердечной в его глазах. И в ваших тоже. Но я не знаю, как выразить то, что не могу не только выразить, но и осмыслить. У меня не было времени даже узнать этого малыша. Надеюсь, его успели окрестить.

— Успели. — Он перекрестился, и я повторила этот жест. — Господь милостив, Анна Викторовна. Он забрал невинную душу в лучший мир, избавив от земных скорбей.

— Однако Андрей Кириллович переживает, — сухо произнесла я. — А я что, по-вашему, праздную?

— С моей стороны это выглядит так, будто вы о ребенке вовсе не думаете.

— Не думаю, — призналась я. — Потому что я свихнусь, если начну об этом думать. Душа моего сына на небесах, нагрешить он не успел, и, наверное, это должно меня утешить.

Но не утешает.

Он покачал головой.

— Вы изменились, Анна Викторовна. Та Анна, которую я знал, сейчас лила бы слезы. Говорила о своих страданиях, ждала, что все вокруг будут ей сочувствовать.

— Та Анна, которую вы знали, могла себе позволить лить слезы. У нее были на это силы. У меня — нет. Если уж Господь был столь милостив, что оставил меня на этом свете, грешно было бы утопить его дар в слезах. Горю этим не поможешь. А вот заработать обезвоживание можно запросто.

— Обезвоживание, — повторил он медленно. — Такие слова, как у вас сейчас, больше подобают вашему супругу.

Он замолчал, аккуратно, дочиста собирая варенье из розетки.

— Я пришел напутствовать умирающую. А вижу — офицера, который командует боем на смертном одре, будучи раненным в сердце.

— Господь не дает креста не по силам. Однако, возможно, прежней Анне этот крест был тяжел. И Он заставил меня измениться. Чтобы ноша стала посильной. И чтобы я смогла слезть со смертного одра.

— Вы так смело рассуждаете о замысле Божьем, Анна Викторовна. Непохоже на христианское смирение.

— Непохоже, — усмехнулась я. — Но, если бы я была смиренна, вы бы действительно пришли к одру умирающей. Поэтому мне

пришлось на время забыть о смирении и взять свою жизнь в собственные руки.

— Однако все мы остаемся в руках Господних.

— Истинно так, батюшка. Но и нам Он дал руки не для украшения.

Отец Павел налил себе совершенно остывшего чая.

— Скажите, Анна Викторовна. Что вы помните из последних девяти дней?

Он поднес кружку к губам, а глаза смотрели на меня. Внимательно. Чересчур, пожалуй, внимательно.

— Ничего. — Я пожалала плечами с деланным безразличием.

Плохо. Наверняка он поймет, что я вру. Но не рассказывать же про комиссию, канализацию и дурацкие ступеньки, отправившие меня в мир иной.

В прямом смысле, между прочим.

— Возможно, видения? — настаивал он.

— Какие еще видения? — не поняла я.

— Иные в горячке видят... многое. Ангелов. Бесов. Умерших родственников. — Батюшка говорил ровно, глядя мне в глаза. — Вам кто-нибудь являлся?

Твою ж...

Батюшке нужно объяснение, он не отвяжется от меня, пока не найдет его для себя. И среди прочих возможных вариантов — бесовское наваждение.

— Нет, отец Павел, — ответила я твердо. — Никто мне не являлся. Ни ангелы, ни бесы. Разве что доктор с ланцетом — и вот без этого явления я вполне бы могла обойтись.

Он не дал сбить себя с толку.

— И проснулись вы... другой.

— Проснулась я живой, — поправила я. — А живые меняются. Особенно после того, как побывали на пороге смерти.

— Меняются, — согласился он. — Но обычно не так... радикально. Вы даже говорите иначе. Словами, которых прежняя Анна не знала.

Я сглотнула.

— Например?

— «Обезвоживание». «Механическое воздействие», — начал загибать он пальцы.

— Мой муж — военный инженер, вы не забыли? Муж и жена — одна сата... — Я опомнилась. — Простите. Я хотела сказать, что беседы с умным и образованным супругом не могли не оставить следа в моем лексиконе.

Господи, что я несу? Анна отчаянно скучала, когда муж пытался поговорить с ней о том, что было интересно ему. О железной дороге, пароходах, ружьях, заряжающихся с казенной части.

— Так это из бесед с вашим умным и образованным супругом вы почерпнули те слова, которые сказали Григорию Ивановичу? — не сдавался священник.

— Эти слова я почерпнула из бесед простонародья. Да вы сами их слышали четверть часа назад.

— И вы поняли, что они означают? Мало того, способны повторить вслух?

Действительно, приличной женщине же не подобает... уметь пользоваться всем богатством выразительных средств родного языка.

Я пожала плечами.

— Зависит от ситуации. Повторяю, если бы я кротко и смиренно попросила бы доктора удалиться, он залечил бы меня до смерти.

— Откуда вам знать? Вы не врач.

— Не надо быть врачом, чтобы понять: если после лечения становится хуже, значит, стоит попробовать другое лечение.

— *Post hoc ergo propter hoc*, типичная ошибка мышления, — задумчиво покачал головой он.

Я мысленно ругнулась. После этого — не значит вследствие этого. Сколько раз я сама повторяла эти слова — и студентам, и пациентам. И вот мне их вернули. И кто?

— Возможно. Однако проверять, действительно ли методы Григория Ивановича усугубили мое состояние или мне это лишь показалось, я не стану, с вашего позволения. Я хочу жить.

— Это похвальное желание. Однако на что вы готовы ради того, чтобы продолжать жить?

Я выдержала его взгляд.

— Батюшка, вы хотите спросить — не договорилась ли я с бесом ради того, чтобы остаться на этом свете?

— Хочу, — честно ответил он.

— И в самом деле полагаете, что получите утвердительный ответ?

Он усмехнулся в бороду.

— Я не настолько наивен.

— А еще вы знаете, что бесноватые не рассуждают здраво. Не благодарят Господа. Не принимают таинства спокойно.

— И знаю, что люди не меняются за девять дней до неузнаваемости.

— Значит, перед вами исключение. — Я попыталась улыбнуться. — Или ваш опыт недостаточно обширен.

— Возможно, — согласился он. — Но я бы хотел понять. Превжняя Анна боялась меня. Даже не меня. Того укора, которым я против собственной воли для нее стал. Вы — не боитесь. И что-то говорит мне, что, если я сейчас скажу вам: быть супругой губернатора значит не только получать приглашения на все балы уезда, вы не попытаетесь спрятать раздражение за любезной улыбкой.

Я попробовала изобразить эту самую любезную улыбку. Он кивнул сам себе.

— Quod erat demonstrandum.

Повисло молчание.

— Кто вы? — спросил он наконец. — Кто сидит передо мной сейчас?

Я смотрела на него. Он — на меня.

Сказать правду? «Я из будущего, батюшка, лет через полтора года родилась»? Тогда он точно примет меня за бесноватую. Или за сумасшедшую.

Соврать? Но я уже попыталась, и он понял. Слишком умный, слишком опытный и, кажется, слишком хорошо знает людей.

Но и уходить от ответа нельзя. Придется придумать что-то среднее.

— Я та же Анна, — медленно произнесла я. — Только... очнувшаяся. словно спала девятнадцать лет и вдруг проснулась. Увидела себя со стороны. И поняла, что жила неправильно. Тратила время на глупости. Обижала людей. Что... — Я усмехнулась. — Что жена из меня получилась так себе...

Сушная правда, между прочим.

— А мать и вовсе не получилась.

Горло перехватило — неожиданно для меня самой. Я сглотнула.

— Не знаю, почему Господь дал мне второй шанс, но я собираюсь им воспользоваться как подобает.

Это была правда. Пусть не вся, но правда.

Отец Павел долго молчал. Потом кивнул.

— Покаяние — начало пути, — сказал он. — Но путь этот долог. И труден. Вы готовы его пройти?

— Не знаю, — честно ответила я. — Но постараюсь.

— Постараться — уже много. — Он отпил чаю. — Хотя меня все еще смущает одно.

— Что же?

— Вы говорите о покаянии. Но в голосе вашем нет скорби. Нет той боли, которая обычно сопровождает раскаяние. Есть... решимость. Целеустремленность.

И снова он попал в точку.

— Боль была, батюшка, — тихо сказала я. — Девять дней боли. Физической и душевной. Сейчас ее... меньше. Потому что я приняла свой крест. И готова его нести.

— Смиренно?

— Нет, — улыбнулась я. — Не смиренно, как мы с вами уже выяснили. Упрямо. Потому что иначе я не смогу. Смирение для меня сейчас — смерть. А Господь дал мне жизнь. Значит, хочет, чтобы я боролась.

Он смотрел на меня внимательно. Изучающе.

— Вы — загадка, Анна Викторовна, — сказал отец Павел. — И я не знаю, что вы такое. Чудо Божие или... что-то иное. Но буду молиться за вас. И наблюдать.

— Наблюдать? — Я приподняла бровь.

— Да. Потому что истина всегда выходит наружу. Рано или поздно. — Он встал. — А пока... живите. И помните: я буду рядом. Если понадобится.

Я проводила его взглядом.

Это было утешение или угроза?

Глава 8

Размышлять об этом всерьез я не стала. Смысла не было беспокоиться о том, что я не могу изменить. Будет присматривать — отлично, но вменить мне он ничего не сможет. Кликушествовать я не намерена, на одержимую тоже не тяну, а ведьм в России не сжигают примерно век как. Может, и к лучшему, что отец Павел совершенно не похож на стереотипного «уездного попа» из классической литературы и антирелигиозных агиток Маяковского. С умным человеком проще найти общий язык, а если не получится, умный недруг куда более предсказуем, чем дурак, которому может взбрести в голову что угодно. Павел Кондратьевич в семинарии не просто так штаны просиживал: латынь он точно знает лучше меня, не удивлюсь, если рассуждения римских философов читал в оригинале. Как и труды апостола, своего тезки — наверняка и греческий в активе. Про французский, на котором бодро щебетали светские дамы в столице, и говорить нечего.

В Светлоярске больше в ходу был русский, и Анна про себя презрительно кривилась, услышав русскую речь в приличном обществе. Для нее родной язык был языком черни: нянек, кормилиц, прочей прислуги.

Еще одна странность в копилочку для отца Павла: губернаторша вдруг чисто и бегло заговорила по-русски. Пользуясь тем, что никто не слышит, я выдала длинную тираду на исконно русском: в прежней жизни я неплохо знала английский: хочешь не хочешь выучишь, чтобы читать научные работы. Но здесь он не популярен в свете. Французский же...

— Je Vous remercie, Seigneur, de m'avoir laissée en vie. Auriez-Vous l'obligeance de m'expliquer ce que je suis censée en faire?[1] — вздохнула я, сама себе удивившись.

Ну что ж, одной предполагаемой проблемой в будущем меньше. Однако, прежде чем беспокоиться о проблемах, следовало дожить до времени, когда они, возможно — возможно! — станут актуальными. Поскольку нормальных лекарств здесь нет, мне остается только хорошо есть, хорошо спать и не забывать о водно-электролитном балансе.

К слову о последнем. Где моя живительная бурда? Я огляделась. Кувшин исчез.

Снова помянув на исконно-посконном русском доброхотов, помещанных на уборке, я схватила колокольчик, стоявший у кровати.

— Где мое питье? — рявкнула я на влетевшую Марфу. — Кто посмел унести?

Зря рявкнула, конечно. Если уж срываться, то явно не на нее. И я даже догадываюсь, кто посмел...

— Простите, милостивица, — пролепетала она. — Матрена велела...

«А ну подать сюда Матрену!» — едва не потребовала я.

И хорошо, что не потребовала. Потому что Марфа договорила:

— В графин перелить. Не подобает, чтобы у вашего превосходительства глиняный кувшин в спальне стоял, как у дворовой девки. Барин, ежели войдет и увидит, гневаться будет.

Опять барин будет гневаться. Хотя бы в своей комнате я могу быть самой себе хозяйкой?

— А так форма не соответствует содержанию, — проворчала я, разглядывая пузатый хрустальный графин.

В полумраке жидкость выглядела совершенно прозрачной, вода водой. Ладно, пусть развлекаются, эстеты. Мне-то как раз содержание важнее.

Надо лечь и спать до утра. Но организм, успевший немного отдохнуть — не так уж мало я проспала, оказывается, что успели навести порядок по-своему, — и хватанувший дозу адреналина во время беседы с бабушкой, спать не намеревался. По крайней мере прямо сейчас.

Надо придумать, чем заняться. Чем-нибудь не слишком сложным физически и успокаивающим душевно.

— Убери посуду, — велела я горничной. — Принеси свечи.

— Как прикажете, барыня.

Пока она суежилась, я перебралась из постели в кресло. Стянула шаль, которая служила мне тюрбаном. Марфа тут же подхватила ее у меня из рук.

— Повесь вон сушиться. — Я кивнула на ширму, отгораживающую дверь в уборную.

Надо будет потом проинструктировать их, как обходиться с кашемиром. Жалко будет, если угробят такую красоту, сунув в щелок.

— И гребень подай.

Тащиться к туалетному столику не хотелось по двум причинам. Во-первых, пуфик около него был без спинки, а я еще недостаточно окрепла. Во-вторых, любоваться на себя в зеркало — только настроение портить. И так очевидно, что можно зомби без грима играть. Еще и на голове сейчас наверняка гнездо. Гнездо кукушки, пережившее ураган.

Марфа вручила мне черепаховый гребень. В руке он оказался куда тяжелее, чем ожидалось. Оружие пролетариата, честное слово. Зато будет чем от доктора отбиваться, когда он явится.

Отделить первую прядь волос от остальной копны было непросто. Вот она, совершенно натуральная косметика без сульфатов и полимеров. Никаких тебе бальзамов-ополаскивателей, никаких масок для легкого расчесывания с силиконами, никаких детанглеров, которые превращают паклю в шелк за пару пшиков. Только мыло, уксус и расческа. Только хардкор.

Значит, начинать с концов, аккуратно, миллиметр за миллиметром. Не злиться и не дергать. Отличная медитация.

— Помочь вам, барыня? — спросила Марфа.

— Сама справлюсь. Ступай. Я позову, если понадобишься.

Она поклонилась и исчезла.

Может, и зря я ее прогнала. У нее-то точно больше опыта в исторической реконструкции быта. Пересушенные мылом волосы цеплялись, путались, гребень застревал в них намертво. Невольно я вспомнила жалобы одной пациентки, которой посоветовали научиться вязать — дескать, вязание успокаивает. После третьей спустившейся петли она швырнула вязание в стену и потом долго топтала его ногами.

Сейчас я понимала ее как никогда. Руки быстро устали с непривычки, мышцы после болезни еще подрагивали, терпение закончилось — неоткуда было взяться терпению в истощенном организме — но останавливаться было нельзя. Если я сейчас эту паклю не расчешу и она высохнет как есть, завтра придется просто выстригать все к лешему. Стриженная под Котовского губернаторша, конечно, будет выглядеть экстравагантно, однако лучше не будоражить лишний раз общественность.

Я зашипела сквозь зубы, неловко дернув прядь, и именно в этот момент дверь отворилась без стука, впуская Андрея Кирилловича.

Губернатор Светлоярска шагнул в спальню так, как неблизкие родственники входят в реанимационную палату к заведомо безнадежному. С заранее заготовленным выражением скорбной усталости на лице.

Но уже на втором шаге выражение его лица изменилось. Неужели батюшка не рассказал Андрею, что его жена передумала помирать? Должен был рассказать. Или муж не поверил? Судя по выражению лица, скорее второе. Решил, похоже, что «вашей жене лучше» означает то самое небольшое просветление, которое действительно иногда случается перед смертью. Или что душе ее лучше, потому что она примирилась с неизбежным.

В общем, реакция его оказалась почти такой же, как первая реакция священника. К слову, спасибо отцу Павлу, что не стал посвящать мужа в наш разговор. Хотя мог бы: формально беседа не была исповедью.

Секунду мы с Андреем смотрели друг на друга в полной тишине. Я даже дышать перестала, чтобы не спугнуть момент. На лице мужа, обычно непроницаемом, как броня крейсера, явственно проступило выражение типа «Что за ерунда творится?».

— Добрый вечер, — первой нарушила молчание я, радуясь, что можно на время опустить затекшие руки.

— Добрый. — Он медленно закрыл за собой дверь. Оглядел перестеленную постель, шаль на ширме, меня в кресле, мои полурасчесанные волосы. — Отец Павел сказал, тебе лучше. Я не поверил.

Я развела руками.

— Извини. Похороны придется отложить ввиду отсутствия покойницы.

Он дернул щекой. В чем-то я его понимала. С Анной у него не ладилось — совсем не ладилось. В мире, где нет разводов, единственный способ избавиться от супруга, с которым не сошлись характерами, — овдоветь. Но все же Андрей законченным мерзавцем не был, и его явно грызло, что вместо страха за жизнь жены он чувствует что-то вроде облегчения.

Жаль. Однако не помирать же мне в самом деле, чтобы его не разочаровывать?

— И спасибо, что послал в ресторацию за бульоном. Он меня просто воскресил, — добавила я.

— Не за что, — сухо ответил он, но за этими сухими словами мне почудилась растерянность. Неужели его так выбило из колеи мое внезапное воскрешение?

Впрочем, он быстро пришел в себя.

— Мне доложили, что ты обливаешься коньяком. Доктор велел принимать его внутрь, разведя пополам с водой, а не наружу.

Я пожала плечами.

— Вот пусть доктор его внутрь и принимает.

Действительно, не начинать же сейчас читать лекции про асептику и антисептику. И прямо говорить, что доктор — ходячее биологическое оружие, тоже не стоит.

Андрей открыл рот, я перебила его:

— Ты видел, во что превратился мой живот после пиявок и прижиганий?

Я потянула вверх подол сорочки, надетой под пеньюар. Реакция оказалась предсказуемой. Едва открылась щиколотка, муж поморщился и отступил.

— Анна, ты даже на смертном одре будешь уверена, что достаточно мне увидеть чуть больше, чем обычно — и я потеряю голову? Тут же забуду, о чем мы говорили?

Я фыркнула.

— Поверь, ни одного человека в здравом уме не соблазнило бы то, что у меня сейчас выше лобка.

Он резко вдохнул. Я мысленно ругнулась: при его выдержке это эквивалент матерного вопля. И мужа можно понять. Приличная дама не должна иметь представление об анатомии. По меркам этого мира мои слова — все равно что в нашем сплясать стриптиз на столе.

А я опять прокололась.

Что бы такое сказать, чтобы переключить его внимание?

— Ты ведь видел на войне загноившиеся раны? Не мог не видеть. И обонял наверняка.

Он едва заметно поморщился.

— Так вот, я не-на-ви-жу дурные запахи. А коньяк отлично их перебил.

Лицо Андрея на миг разгладилось. Такое объяснение было вполне в духе его жены. Легкомысленной и не знающей счета деньгам.

— К тому же разве светила вроде Григория Ивановича не утверждают, что болезни вызывают миазмы? Вот я и смыла дурной дух болезни, чтобы не распространять вокруг себя миазмы. Неужели тебе жаль ради этого бутылки коньяка?

— По пять рублей?

Я вздохнула.

— Ты прав.

Он моргнул: кажется, ожидал услышать что угодно, кроме этих двух простых слов.

— От водки будет куда больше прока, — продолжала я. — Вели принести ее мне.

Он медленно выдохнул, прежде чем ответить.

— Дамам не подобает...

Я перебила его.

— Если ты укажешь мне, в какой именно главе «Юности честного зеркала» или *L'art d'être bien élevé*[2] указано, что даме нельзя поливаться водкой, я с радостью соглашусь с твоими аргументами.

— В этих книгах не написано, что дамам нельзя поливать себя водкой, по той же причине, по которой не написано, что не подобает лупить гостя табуреткой.

— Туше, — признала я. И тут же пожалела, потому что взгляд Андрея стал еще внимательнее. — Однако, согласишься, некоторые гости вполне заслужили пару ударов табуреткой.

Муж прищурился. В уголках его губ дрогнуло что-то, отдаленно напоминающее невеселую усмешку.

— И кого же ты желаешь этак облагодетельствовать? — спросил он, явно предполагая что услышит имя какой-нибудь уездной сплетницы, которая косо посмотрела на мой наряд полгода назад.

— Григория Ивановича, разумеется, — ответила я не задумываясь. — За то, что пускал мне кровь при сеп... при родильной горячке. Табуретка по голове нанесла бы его организму куда меньший ущерб, чем его ланцет нанес моему.

Зря я о нем вспомнила. Взгляд мужа мгновенно потяжелел. То, что для меня было воспоминанием — чужим воспоминанием, которое я старательно гнала прочь, чтобы не рвало душу, для него было настоящим. Открытой раной, в которую совершенно не стоило лезть.

— Григорий Иванович — лучший врач в губернии, — холодно отчеканил Андрей. — И он делал все возможное, чтобы спасти... тебя и нашего сына. Оскорблять его в моем присутствии я не позволю.

Он жестко провел ладонью по лицу, словно это могло стереть память. Выпрямился, натянув на лицо маску вежливого безразличия.

Однако вся его фигура выражала крайнюю степень раздражения человека, который пришел исполнить нелегкий долг у постели умирающей, а оказался втянут в абсурдный спор о водке и табуретках.

Лицо удержать не удалось. Он тряхнул головой и шагнул к столу.

— Андрей, не надо! — подпрыгнула я в кресле.

— Избавь меня от своих капризов хотя бы сейчас, Анна, — бросил он, вынимая пробку из графина. — У меня был бесконечно тяжелый день.

— Там не вода!

— Ты уже тайком пьешь водку? Тем лучше.

Он щедро плеснул раствор в стакан. Втянул носом воздух и усмехнулся.

— Обвиняешь, что мне жаль для тебя коньяка, а сама жалеешь лимонада?

— Это не...

— Я сказал — достаточно! — гаркнул губернатор своим лучшим командирским тоном, который, вероятно, заставлял подрядчиков бледнеть и падать в обморок.

Он раздраженно запрокинул голову и сделал большой, жадный глоток.

Я зажмурилась.

[1] Благодарю Вас, Господи, за сохранение моей жизни. Не будете ли Вы так любезны объяснить, что, по Вашему замыслу, я должна с ней делать? (франц.)

[2] «Искусство быть хорошо воспитанным» (франц.)

Глава 9

В спальне повисла тяжелая, звенящая тишина.

Я осторожно приоткрыла один глаз. Затем второй.

Если бы не стремительно разливавшийся по шее мужа нездорово-багровый румянец, я бы решила, что передо мной статуя. Статуя Марса, узнавшего, что противник сменил дислокацию, тактику и командуемого — и забыл его предупредить.

Только зачем-то наряженная в домашний сюртук.

Стакан в руке Андрея замер на полпути к подносу.

Я почти физически ощутила, как его организм требует выплюнуть эту гадость немедленно. На ковер, на поднос, обратно в стакан — неважно.

Но выплюнуть означало признать, что капризная девчонка была права, когда просила его не пить. Она была права, а он, боевой офицер, инженер и хозяин губернии, проиграл стакану с напитком.

Кадык дернулся: раз, другой.

С лицом, достойным увековечения на какой-нибудь панораме обороны Севастополя, Андрей проглотил мою солено-сладко-кислую бурду. Спокойным, выверенным до миллиметра движением опустил стакан на стол.

Почти беззвучно.

Так же спокойно и уверенно достал из кармана батистовый платок. Безупречно аристократичным жестом промокнул губы. Аккуратно, сгиб к сгибу, сложил платок и убрал обратно во внутренний карман сюртука.

И только после этого посмотрел на меня. Во взгляде было столько концентрированного бешенства и невысказанных обещаний, что хватило бы на пару томов уголовного дела.

— Действительно, — произнес он голосом, в котором отчетливо лязгнул металл. — Не вода.

«А я предупреждала», — едва не вырвалось у меня.

К счастью, не вырвалось.

— Что. Это?

— Питье. Лечебное, — с как можно более невинным видом заметила я.

— Лечебное, — повторил он тоном человека, которому рассказывают, что навоз содержит множество питательных веществ и потому его следует подавать к столу. — И от чего оно лечит?

— От смерти.

В самом деле, как объяснить про водно-электролитный баланс инженеру, прекрасно знающему, что такое электролиты... в гальванической ванне. Но не в человеческом теле, про которое доктора до сих пор несут окопесу про гуморы и жизненные соки.

— От смерти, — так же без тени эмоций повторил он. — И из чего состоит этот чудодейственный эликсир?

— Не уверена, что ты действительно хочешь это знать, — попыталась увильнуть я.

Сказать правду несложно. Сказать ее так, чтобы меня не упекли в желтый дом — даже быстрее, чем если бы я начала разгуливать по дому голышом, — задачка со звездочкой. А может, и с тремя звездочками.

Он побледнел. Потом краска от шеи поползла и на лицо, и на мгновение я испугалась, что его сейчас удар хватит.

Кажется, он тоже об этом подумал. И о том, что скончаться во цвете лет от удара не на службе отечеству, а во время скандала (впрочем, это даже скандалом не назовешь) с женой вдвое моложе тебя — явный перебор.

Он посмотрел на стакан. На графин. Снова на стакан. На меня.

Открыл рот и тут же закрыл его. В глазах явственно читалась жажда убийства.

Странно, пять минут назад я потребовала от него цитат из этикетного справочника, обозвала главное медицинское светило губернии биологической угрозой и продемонстрировала знания анатомии.

Однако это вызвало лишь раздражение, а не...

— Анна, — очень ровно, но так, что мне захотелось залезть под кресло, произнес он. — Из. Чего. Этот. Раствор.

До меня дошло. Соленый. Чуть горький.

Господи!

Он думает, что я напоила его...

— Вода, соль, сахар, лимонный сок, поташ! — выпалила я.

Он моргнул.

— Эти ингредиенты имеют... органическое происхождение? — Он все же вспомнил, с кем разговаривает, и добавил: — Как они получены?

Меня разобрал совершенно неуместный, неудержимый, убийственный смех. Я зажала рот ладонью, но поздно — по лицу мужа было видно, что он воспринял это как подтверждение наихудших подозрений.

Кажется, еще миг — и он выплеснет этот графин мне в лицо.

Я нечеловеческим усилием воли загнала смех поглубже.

— Хлорид натрия — неорганическое соединение. Полагаю, методы получения каменной соли тебе известны лучше меня. Поташ, он же карбонат калия, — обычная древесная зола, выщелоченная водой. Тоже неорганический, несмотря на растительное происхождение.

Андрей смотрел на меня так, будто я заговорила на чистой классической латыни. Языке, который он прекрасно понимал — но никак не ожидал услышать от собственной жены.

Остановиться бы. Но меня уже несло. Слишком часто я оказывалась в ситуациях, когда приходится объяснять. Повторять одно и то же на разные лады до тех пор, пока человек не начнет слышать... не голос разума, нет. Тон. Убедительный тон того, кто знает, что происходит, понимает, что делает, — и на которого можно переложить груз принятия решений. Чтобы спросить потом, если что-то пойдет не так.

Рефлексы, как у павловской собачки. Куда быстрее мозга — потому что через мозг не проходят. И потому я продолжала:

— Сахар — продукт переработки свеклы. Полагаю, с завода фон Кюгельгена, глупо было бы везти из-за тридцати земель то, что производится в нашей губернии. Лимонный сок я собственноручно выжала из лимона, подаренного тебе Алексеем Дмитриевичем. Вот эти два ингредиента точно органические.

По мере того, как я говорила, лицо Андрея менялось. Не сразу, не целиком — а как меняется небо перед грозой, когда еще не до конца понятно, пронесет или накроет. Сначала отпустило челюсть — видимо, после «каменной соли» версия о животном происхождении

раствора была окончательно отвергнута. Потом разгладилась складка между бровей — злость уступила место чему-то другому. Он слушал. Внимательно. Как слушают доклад подрядчика, который внезапно начал говорить что-то дельное.

На «карбонате калия» он чуть наклонил голову. На «фон Кюгельгене» моргнул — видимо, не ожидал, что я знаю фамилию сахарозаводчика. На «органических» в его глазах мелькнуло нечто совсем уж странное.

— Вода, соль, сахар, лимонный сок, поташ, — медленно повторил он. — В графине бахметьевского хрусталя.

Я пожала плечами.

— Что поделатъ, если, по словам прислуги, ты счел бы кувшин из глазурированной глины недостойным спальни губернаторской жены? Матрена боится твоего гнева настолько, что игнорирует мои распоряжения.

Он усмехнулся такой знакомой усмешкой.

— И правильно делает.

Его мир возвращался на свое место. Можно было расслабиться.

— Лекарство от смерти. Где ты вычитала это? В журнале «Мода и новости»?

Я стиснула зубы. Молчать. Не время меряться дипломами.

— Или в «Дамском журнале»? Между выкройками и советами по выведению пятен?

— Какая разница, где я вычитала? Полдня назад доктор сказал, что к утру я откину копы... отойду в мир иной. Сейчас я сижу, достаточно устойчиво, в состоянии есть, пить и поддерживать разумную беседу. Результат налицо.

— Насчет разумной — не уверен. *Post hoc ergo propter hoc* — не тянет на разумность.

Да они сговорились, что ли!

Вдох. Выдох. Молчать. Да, я дурочка, начитавшаяся дамских журналов, но пока ее глупости безобидны, можно позволить ей делать по-своему. Чем бы дитя ни тешилось... Вдох. Выдох.

— Деревенская бабка шепчет над водой и дает больному пить. Больной выздоравливает. Значит, заговор подействовал? Ты рассуждаешь как неграмотная знахарка, Анна, только слова используешь подлиннее.

Меня обдало такой волной ярости, что на секунду потемнело в глазах. Кафедра. Кандидатская. Докторская. Сотни операций. Тысячи пациентов. Знахарка.

Выдохнуть. Досчитать до трех. До пяти. До десяти.

Не помогло.

— Знахарка шепчет и не знает, почему ее метод иногда работает. — Казалось, это говорю не я, а кто-то другой, поселившийся у меня в голове. С таким же ледяным голосом, как у Андрея, когда он взбешен. — А я знаю. И сейчас объясню. Так, чтобы даже инженер понял.

Он дернул бровью — «даже инженер» явно царапнуло. Отлично. Будем квиты.

— При лихорадке человек теряет воду. С потом, с дыханием, с... прочими выделениями. Это ты видел на войне — раненые в горячке просят пить. Но вода — это просто растворитель. Субстрат для химических реакций. Электролиты, про которые писал Фарадей, вот что важно по-настоящему. Натрий удерживает воду — без него пей хоть ведрами, все тут же будет выводиться наружу. Калий — это сердце. Без калия оно бьется как попало, сбивается, останавливается. Хлориды — передача нерв... электричества в телеграфных проводах — нервах, которые переносят сигналы мышцам.

Он молчал. Только брови ползли выше и выше. Когда я упомянула Фарадея, он дернул головой, будто пытался отогнать морок.

— Глюкоза — чистая энергия для тела. И держит воду в сосудах, — продолжала я. — Лимонная кислота — поддерживает баланс кислого и щелочного в организме. Соль — хлорид натрия. Поташ — карбонат калия. Сахар — сахароза: глюкоза и фруктоза. Лимон. Знахарка — может, и шепчет. Я — думаю.

Он медленно опустился на край кровати. Не спрашивая разрешения и не пытаясь взять себе стул. Просто опустился там, где стоял, как будто подогнулись колени.

— Откуда? — выдохнул он.

Я молчала. Сказать правду невозможно. Соврать не получалось.

И пока я молчала, что-то в его лице изменилось. Будто облако напоззло на солнце.

Растерянность сменилась другим выражением — темным, глухим, страшным.

— Электролиты, — произнес он. — Фарадей. Калий. Натрий. Сердце останавливается.

Он поднял на меня глаза.

— Ты всё это знала. Знала. И где были эти знания, когда наш сын умирал?

Столько боли было в его голосе, что у меня перехватило горло.

— Умирала. Здесь. — Я указала на кровать, где он сидел сейчас. — Металась в горячке, которую занесли те же руки, что перерезали пуповину нашему ребенку.

— Ты смеешь... — выдохнул он.

Шагнул ко мне. Я сжалась в кресле.

— Я позвал к тебе самого лучшего врача, которого только можно было найти в Светлоярске. И ты смеешь утверждать...

— Смею.

В дверь постучали. Распахнули, не дожидаясь ответа. На пороге стоял доктор.

— Андрей Кириллович, я позволил себе...

Григорий Иванович остановился на полушаге, быстро оценивая картину. Побледневший губернатор, нависший над съезжившейся в кресле женой. Полурасчесанные волосы. Графин на столе. Горящие глаза пациентки, которой по всем законам медицины полагалось лежать при смерти.

Его лицо приняло выражение понимающей скорби. Профессиональное. Отработанное годами практики.

— Я так и предполагал, — негромко произнес он, обращаясь к Андрею. Не ко мне — меня можно было не принимать в расчет. — Кратковременное улучшение с возбуждением, спутанностью сознания, бредовыми идеями. При родильной горячке это, к сожалению, нередко предшествует...

Он деликатно не договорил.

— Мне передали мой инструмент с весьма... красочным напутствием. — Григорий Иванович скорбно покачал головой. — Агрессия к лечащему врачу, Андрей Кириллович, один из характерных признаков. Больная нуждается в немедленном кровопускании, успокоительном и полном покое.

Андрей отступил. Перевел взгляд с меня на доктора и обратно.

— Андрей Кириллович, — мягко, почти отечески произнес Григорий Иванович. — Сегодня утром вы сказали мне: пусть поступает как хочет. Ваша жена свободна сама выбирать свою судьбу. Но посмотрите, к чему привела эта... свобода.

Андрей стиснул зубы так, что даже мне послышался хруст.

— Вы исходите из того, что ваша супруга — взрослый разумный человек, — продолжал настаивать доктор. — Но больной в бреду — все равно что ребенок. Он не сознает последствий своего выбора. Вы убьете свою жену своим попустительством. Будьте же милосердны.

Андрей медленно повернулся ко мне.

Я знала этот взгляд. Видела у десятков мужей, матерей, отцов, которые стояли перед дверью реанимации и слушали, как доктор убеждает их принять решение. Согласие на операцию или отказ; более консервативное или более рискованное вмешательство. Убеждает произнести слова, от которых будет зависеть чья-то жизнь.

И сейчас от слов Андрея будет зависеть моя собственная.

Глава 10

Я смотрела на Андрея, пытаюсь понять, что у него в голове. Работа с людьми многому учит — сейчас я видела то, что молодая жена никогда бы не заметила. Как не заметил и разливающийся соловьем Григорий Иванович — этот слишком верил в себя.

Когда он вошел — не дожидаясь приглашения — в спальню хозяйки дома, любой хозяин на месте Андрея отреагировал бы немедленно. Да, врач имеет право входить в палату пациента. Но все же дождавшись ответа. Пусть не самой пациентки, пусть сиделки. Приглашение совершенно формальное — но все же приглашение.

Андрей, закованный с ног до головы, как в броню, в этикет и приличия, должен был бы одернуть доктора, когда тот появился на пороге. А он завис, какую-то долю секунды глядя в пространство. И только потом плечи расправились, спина выпрямилась, и к врачу развернулся непроницаемый государственный муж.

Вот только когда он на миг оказался боком ко мне, стало видно, как судорожно стиснулись за спиной его пальцы. Словно он пытался удержать сам себя. А когда его взгляд снова вернулся ко мне, его глаза не выражали ничего. Совершенно ничего.

Мозг лихорадочно заработал. Я сотни раз разговаривала с родственниками пациентов — счастливыми, сраженными горем, готовыми убить врача, который, по их мнению, погубил роженицу или ребенка. Я знала, как говорить со студентами. С чинушами из Минздрава. Я должна найти, что сказать, чтобы от меня отстали с ланцетом!

Но что?

Объяснить, почему кровопускание не помогает при сепсисе? Пробовала пять минут назад, рассказывая про электролиты. Медиаторы воспаления, повышенная проницаемость сосудов, объем циркулирующей крови... Прозвучит как бред, слишком далеко ушла наука за два века. Лишнее подтверждение для доктора: я не в своем уме.

Обратиться к логике? «Ты же слышал, я рассуждаю разумно». Действую еще разумнее — намешала какую-то бурду, обозвала

эликсиром жизни. Ну хорошо, не я обозвала. Сам Андрей. Неважно. В таком состоянии, как он сейчас, люди не способны мыслить логически.

Закричать и начать сопротивляться? Во-первых, я не справлюсь даже с одним здоровым мужчиной, тем более — с двумя. Во-вторых, получится отличное подтверждение слов доктора про агрессию. Пациент неспособен принимать решение, значит, решать должен кто-то другой.

Попросить защиты? В конце концов, муж должен защищать свою жену?! Кому должен — всем прощает. Взгляд у него сейчас такой, будто он собственными руками вот-вот мне шею скрутит. К тому же попросить помощи значит признать: я неразумный ребенок. За которого все решают мужчины.

Ударить по гордости? «Ты, светлоярский губернатор, позволяешь чужому человеку без стука вломиться в спальню своей жены, распоряжаться у тебя в доме, как в своем собственном!» Нет. Андрей умен. Манипуляции считывает мгновенно — прежняя Анна пробовала — и может поступить наоборот только для того, чтобы сломать мою игру.

Вообще ничего не говорить? Молчание — знак согласия. Доктор перейдет к действиям, Андрей не вмешается, и через пять минут мою вену вскрыют. Будут выпускать кровь, пока я не отключусь. Пока организм «не успокоится».

В моем случае — упокоится. После родов, сепсиса, предыдущих кровопусканий — бог знает, сколько их было — для меня и половина стандартной донорской дозы может оказаться фатальной. А здесь не мелочатся, начинают с полулитра, и чем опаснее состояние, тем больше «дурной крови» следует выпустить, чтобы «уравновесить гуморы».

Грудь будто сжал ледяной обруч, холод от него потек вниз, к ногам. Во рту пересохло. Адреналин, мать его. Тело готовится бежать. Вот только бежать некуда.

Все, что у меня было: моя память, знания, непререкаемый авторитет высококлассного профессионала, подтвержденный регалиями, — все разом аннулировалось этим веком, шелковым пеньюаром и приговором стоящего в дверях человека. Я — пациентка, вот только никакого информированного согласия с моей стороны не предусмотрено. Бесправный объект лечения.

— Андрей Кириллович, — начала я.

Прежняя Анна назвала бы его по имени. Стала бы заламывать руки и рыдать. Значит, я должна оставаться спокойной как удав. Даже если от страха крутит кишки, а во рту сухо, как в Сахаре.

— Сегодня утром ты сказал, что у меня есть характер и потому ты готов уважать мое решение, даже если я выбираю смерть.

— Андрей Кириллович, вы же понимаете, что... — Доктор шагнул к нему, пытаясь поймать взгляд, но муж по-прежнему пристально смотрел на меня. Только на меня.

— Самоубийство — непростительный грех, — продолжала я. — Однако ты был готов с ним согласиться.

Я шла по краю и знала это. Но других вариантов не осталось.

Андрей дернул щекой.

— У тебя хорошая память.

— Ты сам подтвердил: близость смерти меняет.

Он усмехнулся. Промолчал.

— И если ты готов был позволить мне навсегда погубить собственную душу — хуже мне уже не будет. Дай мне два дня. Проведем эксперимент, как в физике. Всего два дня. Если мне станет лучше — значит, так тому и быть. Если хуже — значит, Григорий Иванович прав и он волен лечить меня, как сочтет необходимым.

Григорий Иванович не выдержал. Его только что обошли. Пациентка, являющаяся объектом лечения, посмела обратиться к мужу напрямую, минуя эксперта, и тем самым нарушила всю выстроенную иерархию. Он вклинился между нами, заслоняя мужу обзор. Грубейшее нарушение этикета. Но никто не обратил на это внимания.

— Андрей Кириллович, это не эксперимент, это смертный приговор. При родильной горячке счет идет на часы. Я видел десятки таких случаев.

Его мягкая обходительность исчезла. Доктор говорил страстно, почти умоляюще.

— Кратковременное улучшение, родильнице кажется, что она начинает выздоравливать, она встает с постели. Родственники радуются вместе с ней, пока лихорадка не возвращается и не валит ее с ног. Родные бегут за врачом, но врач уже не в состоянии ничего сделать, потому что организм исчерпал последние силы.

Он говорил искренне, чтоб его. Он действительно верил в это — что он пытается меня спасти, что я сошла с ума или намеренно хочу умереть.

Потому что поверить мне, позволить мне действовать по-своему означает признать: всю свою жизнь, с восемнадцати лет, когда он получил диплом врача, он лечил неправильно. Самому мгновенно отобрать у себя весь смысл собственной долгой жизни, когда она уже начинает катиться к закату.

Способен ли на это хоть один живой человек?

— Вы образованны. Вы воевали. — Казалось, еще немного, и он схватит Андрея за рукав для пущей убедительности. — Вы знаете: в бою промедление смерти подобно. Здесь то же самое. Если мы не действуем сейчас — завтра будет поздно. Вы уже похоронили сына, похороните и супругу.

Андрей прикрыл глаза. Всего на миг, но это почти незаметное движение казалось сильнее любого крика.

Однако доктор тоже его увидел.

— Я понимаю. Анна Викторовна — ваша супруга. Вы хотите уважать ее волю. Это благородно. — Голос стал мягче. — Но посмотрите на нее. Послушайте, что она говорит.

Он отступил так, чтобы видеть нас обоих, повел рукой в мою сторону.

— «Эксперимент!» — почти выкрикнул он. — Какой здоровый человек называет собственную жизнь экспериментом? Это болезнь говорит, Андрей Кириллович, а не ваша жена. Лихорадка. Анна Викторовна не сознает, что творит. Она не может принять решение за себя — так же, как ребенок не может решить, нужна ли ему ампутация гангренозной ноги. Он будет кричать, сопротивляться, умолять не трогать. Но мы — взрослые. Мы знаем: если не отрезать — он умрет.

Он перевел дыхание. Вытер лоб платком.

— Вы мужчина. Глава семьи. Ответственность на вас. Не позволяйте больной совершить самоубийство только потому, что она не осознает последствий. Будьте милосердны. Спасите ее, как подобает мужу — даже от нее самой.

Андрей медленно, тяжело повернул голову к врачу. Перевел взгляд на меня. На графин с раствором электролитов. Снова на меня.

Я молчала. Все, что я могла сказать, уже было сказано. Начнут действовать — буду сопротивляться. Сколько получится.

Андрей тоже молчал.

Доктор, решив что говорить больше не о чем, вынул из кармана кожаный футляр. С ланцетом, судя по всему.

Андрей отвернулся от меня. Шагнул к доктору — и я перестала видеть лицо мужа.

— Григорий Иванович, я благодарен вам за все, что вы сделали для меня и для моей жены. Однако венец Господа Бога тяжеловат даже для вас. Пожалуйста, оставьте нас.

Пальцы доктора, уже подцепившие застежку кожаного футляра, замерли. Лицо утратило привычно доброжелательное выражение, явив искреннюю растерянность. Он просто не мог поверить, что его, светило губернской медицины, останавливают в шаге от спасения пациентки. Готова поспорить, про венец Господа он даже не услышал.

— Ваше превосходительство... Андрей Кириллович, помилуйте, — попытался он воззвать к здравому смыслу. — Это же верная смерть! Вы не можете...

— Я сказал — оставьте нас. Счет пришлете с мальчишкой.

Андрей не повысил голос ни на полтона, но столько в нем было холодной власти, что доктор отшатнулся и побледнел.

В следующий момент Григорий Иванович справился с собой. Уязвленная гордость профессионала помогла. Губы сжались в тонкую линию, плечи распрямились. Взволнованный спаситель превратился в оскорбленного мэтра, который столкнулся с дремучим, упрямым невежеством.

— Как вам будет угодно, — сухо произнес он. — Вы хозяин в собственном доме, и над вашей женой нет власти превыше вашей — кроме Господней. Однако мой долг обязывает меня сообщить: с этой минуты я слагаю с себя всякую ответственность за здоровье Анны Викторовны. Исход вашего... эксперимента будет лежать исключительно на вашей совести, Андрей Кириллович.

В его взгляде, обращенном на меня, христианская жалость к умалишенной мешалась с безгливостью по отношению к источнику неприятностей.

— Агония может быть крайне мучительной, Анна Викторовна. Я должен вас предупредить.

«Я знаю», — едва не вырвалось у меня.

Он распахнул дверь, помедлил на пороге. Я подобралась — неужто передумал?

— Когда состояние вашей жены ухудшится, присылайте за мной, — произнес он с видом великомученика. — Я — врач. Я не держу зла на ослепленных горем людей и не откажу в помощи даже тем, кто отверг ее сейчас. Что смогу — сделаю, остальное в руках Господа.

Он коротко, безупречно вежливо поклонился.

— Честь имею.

«Я тоже служу, и я тоже знаю, что такое долг», — говорила эта фраза.

Дверь за ним закрылась. Мягко, аккуратно, без малейшего хлопка — Григорий Иванович не позволил себе скатиться в истерику, сохранял лицо до конца.

Я медленно выдохнула, обмякая в кресле. В голове зазвенело, и задрожали руки. Ушел? Совсем? Да, вот скрипнула дверь. Вот застучали лошадиные копыта.

Ушел.

Только в комнате слишком долго было тихо. Я вздохнула. Посмотрела на Андрея.

— Спасибо.

И оцепенела под его взглядом.

Глава 11

Кажется, лучше бы здесь остался доктор с его ланцетом. Кровопускание прикончило бы меня быстро, а лицо Андрея выражало слишком явственное желание убивать меня медленно.

Только за что?

— Ты. Не. Бредишь.

Я кивнула. Он шагнул ближе.

— Бред не рождает знания о химии. Горячка не рассказывает о Фарадее.

Неужели он так взбеленился только потому, что жена оказалась образованной? Не первый мужчина в моей жизни, которого это раздражает.

Нет, сейчас дело в чем-то другом.

— И ты не одержимая. Бесы не знают о поташе и электричестве — в аду вряд ли провели телеграфные провода.

Наверное, надо было улыбнуться в ответ на шутку. Не получилось. Потому что его улыбка не коснувшись глаз, превратилась в оскал. Он склонился надо мной, опираясь на ручки кресла. Слишком близко, так что его бешеный взгляд заслонил все.

— Ты — чудовище.

Да что я сделала-то? Весь сегодняшний день я дальше уборной от кровати не отходила. Однако в его голосе было столько убежденности, будто он поставил на место последнюю деталь пазла.

— Два года, Анна. Два года твоих бесконечных капризов, жеманства и истерик. Зачем? Ради чего был этот спектакль?

И что, спрашивается, ему сказать? Что я не виновата в том, что у губернатора хватило духа наводить мосты под пушечными ядрами — или чем там занимаются военные инженеры, — но не хватило пороку выдержать женские истерики? Которые к тому же закатывала не я!

— Я не понимаю, о чем ты...

— Когда я попросил тебя вести учетные книги нашего хозяйства, ты швырнула их на пол при прислуге. Топтала ногами. Кричала, что от чисел у тебя мигрень.

Я помнила. К сожалению.

— Мне было сложно разобраться.

— Хлорид натрия. Карбонат калия. Кислотно-щелочное равновесие. — Он загибал пальцы. — Женщине, которая оперирует такими терминами, сложно разобраться в учетных книгах?

Вообще-то — да. У меня получилось далеко не сразу.

— Когда я заговорил про телеграф, ты зевнула. «Какая скука, Андрей!» Помнишь?

Я молчала. Отпираться было бессмысленно.

Он оттолкнулся от кресла, едва не уронив его вместе со мной. Шагнул к окну. Несколько секунд смотрел в темноту во дворе, потом резко развернулся.

— Электричество в телеграфных проводах — нервах, которые передают сигналы мышцам, — процитировал он. Слово в слово. Инженерная память, чтоб ее. — Это ведь ты сказала? Полчаса назад? Про тот самый телеграф, который наводил на тебя такую невыносимую скуку, когда я пытался о нем рассказать?

Я открыла рот — и закрыла. Сказать правду — невозможно. Соврать — он считывает ложь мгновенно.

Он ждал. Терпеливо, как ждут, пока подследственный сам себя закопает.

— Я была молодой душой, — тихо сказала я. — Болезнь меня изменила.

— Такие, как ты, не меняются.

Та же фраза. Утром она звучала с равнодушным презрением. Сейчас — с яростью человека, который сорвал маску с прелестной незнакомки и увидел под ней обнаженный череп.

— Тебе нравилось унижать меня?

— Нет. Никогда.

— Тогда зачем был этот спектакль?

Потому что это был не спектакль.

— Ты женился на девушке в два раза моложе себя, увез ее в глушь, осыпал деньгами и решил, что этого достаточно! А потом удивляешься: чего это она не горит желанием обсуждать телеграфные линии и тяговые характеристики паровозов!

Зачем? Зачем я защищаю глупую избалованную девчонку? Потому что знаю, как это тяжело, когда тебя увезли из родного дома туда, где все другое и все чужие? Я-то уехала учиться, по собственной

воле. Были телефоны, потом появился интернет. А она? В чужом городе, привязанная к нелюбимому взрослому мужчине. Письма идут неделями.

Знала ли она другой способ рассказать, как ей плохо, кроме капризов?

— Да, я женился на девочке из обедневшей семьи и засыпал ее деньгами! Потому что я честно старался быть хорошим мужем. Содержать жену, как подобает: прислуга, наряды, выезд, драгоценности. Быть терпеливым к ее слабостям. Все, чего я хотел взамен, — чтобы ты помнила: жена губернатора — это не только привилегии! Чтобы ты просто исполняла свой долг! И я даже не говорю о супружеском! Чтобы ты хотя бы делала вид, будто интересуешься жизнью губернии!

Он снова отвернулся к окну, тяжело опершись на подоконник.

И ведь не поспоришь, он в самом деле старался. Как умел, а умел... В его веке не писали книг по психологии супружеских отношений. Не пьет, не бьет, не транжирит, выводит в свет, дает деньги. Не изменяет, по крайней мере открыто. Чем ты недовольна?

— Ладно. Это все... мелочи, — проговорил он глухо.

Мелочи. Которые ты держал в себе два года и помнишь в деталях. До слова, до жеста. Ничего себе мелочи.

— Помнишь, как я просил тебя не затягиваться в корсет, пока ты носишь нашего ребенка?

Вообще-то он не просил. Он просто выставил горничную, содрал с жены этот дурацкий корсет и удалился вместе с ним. А Анна осталась рыдать, потому что без корсета ее новое платье никак не сходилось и пришлось ехать на бал в том, в котором ее видели в прошлом году.

— Как я умолял тебя не выезжать верхом, а ты кричала, что я лишаю тебя единственной радости, которой и так осталось недолго! И чем все обернулось?

Вопрос был риторический, и обсуждать тут действительно было нечего. Лошадь понесла. Если бы не Строганов, начальник сыскной полиции, случайно оказавшийся рядом, все могло бы закончиться очень печально. Каким-то невероятным образом он сумел остановить лошадь. Привез рыдающую Анну домой в собственной коляске.

После того дня до самых родов она не выходила из дома без сопровождения мужа.

— Это была глупость. Я сделала выводы. Больше подобного не повторится.

Мой голос звучал спокойно и сухо, потому что разум отказывался поверить в то, что показывала память. Верховая езда. На позднем сроке. Анна вообще думала хоть секунду? Хотя бы о том, что может убить не только ребенка, но и себя?

Андрей дернул головой. Он ждал слез, оправданий — привычного арсенала. А услышал холодную констатацию факта. Так говорят не о собственной ошибке. Так выносят приговор чужой.

— «Сделала выводы», — повторил он. — «Больше не повторится». Как ты *это* говоришь, Анна? Как будто речь о чужом человеке.

Так и есть. Но... Твою ж мать!

— Я думал — ты просто глупая. Если сам вовремя не разглядел в будущей жене недостаток ума — кого теперь в этом винить, кроме себя. Пытался смириться. А ты притворялась. Все это время ты очень искусно притворялась.

Столько глухого отчаяния, смешанного с ненавистью, было в его голосе, что мне захотелось закричать. Это не я! Я — другая!

— Андрей, я...

— Молчи! Я приносил тебе статьи английских врачей, чтобы ты прочитала их. О пользе материнского молока для ребенка.

Я сглотнула ком в горле, поняв, к чему он клонит.

— Ты сказала: «Скучно. Не буду читать». — Он покачал головой. — При мне ты и правда не читала ничего, кроме модных журналов. А теперь оказывается: ты читала. Про калий и натрий. Про Фарадея. — Он замолчал, явно пытаясь справиться с собой. Нехорошее это было молчание, как тишина перед грозой.

— Про этот телеграф, будь он неладен! — взорвался Андрей. — Оказывается, когда тебе было нужно — ты все читала! Все понимала.

Его голос упал до шепота.

— И эти статьи, готов поспорить, ты прочитала. Все поняла. Только тебе было наплевать. Не хочу стеснять себя, так ты сказала. В этом ты вся. Чтобы не стеснять себя, ты отдала ребенка кормилице.

Нашего ребенка. Кормилице с дурным молоком. Наш сын умер. Из-за тебя.

Дыхание перехватило, как от удара под дых. Я сложилась в кресле, словно меня и в самом деле ударили. Все это уже было. Другое время. Больничный потолок. Пустота там, где совсем недавно внутри меня шевелился живой комочек. И голос другого мужчины — хотя какой он мужчина, мальчишка, двадцать лет, как и мне в то время. «Ты даже ребенка выносить нормально не смогла».

Сейчас я знала, что могла бы ответить тогда. И что ответить сейчас. Инфицированное молоко Анны было опасно. Кормилица могла бы стать выходом — если бы ваше медицинское светило не занесло инфекцию.

Только все это не имело смысла. Потому что ничего не изменило бы.

— Ты так старательно притворялась дурой, чтобы не утруждать себя, — продолжал Андрей. — Но стоило костлявой явиться за тобой — маска слетела. Ты стала гением, чтобы спастись самой. До того предпочитая оставаться дурой — когда могла спасти нашего сына.

Я заставила себя распрямиться. Посмотрела ему в глаза.

— Если ты так уверен в этом — спорить бессмысленно.

Он моргнул. Похоже, он ждал слез, встречных обвинений — чего угодно, что позволило бы ему и дальше подбирать слова, убеждая прежде всего самого себя: он все сделал правильно. Все, что мог. И не его вина в том, что все случилось так, как случилось.

Он одернул сюртук — механическим, неосознанным движением. Прокашлялся.

— Значит, ты признаешь, что я прав.

— Я признаю, что бессмысленно спорить.

Андрей дернул щекой. Конечно, он понял разницу.

Помолчал. Я тоже молчала — не о чем больше было с ним говорить.

Хотя он так не считал.

— Что ж, раз ты показала, что у тебя есть мозги, изволь ими пользоваться. Эксперимент, ты сказала. Пусть будет эксперимент.

— Спасибо.

— Получится у тебя выжить — будешь жить дальше. Родишь мне наследника, и, надеюсь...

— Не раньше чем через три года, — перебила его я.

— Ты еще смеешь ставить условия? — Его взгляд снова потемнел.

— Между родами и следующей беременностью должно пройти не меньше полутора-двух лет. Чтобы матка и весь остальной организм могли восстановиться.

М-да. Самое время для лекции по акушерству. Профессор, вы неисправимы.

Муж открыл рот. Я не дала ему себя заговорить.

— Более короткий интервал повышает риски преждевременных родов, маловесных детей и материнской смертности.

— Три года, — медленно повторил он. — Ты в своем уме?

— В своем. — Спорить сил не осталось, но уступать было нельзя. — Я едва пережила эти роды. Следующие меня убьют, если тело не восстановится. И тогда у тебя не будет ни наследника, ни жены.

— Ты еще не пережила эти роды. Григорий Иванович не исключает ухудшения.

— Назло вам обоим не сдохну.

— Что ж, раз ты так настроена... Через две недели — губернаторский бал в честь Масленицы. Ты на нем будешь. И будешь вести себя, как полагается жене губернатора. Чтобы ни одна зар... ни одна живая душа не заподозрила, что в доме неладно. Григорий Иванович наверняка начнет болтать, что ты повредила в уме. Я не хочу, чтобы эти слухи разошлись.

— Хорошо. Если встану к тому времени.

— Значит, встанешь. И потом — ты будешь заниматься делами. Всеми, которые подобают жене губернатора. Хозяйство. Учетные книги, от которых у тебя так удачно случалась мигрень. Визиты. Благотворительность. Попечительский комитет, который два года существует только на бумаге, потому что тебе было скучно.

— Поняла. Экономика домашнего хозяйства и представительские функции.

Ничего нового после заведования кафедрой.

— Именно. И не дай бог тебе оступиться...

Он вышел, не договорив. Только чересчур аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Степан, принеси мне коньяку! — донеслось из коридора.

Кажется, на коньяк в этом доме сегодня повышенный спрос.

Я вздохнула. Оглядела валяющийся на полу гребень. Ладно, пусть полежит до завтра, ничего с ним не делается. И мне тоже надо полежать, чтобы со мной ничего не случилось. Только не на полу, а в кровати. Оставалось до нее доползти.

* * *

История Строганова, начальника сыскной полиции в книге Полины Никитиной «Гувернантка. Личная тайна его превосходительства»: <https://author.today/reader/553971>

Глава 12

Проснулась я от кошачьей драки во дворе. Вчера, переползая в постель, я не вспомнила про форточку — а даже если бы вспомнила, едва ли бы добралась до нее. К утру воздух в спальне стал бодрящим — пожалуй, чересчур бодрящим, но это куда лучше, чем жара и духота. Тем более что печь гудела всю. Похоже, кто-то подбрасывал ночью дров, чтобы все не выстудить.

— Чего желаете, барыня? — раздалось рядом.

Я повернула голову. Матрена с явным трудом вылезала из кресла.

— Ты что, тут всю ночь так и проспала? — удивилась я.

— Мое дело, барыня, при вас быть неотлучно и ухаживать, если вам чего захочется, хоть днем, хоть ночью.

А заодно спорить по каждому пустяку потому, что ты знаешь, как лучше.

— Закрой пока форточку. Пришли ко мне Марфу с водой для умывания, а сама иди в людскую и поспи по-человечески.

Трудовой инспекции на них нет. Где это видано — заставлять работника спать в кресле при графике без выходных?

— Негоже мне, барыня. А ну как помрете, а я в это время спать буду?

— Спасибо тебе, добрая женщина! Думаешь, мне легче будет помирать, если ты вокруг меня хлопотать будешь? Марш в людскую, тебе говорят!

— Барин рассердится.

— А иначе рассержусь я!

Матрена задумчиво посмотрела на меня. Поклонилась, прежде чем удалиться. Видимо, вспомнила, как барин вчера, выйдя, первым делом потребовал коньяка, и решила не рисковать. Неужели думать начала?

Так, а теперь утренний осмотр пациента. То есть меня. Жара нет, озноба — тоже. От этого мерзкого ощущения, когда пропотевшая постель липнет к телу, как согревшийся компресс, я тоже избавлена. Проспала всю ночь как младенец. Для организма, восстанавливающегося после сепсиса, — праздник, достойный

шампанского. Но поскольку любой алкоголь для меня сейчас все равно что пинок в печень, лучше воздержусь.

Пульс... я нащупала артерию на шее. Взглядом нашла секундную стрелку на напольных часах. Для точности — полный круг. Пульс учащен, что объяснимо, но не несется как бешеный, и ритм сохранен.

Прогноз условно-благоприятный. И плевать, что за подобную формулировку в студенческой истории болезни я бы сразу срезала минимум полбалла. Мне сейчас — можно. Потому что некоторые (не будем тыкать ланцетом) вообще обещали, что я до утра не доживу.

Надеюсь, гробовщика еще не позвали, а то конфуз выйдет.

Ладно, потехе — час, а делу — время. Следующий пункт программы — утренняя гимнастика. Потому что неподвижность убивает даже здоровых. А меня она прикончит быстрее, чем Григорий Иванович успеет сказать «я же предупреждал». Тромбоз глубоких вен в ближайшей перспективе, застойная пневмония в чуть более отдаленной, и до пролежней я, пожалуй, и не доживу.

Поэтому стопы на себя, от себя, покрутить. Еще раз. Колени — согнуть-разогнуть. Бедрa — сжать. Ягодицы — точнее то, что осталось от них после девяти дней в постели, — напрячь. Повторить. Теперь руки: так же, от кистей кверху. Дыхательная гимнастика: глубокий вдох животом на четыре счета. Легкие возмутились, я раскашлялась. Да уж, вовремя спохватилась. Значит, повторить. И еще.

Теперь проверим самочувствие еще раз. Голова — не кружится. Перед глазами вид четкий и ясный. Тошноты — нет.

Рискну: «велосипед». Кровь в ногах надо разогнать, потому что тромб, если оторвется и улетит в легочную артерию, убьет вернее, чем рояль, свалившийся прямо на голову. От того хотя бы увернуться можно, если своевременно заметишь. Если тромб уже сидит в вене, я его сейчас строну, но не шевелиться значит позволить ему расти и дальше. Из двух зол я выбираю активное. Да и прессу будет полезно, после беременности-то.

Пресс мой оптимизм разделять не собирался. Движение — даже не с полной амплитудой, даже осторожное, отозвалось болью от пупка до таза. Мышцы, растянутые несколько месяцев, пережившие роды, а потом сепсис, имели полное право возмущаться. Однако потерпят. Я же терплю.

Скрипнула дверь. Я не остановилась: хотя бы десяток повторов осилить, и на середине подхода лучше его резко не прерывать, это вам любой физиотерапевт скажет.

Правда, физиотерапевт вряд ли имел бы в виду ситуацию, когда пациентка крутит воображаемые педали, медленно, будто выставив нагрузку велотренажера до максимума, на следующий день после соборования. Да еще и одетая только в ночную сорочку.

— Господи Иисусе...

Я аккуратно опустила ноги. Дыхания не хватало, и пульс помчался как угорелый. Ничего, со временем восстановим. Посмотрела на Марфу, на кувшин в ее дрожащих руках.

— Лежачие чахнут. Это медицинский факт.

Она высвободила руку и перекрестилась.

— А потому помощи-ка мне подняться и пойдём умыться. Потом поможешь причесаться.

Вскоре я восседала в кровати чистая, причесанная, облаченная в чепец и пеньюар поверх свежего белья. Восседала, обложившись подушками, потому что лежать после умывания и причесывания казалось преступлением. Хотя организм считал по-другому. Это злило, но злость — это адреналин, а адреналин — учащение пульса, повышение давления, перераспределение кровотока. Словом, совершенно бесполезный расход ресурсов. Поэтому вдох, выдох, и вместо того, чтобы злиться, начинаем думать.

Андрей честен. Болезненно честен, я бы сказала. Два дня у меня есть. Два дня на то, чтобы не ухудшиться. Про улучшение пока думаем осторожно.

Из лекарств — ртутное слабительное, «чтобы организм очистился», лауданум в качестве успокоительного и кровопускание.

Значит, при отсутствии этиотропного лечения остается только поддерживающая терапия. А если не злоупотреблять латынью, усложняя элементарные вещи: работаем с тем, что есть — и что обычно очень сильно недооценивают, полагаясь на волшебные таблеточки. Режим дня. Питание. Восполнение водно-электролитного баланса.

Вчера я начала этим заниматься, сегодня пора перевести это на нормальный уровень. Чтобы второй день подряд золу не пить. Есть же и адекватные источники калия, в конце концов; просто вчера у меня не

было времени и возможности объяснить все как следует. Кстати, где там моя живительная гадость?

Пока Марфа по моей просьбе переливала остатки питья в стакан, до меня донесся приглушенный грохот и разгневанный бас.

— А сегодня с утра чего Тихон Савельевич буянит? — поинтересовалась я.

— Молочница скисшие сливки принесла.

Скисшие сливки — это почти сметана. И Тихон явно знает, что с ней делать: блины, оладьи, соусы, в конце концов. Однако он предпочел разораться.

Ну что ж. Придется перенаправлять энергию Тихона Савельевича в мирное русло.

— Позови его ко мне.

Марфа уставилась на меня так, будто я попросила привести медведя.

— Барыня, так он...

— Позови. Ко мне. Тихона Савельевича, — повторила я.

— Хорошо, барыня.

— И, раз ты пойдешь в сторону кухни, зайди на черную и скажи Федоре, что мне нужен самовар. Чтобы его немедленно принесли в мои покои.

— Барыня, так он дымить будет!

— Пусть принесут вскипяченный и заглушенный. Я не желаю в следующий раз гадать, подадут ли мне кипяченую воду, как я требую, или Федора опять решит, что лучше меня знает.

Повар ждать себя не заставил. Поклонился в дверях. Низкий, коренастый, с лицом, испорченным оспой, он походил на кого угодно, но не на талантливого кулинара. Разве что руки со следами ожогов и шрамами от порезов выдавали его профессию.

Тихон выпрямился у порога с таким видом, будто его вызвали на эшафот и он надеется умереть с достоинством. За время беременности барыня изрядно помотала ему нервы требованиями бланманже из клубники в январе или маринованной серны под пикантным соусом посреди ночи.

— Тихон Савельевич, проходите.

Он упрямо поджал губы. Поклонился.

— С вашего позволения, я тут постою, Анна Викторовна. Чего изволите?

— Вчера я попросила, чтобы мне приготовили бульон.

Он едва заметно нахмурился. Судя по всему соображал, как бы вежливо сформулировать, что ему никто мою просьбу не передал. Я не оставила ему возможности начать оправдываться.

— Андрей Кириллович решил не беспокоить вас и послал за бульоном в ресторацию.

Тихон дернул подбородком. Такой вариант ему тоже не понравился.

— Бульон был хорош, однако вы можете лучше.

— Благодарю. — Он поклонился, однако на лице его было написано: «Раньше ты так не считала».

— Если вдруг моему супругу, губернатору, доведется принимать у себя государя императора, обед — единственное, по поводу чего он будет абсолютно спокоен.

Мне не пришлось кривить душой, когда я это говорила. На месте Анны я бы всерьез забеспокоилась по поводу фигуры, с такой-то едой. Впрочем, Андрей как-то умудрялся не толстеть.

С другой стороны: никаких чипсов, никаких перекусов между делом, про пивасик вечером и говорить не стоит. Плюс ежедневная верховая езда, плюс фехтование «для сохранения осанки» и гимнастика, «чтобы разогнать кровь». Все просто и очевидно — если подумать.

Тихон моргнул.

— Благодарю вас, Анна Викторовна, — осторожно произнес он.

Все еще ждал подвоха.

— Тихон Савельевич, вы наверняка знаете, что я тяжело болела.

— Я рад видеть вас в относительно добром здравии.

— Вы правы, относительно. Григорий Иванович предрекал мне умереть к сегодняшнему утру. Я намерена жить, ему назло. — Я заговорщически улыбнулась. — Думаю, вы меня в этом понимаете.

Он кивнул. «Назло» — это он понимал, еще как.

— Больше того, я намерена выздороветь. И выздороветь мне надо к Масленице, чтобы губернаторский бал прошел как подобает. Это меньшее, чем я могу отплатить моему мужу за заботу обо мне во время болезни.

Отплатить мне ему, конечно, хотелось за наш последний разговор хотя бы, но уж точно не балом. Ладно, будем считать, что это не вранье, а корректировка отчетности.

— Прошу прощения, Анна Викторовна, я не понимаю...

— ... при чем здесь вы? При том, что главное мое лекарство сейчас — это еда. И оно исключительно в ваших руках.

— Едой часто пренебрегают, — произнес он с видом человека, которого наконец-то оценили по достоинству. — А ведь пища, приготовленная со вкусом из хороших и свежих припасов и употребляемая своевременно в умеренном количестве, укрепляет силы и успокаивает мысли и чувства. Смело можно сказать: она служит первым условием к приобретению здоровья.

Наверняка это была цитата. Кого-то из кулинарных авторитетов. Но эта цитата оказалась очень кстати.

— Вы совершенно правы, Тихон Савельевич. Однако беда в том, что мой желудок сейчас — как печь, которую десять дней не топили в морозы. Если сразу бросить толстое полено — угаснет, а то и печь растрескается. Нужно начинать с малого. Сначала щепки. Потом, когда разгорится, можно подкладывать дрова покрупнее.

Он чуть наклонил голову.

— Правильно ли я вас понимаю: что-нибудь легкое, не сильно обременяющее желудок?

— Именно так. Нежирное, теплое. Без жареной корочки и без пряностей.

— Пряности придают блюду изысканность, — осторожно возразил он.

— Я уверена, вы сможете справиться и без них. Что касается состава блюд: мне нужно мясо. Каши дают энергию, но мясо, яйца, творог, птица и рыба — то, что позволяет телу восстанавливать себя.

На его лице появилось выражение человека, которому подкинули сложную — но интереснейшую! — задачку.

— Правильно ли я вас понял? Птица, телятина, речная рыба — судак или щука? Осетр слишком жирен, как я полагаю.

— Совершенно правильно, — обрадовалась я. — На гарнир крайне желателен печеный картофель. Из питья — крепкие компоты из кураги или яблок.

Надо же мне восстанавливать калий, не заставляя себя пить настой золы.

— Еще был бы неплох капустный рассол.

— Рассол, Анна Викторовна? Один из прежних моих господ любил его с похмелья.

— У меня не похмелье, но принцип тот же. Дать телу вещества, которые оно потеряло, борясь — в случае вашего прежнего хозяина — с ядами, которые образуются от чрезмерной выпивки. В моем — из-за болезни. И еще, мне понадобится особое питье.

Я коротко пересказала ему рецепт раствора с электролитами. Повар спорить не стал. Наверное, потому, что в этом варианте золы не было.

— Будет сделано, Анна Викторовна. Какие еще у вас пожелания?

— Больше никаких.

Он помолчал, прикидывая что-то в уме.

— Тогда я бы предложил так. Через полчаса подать вам яичницу в чашках...

— Я просила без жареного, — напомнила я.

— Яичница в чашках готовится следующим образом: отбить яйца в кастрюлю, добавить немного сливок...

— Молока.

— Да, вы правы. Взбивать на плите венчиком, пока не начнет густеть. Переложить в сотейник, поставить в горячую печку, пока не поднимется. Заколеровать верх горячей лопаткой... Впрочем, если желаете, без этого можно обойтись.

— Обойдемся, — подтвердила я.

— Далее бульон, как вы и желаете, в течение всего дня. Жир я сниму и приготовлю белые сухари. Не сдобные.

Я кивнула.

— К обеду суп-пюре из кур, протертый. Раки фаршированные, или экревис фарси.

— Рецепт?

— Раки, нафаршированные смоленской крупой. Поданные под белым соусом. В соус масло... — Он осекся. — Прошу прощения, Анна Викторовна, я увлекся. Вы просили нежирные. Тогда раки о натюрель.

— Они могут быть тяжеловаты.

— Кнели паровые из щуки. И картофель по-английски — истолченный с молоком. Обычно готовят вареный, но, раз вы просите, сделаю печеный.

— Так еще вкуснее, спасибо.

Он расплылся в улыбке и продолжил:

— Между обедом и ужином — суфле из творогу. На ужин — кнели куриные паровые и осмелюсь предложить бланманже миндальное.

— Тихон Савельевич, вы неподражаемы. Полагаюсь на вас полностью.

Он словно бы стал выше ростом.

— Благодарю вас, Анна Викторовна.

— Вы справитесь с отдельным столом для меня?

— О, не беспокойтесь. Ваш супруг не будет возражать, если я подам ему то же самое. Разница будет лишь в соусах и пряностях.

— Но именно они и меняют весь вкус.

— Вы понимаете. Я могу приниматься за работу?

— Конечно, идите.

Он замешкался у двери. Вынул из рук маячившей в проходе Марфы тяжелый самовар, огляделся.

— У окна, — подсказала я.

Марфа подхватила откуда-то табурет — видимо, принесла заранее, сбегав несколько раз туда-сюда, — поставила, где я указала. Тихон водрузил на него самовар и удалился.

Марфа проводила его ошалелым взглядом.

— Вы его заколдовали, барыня? Вместо того, чтобы ругаться, что в дверях маячу, помог.

— Я просто попросила его сделать то, что у него лучше всего получается, — улыбнулась я.

Марфа покачала головой, явно не в силах переварить эту мысль.

Остаток дня прошел размеренно и скучно. Еда, питье, сон. Сон — настоящий, крепкий, без бреда и жара. Организм хотел жить и, получив необходимый покой и пищу, вцепился в эту жизнь как мог.

Вечером, когда я снова делала упражнения — через усталость и проглатывая мат, — Марфа уже не крестилась. Только отворачивалась с видом человека, решившего не замечать странностей.

Ну и ладно.

Двое суток — это много, если все делать правильно. И я собиралась все сделать правильно.

Глава 13

Вечером второго дня я подвязала подол рубашки на манер индийского дхоти и попыталась сделать растяжку на ковре.

Ключевое слово — попыталась. В самом начале наклона живот отозвался нутрянной, тянущей болью, чего и следовало ожидать. Воспаление в брюшной полости — и ткани начинают прилипать друг к другу с энтузиазмом плохо воспитанных родственников на семейном застолье. Намертво.

За ночь, конечно, плотные спайки не вырастить, не грибы. Но если процесс запустить, через пару недель кишечник станет похож на клубок ниток, с которым от души поигрался котенок. Хронические боли — полбеда, а вот кишечную непроходимость в этом мире можно и не пережить. Полостная операция без асептики, антисептики и приличной анестезии — мероприятие для людей отчаянных. Даже гений Пирогов считал тридцать с лишним процентов послеоперационной смертности приемлемым результатом.

Приемлемым. Прекрасная формулировка. Однако для того, кто может оказаться по ту сторону чисел в статистическом отчете, понятие приемлемого очень быстро меняется.

Лежать смиренно и ждать, пока организм сам решит, что, где и как ему срастить, — стратегия для тех, кто верит в судьбу. Может, конечно, после одного шикарного подарка — возможности пережить собственную смерть — она подкинет еще, но надеяться на такую щедрость я не собиралась и потому старательно пыталась принять позу кошки. Вроде бы элементарно: выгнуть спину, втянуть живот. Получалось так себе. Будто кто-то напихал застывшего цемента между ребрами и тазом. Да и позвоночник скрипел, отчаянно сопротивляясь.

Дверь скрипнула не метафорически. На пороге возник Андрей. Судя по его лицу, он ожидал увидеть что угодно: жену при смерти, жену в постели, жену в слезах — но не жену на ковре.

Пару секунд он молчал. Я тоже молчала, глядя на него снизу вверх и размышляя — может, перейти в шавасану? Или перебьется?

Как раз когда я решила, что перебьется, Андрей медленно притворил дверь. Будто боялся, что слишком громкий стук выдаст то,

чего не выдает лицо. Справляться с собой и скрывать эмоции он умел. Вот только усилием воли не спрячешь синяки под глазами. Не мешки от обильных возлияний — ни спиртным, ни перегаром от него не пахло — а синяки от бессонницы.

— Боишься не влезть в старые платья? — поинтересовался он.

Днем, когда прислуга думала, что я сплю, Марфа с Матреной шептались: барин как с цепи сорвался. Уж на что Степан всегда умел его утихомирить — и тот боится лишний раз на глаза попасться. Впрочем, за то, что не появился перед высочайшими очами достаточно проворно, тоже уже выволочку схлопотал. Вот и поди пойми, куда человеку подневольному деваться. Повар — и тот второй день не буянит, опасаясь нагоняя от барина.

Сейчас Андрей, кажется, очень старался не сорваться, однако от ехидства удержаться не смог.

— Плевать на платья, — огрызнулась я, садясь на ковре. — Их все равно придется расставлять. Тугой корсет мне сейчас вреден.

Уточнять почему не стала — не перед студентами.

— Я полагал, ты пошлешь за портнихой, едва сможешь подняться с кровати, а я получу счет.

— Не исключено. Зависит от того, какой запас ткани по швам.

Он задумчиво сдвинул брови. Пришлось пояснить:

— Получится ли расставить.

Впрочем, в «беременные» платья я должна влезть. А там разберемся.

Андрей кивнул.

— Вижу, тебе лучше.

— Лучше, — подтвердила я.

— Завтра с утра пришло к тебе экономку с учетными книгами.

Я пожала плечами.

— Присылай. Пусть захватит счета за год.

Он едва заметно приподнял бровь.

— Полагаешь, разберешься с этим за утро?

— Полагаю, для беглого аудита мне понадобится два-три дня. Я вряд ли смогу концентрироваться на работе больше трех часов подряд. Если увижу что-то подозрительное, придется копать глубже, но заранее ничего не могу сказать.

Андрей опять молчал на пару мгновений дольше, чем следовало бы — и я уже приготовилась объяснять, откуда знаю слово «аудит», но он бросил только:

— Хорошо.

— И не забудь напомнить экономке про счета. — Помнится, бабушка учила меня ими пользоваться. Давно. Лет в шесть. Интересно, вспомню? — ... И письменные принадлежности.

— Хорошо, — повторил он.

Шагнул из комнаты и так же тихо притворил дверь.

Выглядит паршиво и явно на грани. Но по крайней мере не запил. Не хотелось бы мне оказаться привязанной к человеку, привыкшему топить горести в спиртном.

Тяжело опираясь на кресло, я кое-как поднялась и добрела до кровати. Завтра. Обо всем буду думать завтра.

Завтра началось не по плану.

Марфа явилась с кувшином, но вместо того, чтобы налить воду в таз, выпалила «доброе утро, барыня» и метнулась в уборную. Через закрытую дверь донеслись звуки, не оставляющие простора для воображения.

Я подождала. Звуки повторились. Потом еще раз.

Когда она наконец вышла — бледная до зелени, с бисеринками пота на лбу и мокрыми глазами, — я уже сидела в кровати.

— Марфа, ты беременна?

Самый очевидный вопрос, когда речь идет об утренней тошноте у молодой женщины в мире, не знающем контрацепции. Хотя, может, это с моей профессиональной деформацией самый очевидный. Гастроэнтеролог наверняка спросил бы, что ела, а хирург — не сопровождает ли тошноту боль в животе и не усиливается ли боль при кашле, а сам бы мысленно готовил скальпель для аппендэктомии.

Марфа рухнула на колени.

— Барыня! Христом Богом клянусь! Я девица честная, незамужняя, я бы никогда, ни с кем...

Когда это отсутствие штампа в паспорте мешало беременности? В следующий миг до меня дошло, чего так перепугалась горничная. «Гулящую» выставят за минуту, и хорошо, если расчет соизволят дать.

— Верю. Встань, — велела я. — И объясни толком, что с тобой.

Она поднялась, цепляясь за дверной косяк.

— Худо мне, барыня. С ночи. Живот крутит, и... — Она зажала рот рукой и отчаянно посмотрела на уборную.

— Беги, — кивнула я.

Я отвернулась к окну. За стеклом занимался рассвет, во дворе кто-то гремел ведрами.

Когда я повернулась обратно, Марфа стояла в дверном проеме и плакала. Тихо, без всхлипов — слезы катились по щекам, и она размазывала их ладонью.

— Простите, барыня. Я сейчас уберу, я все вымою, только не прогоняйте...

— Никто тебя не прогоняет. Пришли ко мне Матрену, пусть поможет умыться и одеться.

А кстати, где Матрена? Прошлые ночи она героически проводила в кресле, сколько я ее ни гнала. «Обязанность это моя, барыня». А сейчас ее нет.

— И кого-нибудь из девок, чтобы убрали. А сама ляг и пей как можно больше. Кипяченой воды. Обязательно кипяченой.

— Барыня, не сердчайте, милостивица, Матрена с утра лежит. — Горничная попыталась упасть на колени.

— Стоять! — приказала я. — Что значит «лежит»?

— В девичьей... Напасть какая-то, у всех животы крутит, к нужнику.... Простите, барыня.

— К нужнику очередь, — догадалась я.

Отлично. Просто замечательно. Пищевая токсикоинфекция или что похуже?

— Пришли ко мне экономку. Немедленно. А сама после этого — ляг. Это приказ.

Пока экономка добирается, есть время привести себя в порядок без посторонней помощи.

Я распахнула форточку в уборной — выветрить характерные запахи. Ледяной воздух хлестнул по лицу, зато голова прояснилась мгновенно. Пока я умывалась и причесывалась, небольшое помещение выстудило так, что застучали зубы. Ничего, перепады температуры — тоже гимнастика. Для сосудов.

Теперь одеться.

Я распахнула дверцы шкафа. Внутри на крючках по всем стенкам висели платья. Много платьев. Анна любила наряды, и муж ей в этом удовольствии не отказывал.

И каждое платье было рассчитано на корсет. Каждое. Даже те, что она носила во время беременности — со вставками для расширения и шнуровкой по бокам. К ним тоже полагался корсет — специальный, для беременных. Не такой тугий, с дополнительной поддержкой по низу и с менее выраженной талией, чем у обычных. Но все равно — корсет. С косточками из китового уса.

И Анна шнуровалась в него до последнего. Ненавидя свое изменившееся тело, опухшие щиколотки и лицо — и до головокружения боясь после родов потерять тонкую талию, которой она так гордилась. Потому что ничего, кроме красоты, у нее просто не было.

Но бог с ним, с корсетом — в платья, которые Анна носила на последних сроках, я бы влезла без него. Сели бы как на корове седло, но это можно пережить. Хуже другое. Все без исключения лифы застегивались на спине. Кучей крючков, еще и хитровывернуто пришитых — то с одной, то с другой стороны. Чтобы случайно не расстегнулись.

Чтобы застегнуть это, нужна альтернативная анатомия. Или горничная. Которая лежит пластом. У богатых свои проблемы, честное слово.

Экономка, Серафима Карповна, чопорная дама под сорок, явилась с незнакомой ни мне, ни прежней Анне девушкой, почти подростком, мелкой и шустрой. Та мигом принялась наводить порядок.

Экономка поклонилась мне. Чуть сдержанней, чем следовало бы.

— Андрей Кириллович приказывал мне принести книги...

Она в самом деле держала в руках пирамиду из счетов, нескольких амбарных книг, а поверх этого красовалась стопка бумаги, чернильница и футляр с перьями.

— Поставьте в комнате на столе. И помогите мне одеться.

Она выпрямилась — будто разом палку проглотила.

— Это задача горничной. Сейчас я пошлю...

— Горничная лежит. Как и половина девичьей. И если бы вы интересовались делами вверенной вам прислуги, вы бы об этом знали.

— Прислуга ленива и нерасторопна, а все их мнимые болезни лечатся...

— Помогите. Мне. Одеться, — повторила я.

Серафима Карповна застыла на миг.

— Как прикажете.

Она скрылась в спальне — неведомым образом умудряясь двигаться стремительно, но без суеты. И осанку не растеряла. Вернулась почти мгновенно. Достала из шкафа корсет.

— Без корсета, — уточнила я.

Она поджала губы куриной гузкой, но спорить не стала. Быстро учится. Запаковала меня в платье, на которое я указала, что-то затянула, что-то подколола — и в целом получилось вполне приемлемо. На мой вкус. Потому что на местный — надеть платье без корсета — чудовищно неприлично. Все равно что в наше время выйти из дома в ночнушке. Нет, не в платье бельевого стиля, а обычной ночнушке — хлопчатобумажной, в цветочек и с кружавчиками. Без нижнего белья.

Однако, если выбирать между приличиями и нормальным внутрибрюшным давлением — выбор очевиден. Тем более что кавалера, на руки которому можно жеманно свалиться в обморок, нет и не предвидится.

— Сегодня же пошли за портнихой. Мне понадобится новое платье.

То, что здесь называется утренним. В которых прилично выйти за пределы спальни, общаться с прислугой и даже встретить родственницу, приехавшую с неподобающе ранним визитом. И с застежкой на груди. Еще какая-то имитация корсета, чтобы прислуга в обморок не падала — но с мягкой поддержкой, а не утяжкой. И тоже со шнуровкой спереди. Совсем не зависеть от прислуги в этом доме невозможно, но и ждать каждый раз, пока меня оденут, — рехнешься.

— Еще передай Андрею Кирилловичу, что счета от портнихи все-таки будут.

Кстати, раз уж я сегодня намеревалась разбираться с деньгами, надо и со своими разобраться. Сколько Андрей регулярно выделял на содержание жены. Сколько прежняя Анна выпрашивала сверх того — а она точно выпрашивала. Сколько мне приносит мое приданое. Крошечная деревенька на шесть дворов. Но даже шесть дворов — это

какой-то оброк и какой-то доход, это деньги, которые не нужно просить у мужа.

А деньги, которые не нужно просить, это единственные деньги, на которые можно рассчитывать.

— Как прикажете, Анна Викторовна, — повторила экономка.

— А теперь проводи меня в девичью.

Она ответила не сразу — похоже, слова подбирала.

— Прошу прощения, вам не к лицу туда ходить. Если изволите что-либо приказать, я передам.

Не к лицу. Прекрасно. Видимо, в помещениях для прислуги особая физика, от которой барские лица теряют форму.

Такой феномен тем более следует изучить.

Глава 14

Я подняла бровь.

— Интересно. Значит, лицо у барыни портится от соприкосновения с реальностью.

И без того прямая, ее спина стала еще прямее — хоть на первый взгляд это и выглядело невозможным.

— Реальность такова, Анна Викторовна, что вы только что поднялись с постели после тяжелой болезни. Дворовые девки неопрятны. Если вы изволите снова слечь от тамошнего духа, Андрей Кириллович с меня строго спросит.

Говорила она вроде бы вежливо, но в каждом слове отчетливо читалось «не лезь не в свое дело».

— Андрей Кириллович спросит еще строже, если через два дня некому будет подать ему обед. А вы даже не знаете, что половина дворни — по крайней мере женской ее части — мается животами.

— Если они не притворяются.

— Вот и посмотрим. Веди.

С видом королевы, всходящей на эшафот, экономка двинулась из спальни. Я пошла за ней.

За дверью оказался будуар. Секретер у окна, кушетка, обитая бледно-голубым шелком. На столике для рукоделия — незаконченная вышивка с розами. Наверное, так и останется незаконченной: я не слишком люблю вышивать, предпочитая коротать редкий досуг за чтением. Проходя мимо туалетного столика с зеркалом, я покосилась на него — и тут же отвела взгляд. Чужая память показывала мне юную красавицу. Это зеркало — изможденную женщину с запавшими глазами и желтоватым лицом. Впрочем, странно ожидать иного: мертвые в принципе цветущим видом не отличаются, а я едва-едва перестала к ним относиться.

Малая гостиная с тафель-клавиром, при виде которого Анна неизменно мысленно кривилась: во всех приличных домах давно стоят рояли. Однако этот дом полагался губернатору по чину, как мундир и экипаж, и он не собирался полностью обставлять его заново. Его и тафель-клавир вполне устраивал.

За малой гостиной следовала галерея, пышно названная зимним садом. После натопленной спальни и будуара меня пробрал холод: печей в галерее не было, окна покрылись инеем. Кадка с пальмой — бедное растение мне стало искренне жаль; пара больших горшков с геранями и фикус. За фикусом сливалась с деревянными панелями стены дверь. Экономка отворила ее и шагнула в темный коридор. Я двинулась за ней, проклиная собственное упрямство. Это для здоровой пара комнат не расстояние, а мне уже хотелось опереться о стену и отдышаться.

Впрочем, едва я зашла в длинный «черный» коридор — для прислуги, чтобы не мельтешила перед господскими глазами, — дышать расхотелось вовсе. Характерный смрад чувствовался уже здесь, а звуки, доносящиеся из приоткрытых дверей довершали картину.

Это не дом, это филиал инфекционной больницы. Женская палата — девичья, мужская — людская.

Экономка поднесла к лицу надушенный платок.

— Анна Викторовна, настоятельно прошу вас вернуться в спальню. Если вы заразитесь...

— Где девичья? — Препираться я не собиралась.

Она указала мне на ближайшую дверь.

Едва я вошла, все повскакивали. Точнее, попытались вскочить. Одна тут же повалилась обратно, другая метнулась к ведру, зажимая себе рот.

Я огляделась. Комнатушка с нарами вдоль стен, в углу — поганое ведро, которое какая-то девка тут же попыталась убрать с глаз долой, не обращая внимания на скрючившуюся товарку.

Болеет только женская прислуга? А мужики?

— Серафима Карповна, немедленно позовите Степана, чтобы он доложил мне о ситуации в людской, — велела я.

Камердинер барина для мужской прислуги все равно что экономка — для женской.

— Боюсь, Степан докладывает исключительно барину.

С одной стороны, она была права: сферы влияния делились четко. С другой...

— Серафима Карповна, — повторила я тем тоном, от которого студенты менялись в лице. — Я не обсуждаю с вами субординацию

Степана. Я вам приказываю. Если Степан считает, что он служит исключительно моему супругу, пусть знает, что вскоре ему придется докладывать Андрею Кирилловичу о вспышке кишечной инф... желудочной заразы, которая, выкосив прислугу, перекинется на господскую половину. И о том, по какой причине придется отменить масленичный бал.

И самой мне стоит поберечься вдвойне. Но об этом я подумаю потом.

— И если он не желает объяснять барину, как такое допустил, пусть явится ко мне.

Экономка сглотнула.

— Как прикажете, Анна Викторовна. — Она выскользнула за дверь.

Впрочем, вполне возможно, просто торопилась вдохнуть чистого воздуха. В этом я ее понимала. Однако мне пока придется остаться здесь и разобраться, что за напасть скосила девичью. А может, и не только девичью — судя по топоту и мату, раздававшемуся в черном коридоре.

— Лежать всем! — гаркнула я, обнаружив, что служанки, все как одна, послезали с нар и пытаются изобразить поклоны, не свалившись при этом.

Пожалуй, не стоило так рявкать, даже у здоровых конфуз может случиться, не только у больных.

— Лягте, — повторила я уже мягче. — Я не буду сердиться на то, что болезнь мешает вам вести себя при барыне как подобает.

А мне самой нужно хотя бы полминуты, чтобы собраться с мыслями. Я не доктор Хаус, универсальный гений. Я — акушер-гинеколог. Конечно, какие-то базовые знания у меня есть, и с моими пациентками что только не приключалось — инфекция не спрашивает, беременна ли жертва и не собирается ли рожать. Однако на такие случаи всегда есть консультанты.

Здесь я сама себе консультант, и остается только надеяться, что мне хватит здравого смысла и базового образования.

Я подошла к Матрене, скрючившейся на нарах.

— Простите, барыня, — прошептала она.

Губы у нее пересохли и покрылись корками, глаза ввалились, будто она неделю не спала, лицо землистое.

— Лежи. — Я положила ладонь ей на лоб.

Горячий, но не пылает.

И как, спрашивается, работать, когда даже элементарного градусника нет? Будем считать — субфебрилитет.

— Когда началось?

— С вечера, барыня. Сперва забурчало в животе, а потом... — Она осеклась, проглатывая грубое словечко. — Только бегать и успевала всю ночь. Как прорвало.

— Поняла. Еще на что жалуешься?

— Да разве ж я посмею жаловаться, барыня? Живу у вас как у Христа за пазухой.

Тьфу ты! Ну вот как прикажете собирать анамнез в таких условиях?

— Знобит?

Она кивнула.

— Тело ломит? Кости крутит?

— Да вроде нет. Только тошнит и...

Я ущипнула ее за тыльную сторону руки. Складка расправилась медленно, лениво. Плохо. Нужно срочно отпаивать.

Я заставила Матрену открыть рот и показать язык, лечь так, чтобы я могла прощупать живот. Ни защитного напряжения мышц, ни резкой болезненности в одном участке, хотя под пальцами урчало и выло, будто в батареях в начале отопительного сезона.

Тем временем в голове у меня крутились варианты диагнозов. Холера — мимо, я успела увидеть содержимое поганого ведра до того, как его спрятали подальше от барских глаз. Да и не хватило бы им одного ведра на всех при холере. Дизентерия? Нет, при пальпации была бы другая картина, и ведро, опять же, выглядело бы не так. Брюшной тиф? Не так резко начинается.

«Кишечный грипп», как любят говорить мамочки на форумах? Стремительное начало, рвота, диарея, умеренная температура. И очень заразный — слегло полдома разом.

Очень похоже.

Или все-таки пищевое отравление? Холодильников нет, а то, что за окном натуральный холодильник — так все туда не вытащишь.

Я обвела глазами комнату.

— Все сразу слегли или кто-то первый заболел, а потом остальные?

Молчание. Только переглядываются.

— У всех разом понос начался или по очереди? — рывкнула я, потому что сил на деликатность у меня не осталось. Не до деликатности, когда хочется вцепиться в стену, чтобы не упасть. — Я не собираюсь никого наказывать. Выгонять тоже не собираюсь. Мне нужно понять, что за напасть пришла и как ее остановить. Пока весь двор не загадили.

Вместо ответа девки дружно отвели взгляд.

— Значит, играем в молчанку, — констатировала я, тяжело опираясь о косяк. — Вот только болезни на ваше молчание плевать. Достаточно одной дур...

Я осеклась.

А ведь если дело действительно в одной дурочке, которая работала на кухне через тошноту, то, возможно, и не в дурости проблема. А в том, что «прислуга ленива и любит притворяться», как заявила мне только что экономка.

Я привыкла, что у человека есть возможность пойти к врачу, взять больничный и отлежаться вместо того, чтобы героически разносить заразу по всему городу.

Только у этих женщин такой возможности нет.

И молчат они потому, что любой ответ может обернуться наказанием. Скажешь «Машка» или там «Дашка» — накажут Машку-Дашку, а остальные потом дадут понять, кто ты есть после этого. И вербально, и невербально выскажутся. Скажешь «экономка заставила» — экономка потом оторвется. Молчишь — хотя бы предъявить тебе нечего. А что с барской руки по морде прилетит, так у барыни после болезни рука, поди, полегче, чем у экономки.

Я потеряла виски. Ладно. Не хотят говорить — сама найду.

— Молчите? Ну и молчите.

Я пошла вдоль нар.

— Ты. — Я ткнула пальцем в крайнюю. — Язык покажи.

Девка открыла рот. Язык сухой, обложен.

— Живот дай пощупать.

Урчит. Болезненно, но терпимо.

Следующая. Я шла как на обходе. Щупала животы, смотрела в запавшие глаза.

— Ты когда бегать начала? Ночью? А ты? Под утро?

— С вечера, барыня... — прошептала третья.

— А ты?

— Да я еще третьего дня вечером... — еле слышно просипела худенькая девчушка в самом темном углу. Она даже голову поднять не могла.

А вот, кажется, и нулевой пациент.

— Ты чем в доме занимаешься?

— При кухне я. Что Федора скажет, то я и делаю.

— Вчера, поди, она тебе говорила, что ты, ленивая корова, притворяешься?

Девчонка кивнула.

Я все же осмотрела и расспросила остальных — и чтобы не ошибиться, может, кого-то раньше прихватило, и чтобы к девчонке лишнего внимания не привлекать. Однако выходило, что первой заболела все же она, а потом... А потом вся дворня ест на одной кухне, а кто не заразился сразу — подцепил заразу в тесной девичьей. Или людской.

Главное — теперь мне ее не подцепить. К слову, что Марфа трогала у меня в комнате?

Я мысленно прокрутила: она несла кувшин. Она заходила в уборную. Она касалась дверной ручки. Кувшин она держала двумя руками. Воду в таз она не наливала — ушла раньше.

Значит, воду я не пила. Таз — не трогала. Руки... руки я мыла сама, когда умывалась.

И еще раз помою, когда выйду отсюда. Не один раз. А до тех пор — не касаться лица. Не тереть глаза. И генеральную уборку делать придется.

Вот счастье-то!

В дверь постучали.

— Анна Викторовна, там Степан пришел.

Я выпрямилась, подавляя желание опереться о стену. Вышла из девичьей в коридор.

Степан стоял, заложив руки за спину. Высокий, широкоплечий, с непроницаемым лицом человека, который привык решать проблемы до

того, как они дойдут до барина. Нет, до самого губернатора. Он слегка поклонился — ровно настолько, чтобы соблюсти приличия, но не выказать почтения.

— Серафима Карповна передала, что вы изволили гневаться, Анна Викторовна. — Его густой бас разнесся по коридору. — Не извольте беспокоиться. С мужиками в людской я уже разобрался.

Я нахмурилась.

— Сколько человек слегло?

— Четверо лежмя лежат, — спокойно отрапортовал он. — Еще двоих мутит. Дело житейское, съели чего-то непотребного.

— И что значит «разобрался»? — ледяным тоном спросила я. Интуиция вопила, что сейчас я услышу нечто катастрофическое.

Степан снисходительно, почти по-отечески улыбнулся в усы.

— Известно что. Велел дать им водки с солью да перцем, чтоб нутро прожгло. А тех двоих, что на ногах держатся, но бледные, — отправил на господскую половину. Дрова в печи подкидывать да полы натереть. Неча барский хлеб даром есть и по лавкам валяться, пока руки-ноги шевелятся. Работа, она любую хворь выгонит.

Я задохнулась.

Кишечный вирус. Высококонтагиозный. И этот идиот только что отправил двух зараженных мужиков, которых уже тошнит, ходить по губернаторским комнатам, трогать печные заслонки, дверные ручки и натирать полы.

— Вы отправили больных... на господскую половину? — Мой голос упал до звенящего шепота.

— Так точно-с, Анна Викторовна. — Степан даже не понял, что натворил. Он посмотрел на меня с едва скрываемым превосходством старого служаки. — Андрей Кириллович всегда требует, чтобы в доме был порядок. Не извольте тревожиться, барыня. Ступайте к себе, отдохните. Я прослежу, чтобы они вам на глаза не попадались.

Он сделал полшага назад, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена и он возвращается к своим настоящим обязанностям.

Глава 15

Жаль, что под рукой нет пистолета. Или хотя бы сковородки. Чугунной. Чтобы зазвенело.

— Барин где? — поинтересовалась я. Тихо — чтобы заорать, надо было набрать воздуха побольше, а у меня дыхание перехватило.

— На службе. В присутствии, — ответил камердинер с видом «люди нормальным делом занимаются, не то что некоторые».

Я ухватила Степана за лацканы, притягивая к себе. Не знаю, как у меня это вышло.

— Ты что творишь, ирод? — прошипела я. — Ты барина своего на весь мир опозорить собрался? Чтобы он завтра при всем честном народе в присутствии обоср... обделался? Причем во всех смыслах?

Экономка ахнула. Изумление на лице камердинера — как это его, такого здорового, хрупкая барыня сумела сдвинуть — сменилось почти суеверным ужасом. Услышать подобные словечки от барыни точно никто не думал.

Значит, мне нельзя ждать, чтобы он опомнился и решил, будто барыня повредила в уме.

— Будь на твоём месте кто-то другой, я бы сказала, что это не глупость, а покушение на жизнь губернатора. Но ты-то! Ты ему вот с таких вот служишь! — Я показала ладонью где-то на уровне бедра.

Снисходительность с лица камердинера стерло, как тряпкой.

Какое счастье, что у Анны хватило ума закатить скандал на тему «твой Степан меня ни в грош не ставит» совсем недавно — и получить довольно жесткую, но весьма информативную для меня отповедь.

— Из-под пуль его вытаскивал...

Его челюсть дрогнула. Едва заметно — однако я заметила. Капризная болонка барина перестала брехать и заговорила на человеческом языке, и теперь Степан не знал ни как это объяснить, ни что с этим делать.

— ... а теперь что творишь?

Он моргнул. Руки приподнялись — вежливо, но непреклонно отцепить мои пальцы от его лацканов — и вытянулись вдоль тела. Да

он и сам вытянулся во фронт, и мне пришлось отпустить его, чтобы не взлететь и не повиснуть.

Я вздохнула. В глазах темнело: все еще от злости или уже от усталости?

— Ты что, не знаешь, как это бывает? Один в лагере начал животом маяться, через два дня все пластом, и солдаты, и господа офицеры. Сам, поди, видел, как от кровавого поноса мрут больше, чем от пуль! И после этого отправил мужиков, которых уже мутит, значит, вот-вот слягут, сразу по половине барина разносить?

— Я их немедля верну, барыня!

— Погоди, — остановила его я. — Две минуты погоды не сделают, а мне надо подумать, как поступить, чтобы зараза из людской и девичьей на господскую половину не пошла.

И кухня! Да, у господ отдельная кухня, поэтому экономка и камердинер пока здоровы. Но если кто-то из подручных Тихона ночует в людской, значит, и на господской кухне уже тикает микробиологическая бомба.

И как мне распорядиться, чтобы мои распоряжения не напугали их своей радикальностью?

Все равно что по канату пройти. Качнешься влево — результата не будет. Качнешься вправо — вспомнят, что барыня регулярно «блажить изволит», и вовсе ничего делать не станут.

— Здоровые в доме есть? Кто-то, кто в людской не ночевал? И в девичьей?

Я на миг прислонилась плечом к косяку и тут же вспомнила, что даме такая поза не подобает. Еще бы руки в карманы засунула. Пришлось выпрямиться.

— Конюх с мальчишкой при конюшне живут. Кучер там же, при каретном сарае помещение у них, — доложил Степан.

— Тихон?

— Тихон на своей кухне ночует и днюет, у него там каморка есть, в ней и спит.

— А подручные его? Мальчишки?

— С ним. Говорит, нечего в людской дури набираться и учиться от работы отлынивать.

Слава богу. По крайней мере кухня Тихона пока должна быть незаразной.

— Серафима Карповна? Что по женской прислуге?

— Федора при кухне спит. Горничную вашу вы раньше велели при себе держать неотлучно, а нынче отослали к девкам.

Отослала отдохнуть, угу. Отдохнули. Но кто ж мог знать!

— Еще кто-нибудь? Может, кто-то наказан был, не в людской ночевал.

Ее лицо на миг помрачнело — барыня в такое влезать не должна была.

— Машка и Стешка прошлый день на хлебе и воде, в кладовку на ночь заперты.

Голод и холод иммунитету не помощники. Но сейчас это, возможно, единственные здоровые женщины в доме, и разбираться, за что они ночевали в кладовке, я буду потом.

— Значит, первое. Степан, тех двоих немедленно вернуть в людскую из барских покоев. Здоровых от больных отделить. Тихон и его мальчишки пусть на черную половину даже носа не высовывают. Впрочем, я сама ему об этом скажу.

Потому что ему придется готовить не только господам, но и здоровой дворне, и вряд ли господского повара обрадует необходимость работать «для черни».

— Серафима Карповна. Девки, которые пока в кладовке спят, пусть и дальше спят в кладовке. Дайте им туда жаровню, чтобы не околели. Никому из больных на господскую часть не выходить. Во двор тоже. За теми, кто слег, ухаживать будут те, кого уже мутит, но на ногах держатся. Это ясно?

— Так вся работа в доме встанет, Анна Викторовна, — начала экономка.

Я открыла рот, но Степан меня опередил.

— Пусть лучше работа встанет, чем барин сляжет.

— В корень зришь, — кивнула я. — Значит, после того, как те двое вернутся, покои барина вымыть. Что можно — щелоком, что нельзя щелоком — с мылом, ядреным, стиральным. Что нельзя мылом — водкой протереть.

Степан нахмурился.

— Это зачем?

— Затем, что зараза ходит через грязные руки. Больной схватился за ручку двери, здоровый взялся за ту же ручку, почесал нос — и через

два дня лежит рядом.

Он продолжал хмуриться, и я добавила:

— Хочешь проверить на барине?

Камердинер покачал головой, хотя складка между бровей не разгладилась. Однако не спорит — и ладно пока.

— Особенное внимание — дверным ручкам и всему, чего барин касается. Как вы убедите этим заняться конюха с кучером — ваша забота.

У прислуги своя иерархия, местом в которой каждый гордится, как в наше время иные гордятся должностью старшего помощника младшего менеджера.

— Степан... простите, как вас по батюшке величать?

— Прохорович, Анна Викторовна.

— Степан Прохорович, я знаю, что о здоровье барина вы печетесь, значит, и убедить мужиков сможете.

— Смогу. Водку им давать еще, — фыркнул Степан. Но было видно — мой переход на «вы» он заметил и обращение по отчеству оценил. — Они не дверные ручки, а брюхо себе ей промоют, так что на двери ничего не останется. Сам, может, займусь.

— Полагаюсь на вас. Серафима Карповна, аналогичные распоряжения отдать здоровым девкам, чтобы прибрались в моих покоях.

— Как прикажете, барыня.

— Хорошо.

Как же хочется сползти на пол и посидеть полчасика! Но нельзя.

— Степан Прохорович, велите принести на черную часть дома пушонки, что для побелки припасена. Поганые ведра присыпать, прежде чем вынести. И сами ведра до краев не наполнять, до середины — и будет. К нужникам тоже пушонку поставить в ведрах под крышкой и после себя в яму засыпать. Осторожно и не перемешивая, чтобы демона фекалис не призвать.

Экономка поджала губы куриной гузкой, Степан крякнул. Оба переглянулись, кажется, решив, что барыня рехнулась.

Пусть думают, что хотят, лишь бы делали что велено. Без санкции хозяина дома психиатра ко мне не призовут, а Андрей такой санкции не даст. Да и чем я могу удивить психиатра? Латынью? Он ею сам кого хочешь удивит.

— Себе на будущее отметьте, пожалуйста. Попросить у барина, чтобы заказал в Москве на химической фабрике охлоренной извести. Ей и белье выбеливать хорошо, и заразу всякую выводить.

— Может, и поближе где найдется, я разужнаю, — сказал Степан.

— Полагаюсь на вас, — повторила я. — Черный коридор, людскую и девичью мыть щелоком. Окна открывать проветривать, чтобы дышать было чем. Это понятно?

Оба кивнули. Степан — сразу, экономка — помедлив.

— Дворовым, и больным, и здоровым, воду давать только кипяченую. Посуда отдельная для здоровых и для больных. Замачивать щелоком, мыть кипятком.

— Барыня, где я руки возьму, если вы велите больным в девичьей прохлаждаться? — не выдержала экономка.

— Свои испачкаешь, — отрезала я.

— Я буду жаловаться Андрею Кирилловичу.

— Хоть в сенат, хоть самому государю императору.

— Я немедленно подам на расчет!

Я прищурилась.

— Подавай. А я напому Андрею Кирилловичу, что вы — лицо материально ответственное, и посему отпускать вас из дома с рекомендациями до полной ревизии неразумно. Но, поскольку заставлять работать человека, желающего уволиться, несправедливо по отношению к нему — отправитесь прохлаждаться в девичью.

— Вы не посмеете!

— Почему? Экономке полагается отдельное помещение, пока она экономка. А не пойми кому... — Я демонстративно пожалала плечами.

Серафима Карповна побелела. Я даже успела испугаться, что мой блеф — насчет запираения в девичьей с больными — был перебором и экономка хлопнет дверью прямо сейчас, а мне потом разгребать еще и это. Однако душой она не была и сумела сообразить, что расчет — даже расчет после ревизии, проведенной обозленной, но не слишком сообразительной барыней, — это одно. А расчет без рекомендаций — совсем-совсем другое.

— Как прикажете, Анна Викторовна, — ровным голосом произнесла она.

Плюс один враг в этом доме. Но об этом я подумаю потом. Пока — спрятать пальцы в складках юбки, чтобы не видно было, как руки

трясутся от слабости.

— Дальше. У больных всегда должно быть в достатке кипяченой воды. Распорядитесь понятным для них языком, что пить надо понемногу и часто.

Если я попытаюсь напоить дворню электролитной гадостью, они взбунтуются. Придется придумывать что-то еще.

— Еще пусть в девичью и людскую поставят по большой крынке с рассолом из-под квашеной капусты. Его пить по мере сил и желания.

— Как от похмелья? — хмыкнул Степан. Опомнился. — Простите, барыня.

— Примерно так. Еще распорядитесь, чтобы Федора приготовила на всех овсяный кисель — но не ждала, пока застынет, а так подала. И жидкую кашу из толокна. Ясно?

Степан коротко кивнул. Серафима Карповна процедила сквозь зубы «как прикажете» с интонацией, обещающей мне вечные муки.

— Выполнять, — подвела я итог.

И, как бы мне ни хотелось доползти до спальни и рухнуть в кровать, нужно еще поговорить с поваром и кухаркой. С кого начать?

Наверное, с того, от кого можно заранее ждать больше проблем.

Значит, пойдем в черную кухню. Самой искать или экономке велеть? Пока она мне экскурсии проводит, работать некому.

Все сомнения разрешил громогласный вопль.

— Где эта дура ленивая шляется? Сдохла, что ли?

Глава 16

Голос шел из-за двери ближе к концу черного коридора. Сочное, хорошо поставленное контральто — таким бы романсы петь, а не работниц костерить.

А дура, видимо, та самая девчонка, которая «при кухне я». Лежит в девичьей пластом и голову поднять не может. Поздновато что-то кухарка спохватилась.

Или не поздно? На часы я не смотрела, но, судя по серой хмари за окнами и тому, что, когда я спустилась, дворня еще не расползлась по рабочим местам разносить заразу — утро раннее. Однако барин уже в присутствии. Видимо, следует правилу «Кто рано встает — тому бог подает».

Правда, мне сегодня с утра он подал полдома с поносом и кухарку, способную перекричать паровозный гудок.

Я двинулась на голос. Ноги подгибаться перестали — компенсаторное перераспределение ресурсов. Или, если не пытаться умничать: организм понял, что присесть ему в ближайшее время не светит, и понес на морально-волевых.

Я толкнула дверь в людскую кухню. В нос ударил запах кислого тряпья и чего-то сладковатого, кажется, подгнивших овощных очистков. Это амбре не могла перекрыть даже вонь прогорклого жира, исходящая не то от котлов, не то от сальных свечей, налепленных тут и там прямо на поверхности.

В дальнем углу кухни, загораживая раскрытый сундук, возвышался необъятный зад в когда-то красной, а теперь коричневой юбке. Из сундука гулко, как из бочки, доносился голос, продолжающий костерить помощницу. Наконец хозяйка зада выпрямилась, оказавшись бабой рослой и крепкой. Не жирной — а именно крепко сбитой, с широкой от постоянного таскания чугунков спиной. И становилось понятно, почему кухонная девка предпочла работать, несмотря на болезнь, опасаясь разозлить кухарку. Бицепсам под закатанным рукавом позавидовал бы иной качок. Такую, поди, даже мужики боятся: приложит ухватом, и можно сразу поминки заказывать. На голове у Федоры — а вряд ли это был кто-то другой —

красовалась косынка, некогда белая, а сейчас напоминающая карту: на серой глади морей желтые материка застарелых пятен жира и бурые архипелаги неизвестного происхождения и серая гладь общим фоном...

С кажущейся легкостью она одной рукой выдернула из сундука мешок, второй захлопнула крышку и бухнула мешок вверх, разразившись тирадой о бестолковых и ленивых девках, из-за которых все приходится делать самой.

Я потеряла переносицу, жалея, что у меня нет надушенного платка — заткнуть нос, как это сделала экономка в девичьей. Запахи там, конечно, были специфические, но и источники очевидны.

Здесь источников неземного амбре — а заодно и инфекции — было столько, что впору начинать составлять акт санитарного обследования.

Стол: массивный, деревянный. Столешница лоснится от въевшегося жира. Отличная питательная среда, можно посеять на ней выращивать.

Разделочные доски — зачем они, если, судя по зазубринам на столе, кухарка спокойно использовала его для резки всего на свете? С бурыми разводами то ли от мяса, то ли от свеклы, то ли от разросшихся патогенных культур.

Под лавками — толстенный культурный слой из луковой шелухи, обрезков овощей и прочего кухонного мусора. находка для будущих археологов. Станет, лет через тысячу.

Тряпка на краю лавки, живо напомнившая мне дешевые столовые, где такими тряпками протирают пластиковые столы, отчего те чище не становятся. Эта выглядела так, будто ею и пол мыли. В самом деле, зачем заводить несколько тряпок, когда и одна прекрасно справляется с задачей равномерного распределения грязи по всем поверхностям.

Бочка с водой у стены. Без крышки. Огонек свечи отражался в поверхности воды, высвечивая заодно какой-то мелкий мусор. Не то дохлых насекомых, не то... Гадать не хотелось.

Идеальная учебно-демонстрационная модель фекально-орального механизма передачи, коллеги с кафедры инфекционных болезней обзавидовались бы. Можно просто привести студентов и попросить их найти хотя бы одну поверхность, которая не является фактором передачи. Готова поспорить, не нашли бы.

Под ноги метнулся черный таракан размером с полпальца. Я взвизгнула и взлетела на лавку. Ничего не могу с собой поделаться, фобии на силу воли плевать.

Федора обернулась. Рот ее, раскрытый для очередного залпа ругани в адрес бестолковой девки, так и остался открытым — только слова стали другими. Вместо мата вышло что-то вроде:

— Ба... Анна Викт...

Она осеклась. перевела взгляд с моего лица на мои ноги, стоящие на лавке, обратно на лицо и снова на ноги. На ее физиономии последовательно сменились три выражения: испуг, изумление и — я готова была поклясться — злорадное предвкушение. Барыня на лавке посреди людской кухни — это ж какой подарок для дворовых сплетен.

А я стояла и понимала, что слезть не могу.

Нет, теоретически — могла бы, конечно. Спрыгнуть, шагнуть, переступить. Если бы я была здорова. Но когда колени подрагивают и голова кружится, лучше даже не пытаться прыгнуть. Приложусь об этот жирный пол с грацией мешка с картошкой. И тогда сплетня превратится из забавной в эпическую.

Твою мать!

— Федора, — сказала я тем тоном, каким обычно диктовала назначения. — Руку подай.

Она подскочила — надо отдать ей должное, на приказ барыни тело кухарки среагировало раньше, чем голова успела что-то сообразить. Сгребла мою ладонь своей лапицей и стащила меня с лавки так бережно, как, вероятно, никогда не обращалась с посудой.

Ноги подо мной ощутимо дрогнули, но я устояла. Устояла, и это главное.

— Благодарю, — процедила я.

И тут же почувствовала, что держусь за руку, которая десять минут назад рылась в сундуке, до этого хваталась за этот стол, за эту тряпку, за бог знает что еще.

Рукомой. Где тут рукомой?

Я заметила его в углу у двери — жестяной, с носиком. Ринулась к нему. Надавила — потекла ледяная вода. Отлично. Мыло. Вот и мыло, тут же, на полочке. Серый здоровенный кусок, покрытый такой сетью глубоких трещин, что напоминал дно пересохшего озера.

Интересно, его хоть раз использовали по назначению?

Я вымыла руки старательно, как перед операцией — насколько это было возможно без щетки.

Вспомнила, что вчера мне с этой кухни приносили соль и кипяток, едва удержала тошноту. Вымыла руки еще раз.

За спиной стояла тишина. Федора ждала. И наверняка уже решила, что барыня окончательно тронулась.

Что ж. Пора было эту тишину нарушить.

Я вытерла руки о юбку — все равно ее после сегодняшнего похода только стирать — и повернулась к Федоре.

Та уже оправилась от потрясения. Более того — по ее лицу было видно, что практичный ум кухарки лихорадочно работает. Барыня на людской кухне — событие примерно такой же вероятности, как снег в июле. И если барыня сюда явилась, значит, случилось нечто из ряда вон. А если случилось нечто из ряда вон, значит, кто-то будет виноват, и лучше бы этим кем-то оказалась не Федора.

— Анна Викторовна, матушка, — заговорила она, сменив тон с базарного ора на елейное почти сюсюкание. — Уж вы простите, что так вас встретила, кабы знала — прибралась бы. А то ведь одна тут кручусь с первых петухов, без рук без ног, девка-то опять запропастилась, бестолочь ленивая, третий раз за неделю...

— Девка твоя лежит в девичьей, — перебила я. — Она не ленится. Ее рвет и несет так, что она голову от нар поднять не может.

— Притворяется, как пить дать притворяется! Она и вчера ныла, дескать, тошнит. Лишь бы не работать!

— Вчера она работала больная. И поэтому теперь вся девичья и половина людской блюют дальше, чем видят, и гадят как гусята.

Интересно, сама Федора сляжет? Или она — ходячее подтверждение поговорки «больше грязи — толще морда»?

— Да ну, барыня, скажете тоже. — Кухарка махнула рукой. — Животом помаяться — дело житейское. Может, квасу кислого перепила, может, еще что. День-другой, и пройдет. Давайте я за ней сбегаю, а то одна готовить не управлюсь.

Пожалуй, не время читать лекцию о кишечных инфекциях.

— Сегодня ты готовить не будешь.

— Как это? — вытаращилась на меня она.

— Так это. Сегодня ты будешь эту кухню мыть. Щелоком. Кипятком. Промоешь всю посуду. Прольешь все щели. Бочку выльешь,

ошпаришь кипятком, нальешь заново и накроешь крышкой. Стол выскоблишь добела. Пол тоже. Добела. Я проверю.

Чем дальше я говорила, тем яснее проступало на лице Федоры уже не раз виденное мною в этом доме выражение «барыня блажить изволит». Потому барыню надо спровадить побыстрее и заняться своими делами. А для этого нужно спокойно выслушать, как та разоряется.

— Я велю экономке послать в аптеку за бурой. Смешаешь ее с вареным желтком. Две чайные ложки на желток. Скатаешь шарики. Разложишь под лавками, у печи, вдоль всех стен, — продолжала инструктировать я.

К слушателям, у которых в одно ухо влетает, из другого вылетает, я привыкла. Однако хоть что-то да останется на первое время, а потом я уж ей помогу закрепить знания. Еще как помогу.

— Зачем, милостивица? — любопытствовала Федора.

— Тараканов вывести.

Кухарка ахнула.

— Да что вы, барыня! Это ж вы велите моими руками из дома богатство вывести! Нешто можно?

— Нужно, — отрезала я.

— Как прикажете, барыня, — поклонилась Федора.

Но в тоне ее отчетливо слышалось: «Прикажешь-то прикажешь, а сделаю я по-своему». В самом деле, не слушать же какую-то пигалицу кухарке, которая еще покойной матушке барина служила! Никто ж за эти двадцать лет не помер!

— Проверю, — пригрозила я.

По-хорошему, надо бы встать у нее над душой и командовать, пока все не будет сделано как надо. Но, во-первых, силы у меня стремительно заканчивались, во-вторых, задерживаться здесь было так же неразумно, как и в девичьей. Некоторые виды кишечных вирусов прекрасно передаются и через аэрозоль — разбрызгались капли от рвоты в помещении, и через день все свалились. Как это, собственно, и произошло в этот раз.

— Как изволите, барыня.

— Обязательно проверю, — повторила я, не особо надеясь, что подействует.

Жаль, что просто вышвырнуть кухарку прямо сейчас нельзя. Я и без того сегодня потрясла устои дома своим появлением на черной половине. Довела экономку до того, что та едва не уволилась. Если я сейчас и Федору выгоню, скажут — барыня в истерике громит хозяйство. Мне пропишут успокоительное, а в доме все станет как было.

Ничего. Отдышусь, сооружу маску и вернусь. Этот дом дошел до такого состояния не за один день, значит, не стоит и надеяться разом привести его в порядок. Поэтому пока займемся более неотложным делом.

Кто-то должен готовить для дворни. И Тихону эта идея явно не понравится.

Глава 17

Открыв дверь, за которой должна была быть господская кухня, я остановилась на пороге, моргнула и на мгновение усомнилась: может, тот таракан был галлюцинацией и я все еще в горячечном бреду? Потому что это помещение не имело ничего общего с тем, из которого я только что вышла.

Чисто. Не «чисто после Федориной кухни» и не «более-менее чисто». Просто — чисто. Выскобленный добела стол. Медные кастрюли в ряд, начищенные до блеска. Ножи на отдельной доске — и каждый нож для своего: мясной, хлебный, овощной. Разделочные доски — две, нет, три — и ни одна не похожа на экспонат бактериологического музея. Полотенца, льняные, откипяченные добела. Пол подметен. Бочка с водой накрыта деревянной крышкой, и я была готова поспорить: если я подниму эту крышку, не обнаружу в воде никаких посторонних примесей. По крайней мере макроскопических.

Выходит, дело не в достижениях микробиологии, позволяющих популярно объяснить, почему чистота — залог здоровья. И не в наличии или отсутствии водопровода.

Один дом, одно столетие, две кухни. Да, вторая была оборудована явно круче: печь русская, печь с плитой, очаг с вертелом и много чего еще, сразу глазом не охватишь. Все печи выложены белыми изразцами — страшно подумать, сколько это могло стоить.

Но все же главная разница называлась Тихон Савельевич.

Он стоял у плиты, помешивая что-то в кастрюле, и был, судя по сосредоточенному лицу, полностью поглощен процессом. Один из мальчишек-подручных чистил что-то у окна, второй нарезал зелень — аккуратно, сосредоточенно, явно приученный к порядку не одним подзатыльником.

Тихон обернулся на звук моих шагов. Во взгляде мелькнула тревога. Барыня только что визжала за стеной. Барыня сама пришла к нему в кухню, да еще в такую рань, значит, опять что-то не так. Однако он тут же оставил кастрюлю, вытер руки о чистое — чистое! — полотенце и слегка поклонился.

— Доброе утро, Анна Викторовна. Завтрак будет готов через четверть часа, как условились.

— Доброе утро, Тихон Савельевич. Завтрак подождет, а вот дело — нет. Присесть можно?

Он подвинул мне табурет с такой скоростью, будто ждал этого вопроса. Может, и ждал — мой цветущий вид наверняка соответствовал моему самочувствию.

Я села. Ноги тихо поблагодарили меня. Спина — тоже. Организм настоятельно рекомендовал с этого табурета не вставать ближайшие часа два, но организму придется потерпеть.

— Тихон Савельевич, у нас беда. Полдома слегло с желудочной заразой. Девичья, людская — почти все. Здоровых по пальцам пересчитать.

Он нахмурился. Профессиональный расчет включился мгновенно — стало очевидно, что повар прикидывает: кто таскает дрова, кто носит воду, кто моет посуду.

— Скверно, — коротко сказал он.

— Скверно, — согласилась я. — И кто-то должен кормить тех, кто болеет. Кисель овсяный, жидкую кашу, морковный суп — я дам вам рецепт. Может быть, бульон попозже. Простую, легкую еду. На Федориной кухне сегодня готовить нельзя: я ее закрыла.

Я выдержала паузу, давая ему самому догадаться.

Он догадался. И не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы прочитать реакцию. Спина выпрямилась — хотя и без того была прямая. Подбородок приподнялся. Ноздри дрогнули. Если бы Тихон был котом, шерсть встала бы дыбом.

— Анна Викторовна, — произнес он с тщательно отмеренной вежливостью, — я готовлю для господского стола. Барский повар — не кашевар для дворни.

Я его прекрасно понимала. Человек, который выбился из крепостных в повара губернаторского дома, учился у француза, подает соусы к дичи и формует суфле, — и вдруг ему предлагают варить овсяный кисель для прислуги. Это как профессору предложить подежурить фельдшером в сельском ФАПе. Формально ничего оскорбительного. А по существу — пощечина всему, чего ты добился.

— Я понимаю, — сказала я. — И не просила бы, если бы был другой выход. Но другого выхода нет. Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Тихон шел за мной молча. Несколько шагов по коридору он, вероятно, потратил на то, чтобы подобрать формулировку вежливого, но окончательного отказа.

Однако произнести ее не успел.

Я толкнула дверь в людскую кухню и посторонилась, жестом приглашая повара вперед.

Тихон шагнул внутрь. Остановился.

Федора, успевшая за время моего отсутствия вернуться к прерванным делам — мешок был раскрыт, и она пересыпала из него крупу, — обернулась. При виде Тихона на ее лице промелькнуло что-то вроде облегчения: свой, не барыня, с ним проще.

— Тихон Савельич, ты глянь, что делается, барыня совсем уж...

Тихон глянул. Я видела только его спину и затылок, но было очевидно: он смотрел.

На стол. На доски. На тряпку. На бочку без крышки. На жирные потеки на стенах, на сальные наросты вокруг свечей, на культурный слой под лавками.

Жаль, что я не могла видеть его лицо. Но по тому, как разворачивались плечи и каменела спина, становилось ясно — Тихон Савельевич оскорблен до глубины души. Он не был брезгливым человеком — невозможно быть брезгливым, если ты вырос в крестьянской избе и половину жизни провел по локоть в потрохах. Но он был профессионалом.

Он шагнул в кухню. Провел пальцем по столешнице. Посмотрел на палец. Потом на Федору.

— Это что? — спросил он тихо.

— Чего «что»? — огрызнулась Федора, еще не уловившая перемену ветра. — Стол и стол, чай, не в ресторации...

— Это что, я тебя спрашиваю?! — Тихон рявкнул так, что мальчишки-подручные, осторожно заглянувшие из-за моей спины, шарахнулись обратно в коридор. — Ты на этом столе людям жрать готовишь?!

Федора открыла рот — и закрыла. Тихон Савельевич в ярости был, видимо, зрелищем хорошо ей знакомым и пугающим.

— Двадцать человек дворни пластом лежат! — Он взял со стола тряпку двумя пальцами, как дохлую крысу, и швырнул на пол. —

Двадцать! Это рабочие руки! Кто дрова колоть будет? Кто воду таскать? Кто печи топить?

— Да они животом просто, поправят...

— Поправятся?! — Тихон подошел к бочке, заглянул, и лицо его перекошилось. — Из этой бочки они поправятся? Или вот от этого? — Он ткнул пальцем в доску с бурными разводами. — А с этой доски? Ты вообще понимаешь, что эти же девки барину постель стелют? Барыне воду носят? Тарелки после обеда моют? Нажрутся твоей стряпни с грязного стола, наблюют на серебро — и что?! Кто господ лечить будет? Григорий Иванович? А барин его гонорар из твоего жалования вычтет? Или лечить не будем — сразу отпевать?

Федора побагровела.

— Да я тут двадцать лет готовлю, и никто...

— Двадцать лет! — Тихон развернулся к ней всем корпусом. — Двадцать лет ты тут свинарник разводишь, и тебе везло!

Он обернулся ко мне. Поклонился.

— Прошу прощения, Анна Викторовна. Недоглядел. Думал — раз человек столько лет работает, чего я буду в установленные порядки лезть? Покойная барыня довольна была, барин доволен. Недоглядел, — повторил он. — Не извольте беспокоиться, я разберусь.

И тут же снова рявкнул так, что зазвенели кастрюли:

— Кончилось твое везение, Федора! Полдома лежит! А если барин сляжет — ты ему будешь объяснять, что двадцать лет никто не жаловался?

Федора побледнела. Вот это дошло. Барыня — далеко, барыня — блажит, а вот барин...

Я стояла в дверях и молчала. Воистину, главное в руководстве — своевременное делегирование. Я не планировала такого результата, но все получалось как нельзя лучше.

Тихон говорил ровно то, что я говорила пятнадцать минут назад, — но от него Федора не могла отмахнуться, как от меня, привычным «как изволите». Тихон свой, того же сословия. Не где-то там на господской части дома, откуда вряд ли придет сам проверить, как выполняются его распоряжения. Будет здесь, рядом, вопить над душой.

Тихон тяжело выдохнул. Обвел кухню взглядом — медленно, будто составлял в голове опись.

— В этом свиарнике готовить нельзя, — сказал он. Уже спокойнее, но тоном, не допускающим возражений.

Повернулся ко мне.

— Анна Викторовна, я приготовлю для дворни. Все, что вы скажете.

Ни следа прежней обиды. Он увидел — и решил. Как хирург, который может сколько угодно ворчать на чужого пациента, но, увидев открытый перелом, молча закатывает рукава.

— Кисель овсяный, кашу жидкую, — продолжил он, уже прикидывая в уме. — Бульон куриный — у меня с вечера основа стоит, разведу пожиже. На господский стол подам как обычно, для дворни сделаю отдельно. Мальчишки помогут. И рецепт морковного супа, который обещали, не забудьте.

— Спасибо, Тихон Савельевич. Запоминайте рецепт. На часть моркови по весу две части воды. Добавить соль в пропорциях... — я лихорадочно пересчитала в уме, хорошо что память прежней Анны осталась. — Три четверти золотника к фунту очищенной моркови. Варить долго, не меньше часа, потом все вместе перетереть в пюре и долить кипятка до исходного объема. Сколько нужно на дворню, вы уж пересчитайте сами, пожалуйста.

— Пересчитаю, — кивнул он. — Не извольте беспокоиться, все сделаю.

Он повернулся к Федоре. Та стояла, вжав голову в плечи, всем видом напоминая нашкодившую собаку, которая еще не решила — то ли прикинуться мертвой, то ли рвануть под лавку.

— А ты, — сказал Тихон, — берешь ведро, щелок и моешь эту конуру так, чтобы я мог с полу есть. Начнешь со стола. Закончишь стенами. Я зайду вечером и, если увижу хоть одно пятно, заставлю тебя эту кухню языком вылизать. А потом — пойдешь объясняться с барином. С самим. Ясно?

Федора кивнула. Молча.

Я выпрямилась, отлепившись от дверного косяка, о который, оказывается, опиралась последние пять минут. Ничего, Федоре сейчас не до наблюдений за барскими позами.

— Тихон Савельевич, еще одно. Ваши мальчишки — чтобы на черную половину не совались. Ни в людскую, ни в девичью. И вы

сами тоже. Выставили за дверь кухни котел, кто-нибудь забрал и вернул пустой. Как вернут, сразу же его в кипяток.

— Понял, Анна Викторовна.

В коридоре я позволила себе остановиться и привалиться к стене. Полминуты.

Кухня под контролем. Федора будет мыть — под страхом Тихона, а не моим, что надежнее. Больные изолированы. Здоровые предупреждены. Степан протирает барские покои. Водкой. Интересно, что скажет сам барин, когда об этом узнает.

Осталось добраться до своей спальни, рухнуть в кресло, а лучше сразу в кровать и надеяться, что организм продержится до вечера, когда надо будет проверить, выполнила ли Федора хоть что-нибудь из приказанного.

Черный коридор. Дверь в галерею. Зимний сад с несчастной пальмой и фикусом. Малая гостиная. Будуар. Спальня. Путь с черной половины тянулся как дорога из Москвы в Петербург. Каждая комната — верста. Зато дошла на своих ногах, и это не может не радовать.

Я покосилась на разобранную кровать. Но, чтобы в нее упасть, надо было бы снять платье — дурацкое платье с застежкой на спине.

Кресло приняло меня как родное. Я закрыла глаза.

Отдохну немного. Чую, чтобы разобраться с бумагами экономки, мне тоже потребуются силы. Подумать об этом я успела, а потом все же провалилась в сон.

Глава 18

Я проснулась от запаха. Умопомрачительного аромата куриного бульона. Свежего укропа. И еще чего-то кисло-сладкого с тонкой ноткой корицы. Печеное яблоко, точно!

Несколько секунд я просто наслаждалась этими запахами и теплом. Потихоньку тело стало напоминать о себе. Дико ныли шея и поясница — а нечего было спать в кресле. Я попыталась пошевелиться и чуть не подпрыгнула, когда что-то сползло с груди. Выдохнула, разглядев. Шаль. Кто-то укутал меня шалью.

Свечи, разгоняющие серые сумерки за окном. Это сколько же я дрыхла!

И вообще, кто...

Ответ на этот вопрос нашелся тут же.

У стола, спиной ко мне, стоял Тихон. Он расставлял тарелки — бесшумно, с той выверенной точностью движений, которая отличает людей, привыкших обслуживать спящих и больных. В серебряных клошах отражались огоньки свечей.

Я шевельнулась, и кресло подо мной скрипнуло.

Тихон обернулся.

— Простите, барыня. Не хотел будить. — Он говорил негромко: похоже, действительно будить не хотел и давал мне возможность выплыть из дремы постепенно, не подпрыгивая от громового рывка. — Обнаружил, что за обедом вы не посылали, а потом сообразил, что посылать некому: девки ваши лежат.

— Который час? — Голос со сна вышел хриплый.

— Пятый вечера. Я осмелился зажечь свечи и растопить печь: в покоях выстыло.

Вот, значит, откуда шаль. И тепло. Пока я спала, повар взял на себя то, что обычно делают горничная и сиделка. Просто понял, что больше некому, — и сделал. Золото, а не человек. Когда не орет так, что стены трясутся.

Я села ровнее, подавив стон: оказывается, одеревенели не только шея с поясницей. В весь позвоночник будто кол вбили.

— Как дворня?

— Ворчат, как всегда. На притеснения и барский произвол.

Я хмыкнула: поворчать о притеснениях начальства — дело святое. Тихон, судя по едва заметной улыбке, был со мной согласен.

— Однако кисель пьют и морковный суп съели подчистую. Бульон тоже пошел. — Он помолчал. — Насколько могу слышать, полегче им к вечеру стало. Не всем, но большинству. Те, кому стало полегче, жалуются, что барыня морит их голодом.

Значит, все идет как надо. Вирусные кишечные инфекции — быстрые. Начинаются стремительно и проходят через пару дней. Правда, выделять вирус потом будут неделю — так что за эту пару дней мне придется ввести драконовские наказания за несоблюдение норм личной гигиены.

— А Федора?

— Моет.

Вот и славно. Я подняла клош. Бульон, золотистый, прозрачный. Гренки. Под другим клошем — мягкий омлет. Десерт из запеченного с медом яблока. Повар помнил про ограничения для выздоравливающей.

— Спасибо, Тихон Савельевич.

Он поклонился — коротко, по-деловому — и вышел. Дверь за ним закрылась без звука.

Я взяла ложку. Бульон оказался прекрасен.

Но, как бы ни хотелось мне и дальше предаваться лени и чревоугодию, следовало заняться чем-нибудь полезным. Например, амбарными книгами экономки, которые лежали неммым укором на дальнем краю стола.

Вздохнув, я отставила подальше посуду и притянула к себе стопку бумаг. Начнем с описей запасов, пожалуй.

Почерк у Серафимы Карповны был на удивление разборчивым и четким. Хоть что-то в этом доме разборчивое и четкое. Итак, что мы имеем. «Мука ржаная — три пуда. Крупа гречишная — полтора пуда. Водка столовая — ведро».

Похоже, после сегодняшнего дня запасы водки здорово поуменьшатся.

Дверь в спальню распахнулась. Заметались огоньки свечей, одна даже погасла.

Андрей Кириллович, собственной персоной. В вицмундире, застегнутом на все пуговицы. Значит, прямо со службы понесся к жене

— и, судя по выражению лица, явно не для того, чтобы поинтересоваться ее здоровьем.

Впрочем, зря я на него наговариваю. Примчался именно что поинтересоваться здоровьем. Психическим. Даже не поужинав — это было заметно по уставшему лицу, резким движениям, какие бывают, когда мозг отчетливо намекает хозяину, что пора бы восполнить запасы глюкозы в организме, пока есть энергия и силы догонять еду.

Кто-то расстарался с докладом. Судя по всему, и красок не пожалел.

Андрей подошел к столу. Уперся обеими руками в столешницу, нависая надо мной. Свечи снова задрожали, грозя погаснуть. Ему было плевать. Мне — в данный момент тоже, потому что мало приятного, когда над тобой нависает здоровенный, уставший, голодный и злой мужик. Даже когда ты здорова и полна сил. А когда сил нет даже отодвинуть кресло, чтобы встать, уравнивая позиции по вертикали, — вообще абзац.

Я задрала голову, глядя мужу в глаза. Шея, до сих пор не пришедшая в себя после сна в кресле, возмутилась. Но деваться было некуда.

— Ты занялась хозяйством, — демонстративно спокойно произнес Андрей. Только мне сразу вспомнился глаз бури. Там тоже спокойно. Но недолго.

— Поправь меня, если я что-то перепутаю.

Он выпрямился, сложил руки на груди.

— Начала с того, что оскорбила экономку, заставив ее выполнять работу горничной.

— Да, — сказала я.

Его глаза чуть расширились — похоже, Андрей ждал объяснений или оправданий. Однако я не собиралась ни объяснять, ни оправдываться.

— Закрыла людскую кухню, — продолжил он, когда пауза затянулась чуть дольше, чем следует.

— Да. На генеральную дезинфекцию.

Андрей моргнул. Однако понял, что снова не дожидается объяснений, — а может, праведный гнев пылал внутри, не давая отвлечься на выяснения всяких мелочей вроде значения слова «дезинфекция».

— Заперла дворню на черной половине, оставив дом без рабочих рук.

— Изолировала больных, — уточнила я.

Он отмахнулся с видом «не цепляйся к мелочам».

— Заставила моего повара варить для дворни овощную похлебку.

— Морковный суп, — снова не удержалась я от уточнения. Профессиональная деформация, не иначе. Привычка к точным формулировкам.

Он зачем-то поднес руку к лицу, понюхал свои пальцы.

— И велела залить мою комнату водкой.

— Не комнату и не залить, а протереть то, что нельзя промыть щелоком.

И все же я объясняю. И оправдываюсь. Зачем? Ему не уточнения нужны. Ему нужно услышать «виновата, больше не повторится, ваш-высокблагродие». А я этого не скажу. Потому что повторится, еще как повторится.

— Разница существенная. — Он снова понюхал свои пальцы. — Третьего дня ты обливала коньяком живот. Сегодня — мебель водкой.

Он брезгливо вытер пальцы о полу вицмундира. Сжал их, кажется, пытаясь справиться с собой. И все же взорвался.

— Что дальше? Завтра прикажешь облить водкой карету? Вымыть ею конюшню? Или искупать лошадей в шампанском?

Мне бы промолчать. Опустить взгляд и позволить ему доиграть сцену так, как он сам ее видит. Муж отчитывает обезумевшую жену, жена кротко выслушивает, потом она кается, он великодушно прощает. Занавес, публика рукоплещет.

Только не привыкла я молчать.

— Предлагаю для начала облить кота пивом. Если результат коту понравится, можно перейти к лошадям.

Где-то в небесной канцелярии ангел-хранитель Анны Викторовны Дубровской разбил себе лоб, залепив в него с размаха ладонью.

Андрей перевел взгляд с моего лица на тарелку со следами бульона — и я почти услышала его мысли: устал на службе как собака, голодный как волк, а она тут надо мной издевается, макака.

— Тебе весело, — констатировал он.

Конечно, весело, когда такой зоопарк кругом. Что еще делать, как не веселиться, если болит голова, ломит тело и слабость дикая, а тут

еще супруг со своими претензиями. Не плакать же? Плакать при этом типе я не буду даже под дулом пистолета.

— Полдома лежит пластом, — продолжил он, и голос стал тише. Плохой знак. У Андрея — как у хорошего трансформатора: чем ниже напряжение на выходе, тем выше на входе. — Кухня закрыта. Дворня заперта. Повар варит похлебку. Дом воняет кабаком. А ты вместо того, чтобы объяснить свое поведение, — ерничаешь?

Я пожала плечами.

— А что мне остается? Ты в самом деле собирался меня выслушать и попытаться понять?

— На службе весь день разгребал жалобы. Прихожу со службы, желая покоя, а по твоей милости снова вынужден разбираться с жалобами! В собственном доме!

Нельзя сказать, что я его не понимала. Устал. Голоден. На службе накрутили. Пришел домой — а дома вместо тишины и ужина его встречает запах водки и возмущение прислуги.

Ушел утром — все было как надо. Вернулся вечером — все вверх дном. И виновата жена, которая три дня назад еще умирала, а сегодня командует его людьми.

— Покоя, — негромко повторила я. — У тебя вся дворня лежит с кишечной заразой. Какой покой?

— Ты научилась ставить диагнозы?

Вообще-то я научилась этому бог знает сколько лет назад. У меня даже есть куча бумаг, подтверждающих... точнее, были.

— Андрей, бога ради! Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: если вся девичья и половина людской лежит с одинаковыми симпт... проявлениями — это явно какая-то зараза. Не предполагать же, что некто подсыпал мышьяк в котел на черной кухне?

Тем более что отравление мышьяком проявляется не так.

— С тобой я уже ничему не удивлюсь. После того, как ты показала свое настоящее лицо.

Настоящее? А ты свое настоящее лицо жене показывал?

— Андрей, ты инженер, — констатировала я очевидное. — Когда ты строишь редут, ты не расписываешь его под хохлому и не вешаешь кружевные занавесочки на бойницы. Потому что задача — функциональность, а не красота. Так?

Он не ответил. Ждал, не понимая, к чему я веду.

— Так зачем ты выбирал себе жену по экстерьеру? Тебе нужен был редут, а ты купил садовую беседку — и потом два года злился, что она не может выдержать артиллерийский обстрел.

В его лице что-то дрогнуло — и снова закаменело. Наверное, не стоило мне это говорить: он и сам наверняка не раз пожалел о своем выборе.

Только Анне вообще выбора не дали, поэтому я не остановилась.

— Если тебе нужна была соратница, способная подносить снаряды, искал бы среди умудренных жизнью вдов. Они, как правило, практичнее.

Андрей молчал. Достаточно долго, чтобы я начала прикидывать — свернет он мне шею прямо сейчас или тихонько притравит, воспользовавшись тем, что в доме инфекция. Идеальный способ стать почтенным вдовцом, раз уж супруга передумала помирать от родов.

— Редут строят на войне, Анна, — медленно произнес он. — А я искал жену для мирной и спокойной жизни. И что получил?

— Мирная жизнь не существует без хозяйства. А хозяйство требует ума. Или ты полагал, что счета сами себя ведут?

Он моргнул. Я не дала ему опомниться.

— Ты разговаривал со мной о делах? Или хотя бы об Адаме Смите? Что-то я такого не помню. Ты говорил, как восхищен моей красотой и обхождением. Выходит, ты искал жену, задача которой — украшать собой гостиную, и, согласись, с этой задачей я справлялась прекрасно. Ты получил ровно то, что хотел, и остался недоволен.

— Я получил жену, которая украшает гостиную, — повторил он. — И два года жил с этим без особых иллюзий. Пока не обнаружил, что два года мне врал.

— И, обнаружив это, ты потребовал, чтобы я занялась хозяйством. Учетными книгами. Подготовкой к балу. Я занялась хозяйством. Ты снова недоволен. Воля твоя, Андрей, но как губернатор ты не можешь не знать — от противоречивых указаний начальства подчиненные дуреют. Я готова быть послушной женой...

Господи, кого я обманываю? Послушная жена из меня, как из крокодила — балерина!

— ... но ты все же определись, чего именно от меня хочешь.

— Определиться? Кажется, я высказался достаточно определенно.

— Он начал загигать пальцы. — Хозяйство. Счета. Бал. Однако пока

что я вижу не хозяйство, а только разрушения.

Наверное, мне стоило бы огрызнуться. Сказать, что без моего вмешательства завтра утром он не смог бы вылезти из ретирады, какой уж тут покой!

Но усталость вдруг навалилась на плечи. Вроде бы и спала совсем недавно, а голова снова чугунная, и шея затекла смотреть на него снизу вверх. Хуже того — я устала спорить. Целый день я кому-то что-то доказывала, а сейчас просто устала.

Я тоже хочу покоя.

Я опустила голову и потерла затекшую шею.

— Хорошо. Я все сделала не так. Скажи, что ты сделал бы на моем месте. Начиная с самого утра, когда обнаружил, что горничную рвет.

Я не смотрела на него, но просто-таки кожей ощутила, как он вздрогнул: дама моего положения не должна была выражаться так прямо и грубо. Но мне было плевать.

— Матрена лежит пластом. Как и половина дворни. Что мне было делать? Послать за Григорием Ивановичем? Написать тебе письмо и залить его слезами? Или все же начать исправлять ситуацию? Проявить хоть какой-то здравый смысл и вспомнить, как ты рассказывал о кишечной заразе...

— Я не мог рассказывать тебе таких вещей. Есть темы, о которых с дамами не говорят.

— Это сейчас имеет значение? Или важно, что утром из всей дворни на ногах были только экономка, твой Степан, Тихон со своими мальчишками, конюх с кучером, Федора и две запертые в чулане за провинность девчонки? Ты бы предпочел, чтобы, пока я ждала тебя со службы, слегли и они? Тебя бы порадовало, если бы я весь день ходила по дому в дезабилье, только чтобы, не ровен час, не оскорбить экономку? Или чтобы на черной кухне остался свинарник?

— Что значит «свинарник»? — вскинулся он.

— Спроси у Тихона. Ему ты поверишь. А я устала. Если ты сказал мне все, что хотел, — я тебя услышала.

Он открыл рот — и осекся. Перестал прожигать меня глазами и начал смотреть.

Уставился на мои руки. Я спрятала их под столешницу, но поздно — он уже заметил, как дрожат пальцы. Посмотрел на лицо.

Задержался взглядом.

Я знала, что он там видит. Испарину на лбу. Впавшие щеки — за несколько дней после сепсиса жир не нарастет, сколько бульона ни влей. Круги под глазами.

Так не играют. Можно изобразить слезы, обморок, истерику — прежняя Анна умела это виртуозно. Но испарину, тремор пальцев и запавшие глазницы не подделаешь. Это он как бывший военный знал точно. Насмотрелся.

Он помолчал.

— Значит, ты все же решила заниматься домом.

— Решила. Это и мой дом, в конце концов.

Снова повисла пауза. Андрей взял со стола амбарную книгу. Пролистал.

— Начала с ревизии?

— С чего-то же надо начинать наводить порядок, — пожала плечами я. — Раз уж мне от этого не отвертеться.

Он положил книгу. Аккуратно, ровно туда, откуда взял. Постоял еще секунду, глядя на стопку бумаг. Потом развернулся и вышел.

Дверь закрылась тихо.

Ну и что мы имеем в итоге? Книги он у меня не отобрал и командовать дворней не запретил. Это, наверное, неплохо. Но и что я сделала все правильно, не сказал. Я фыркнула. Дождешься от него таких слов — скорее Федора добровольно делать уборку начнет. Да и я не пятнадцатилетка, чтобы ждать одобрения от постороннего мужика.

Просто слишком бурный денек нервишки расстроил. Начался поносом, а закончился семейным скандалом. Если каждый следующий будет такой же, как этот, к Масленице я не только смогу бал организовать, но и буду способна управлять государством. Небольшим.

Хотя нет. День не закончился. Остались амбарные книги экономки.

И еще кто-то должен содрать с меня это платье. Не мужа же звать, в самом деле? Но это потом.

Я потянулась к амбарной книге. Продолжаем. Ведро столовой водки...

Глава 19

Я перевернула страницу. Вынула засушенную веточку лаванды. Экономка перекладывала ими учетные книги, чтобы не пахли бумажной пылью, а заодно — чтобы насекомые не заводились. Анна для этого держала в шкатулке с бумагой для писем саше с вербеной.

По-хорошему, надо бы начинать со снятия остатков, а уж потом сверять их с записями. Но инвентаризация — дело утомительное. Сама я ворочать мешки, раскрывать сундуки и перекладывать вещи долго не выдержу. Приказать кому-нибудь — так весь дом лежит. Поэтому пока придется разгребать бумаги.

Надушенные или нет, книги были хороши. Столбцы чисел выстроены как солдаты на параде. Учтено все. Куплено свечей восковых — для гостиных и кабинета Андрея — столько-то. Израсходовано. Остаток. Свечей стеариновых — для остальной хозяйской половины и барской кухни — столько-то. Свечей сальных для черных и хозяйственных помещений — столько-то. Масло лампадное: без божьего благословения никак. Все пудами. Дрова — кубическими сажнями.

От чисел захватывало дух: да только на свечи и отопление в месяц в этом доме уходило удвоенное жалование Тихона! Или пара коров.

Пожалуй, больше никогда не буду жаловаться на счета за квартиру. Я хмыкнула. В самом деле, вряд ли мне еще когда-нибудь придется оплачивать коммунальные услуги. Так что и жаловаться не на что.

Я потерла виски и вернулась к записям.

Масло коровье свежее столовое — господам. Масло коровье для прислуги — в два раза дешевле. Надо будет завтра посмотреть и понюхать, что там. Ломать с разгона социальные нормы я не собиралась, но и кормить людей недоброкачественной едой тоже не позволю. Масло постное. Подсолнечное — господам, конопляное — слугам. Чай... Я моргнула, увидев цену. Потерла глаза. Нет, не показалось. Фунт чая в двадцать раз дороже фунта говядины. Кофе дешевле чая примерно на четверть.

Отличный способ разорить мужа — начать хлестать кофе литрами, как я привыкла во время дежурств. Достанет окончательно — возьму на вооружение.

Я перелистывала страницу за страницей. Разборчивый почерк без помарок. Суммы сходились — копейка в копейку.

И именно это мне не нравилось.

Люди — живые люди — ошибаются. Даже когда баланс подбивает программа, не всегда он сходится сразу, любой бухгалтер подтвердит. Здесь писали от руки. Считали на счетах. И не в метрической системе. Пуды, фунты, золотники, ведра, штофы, четверти. И — ни одной ошибки? Ни одной записи на полях — «проверить» или «пересчитать»?

Или Серафима Карповна — педант с ОКР и гений бухучета в одном лице, или эта книга предназначена именно для проверки господами. Как история болезни, специально отобранная для эксперта из страховой компании.

Закуплено холстин для хозяйственных нужд...

Число вылетело из памяти прежде, чем я посмотрела на следующую строчку. Я прочитала еще раз — с тем же результатом.

Похоже, на сегодня надо заканчивать. Голова просто перестала работать, и пытаться заставить ее включиться — занятие заведомо провальное. У любого инструмента есть предел прочности, у мозга тем более.

Я решительно захлопнула книгу и взялась за колокольчик.

Поморщилась: уставшим нервам негромкий звон показался сиреной. Стала ждать. Ожидание затягивалось. На всякий случай я отсчитала минуту — и позвонила снова. Только положив колокольчик, сообразила: а ждать-то некого. И горничная, и сиделка в девичьей на карантине. Экономка явно ко мне не помчится, раз успела доложить барину, что ее оскорбили.

Что ж, если гора не идет к Магомету... Я глубоко вздохнула, собираясь с силами, чтобы встать из кресла, дотащить до кабинета экономки и приволочь ее к себе. Уже оперлась на подлокотники, когда услышала шаги за дверью.

— Звонили, Анна Викторовна?

Серафима Карповна вошла в мою спальню. Подчеркнуто прямая спина, на лице — образцово-доброжелательное выражение.

Она нажаловалась барину на выкрутасы барыни. Барин помчался устраивать выволочку, но почему-то в этот раз дом не сотряс ор очередного семейного скандала. Барин удалился от барыни задумчив, однако коньяка, как в прошлый раз, не потребовал.

Фокус не удался. Но тыкать экономку в это носом не стоит. По крайней мере пока я не разобралась, насколько она честна. Да и смысла особого нет: эта дама умеет держать лицо.

— Да, звонила.

Ее взгляд скользнул по раскрытым тетрадам.

— Вам нужна помощь? Или я могу забрать книги? Вам бы отдохнуть, Анна Викторовна, день тяжелый был, а вы только-только встали после болезни.

— Непременно нужно отдохнуть, — согласилась я. — Помогите мне раздеться.

Я поднялась из кресла и повернулась спиной к экономке. Серафима Карповна расстегивала крючки неторопливо, и было их, кажется, бессчетное множество. Оставшись в одной сорочке, я облегченно вздохнула: словно доспехи сняли. В каком-то смысле так оно и было: весь день я протаскала на себе килограммов пять. Только на одно платье ушло не меньше шести метров плотной, тяжелой шерсти. Плюс шерстяная же нижняя юбка, тоже довольно увесистая. Не так много для здоровой, не так мало для выздоравливающей.

Экономка унесла платье в уборную. Пока она ходила, я скинула сорочку и натянула ночнушку.

— Помочь вам расчесать волосы? — спросила Серафима Карповна.

— Я сама, спасибо.

Хорошо, что волосы весь день были в косе, а коса под чепцом. Должны прочесаться относительно легко.

— Тогда я могу быть свободна?

— Да, конечно, — кивнула я.

Она потянулась к бумагам на столе, и я добавила:

— Учетные книги оставьте. И завтра принесите мне, пожалуйста, книгу закупок к прошлогоднему масленичному балу. Такое мероприятие ведь требует отдельного учета?

Пауза показалась мне чуть более длинной, чем должна бы.

— Разумеется, Анна Викторовна. Конечно, подготовка такого масштабного события требует отдельного учета.

— Вот и славно. Доброй ночи, Серафима Карповна.

Надеюсь, это не прозвучало издевательством.

Утро началось с яркого солнечного света прямо в глаз. Обычно прислуга вечером закрывала шторы, но вчера мне прислуживала экономка. И, похоже, действовала она в режиме итальянской забастовки: выполнять ровно то, что велено. Про шторы я ей не сказала, и она, разумеется, «не вспомнила». Ничего. Под солнышко просыпаться веселее — я позволила себе несколько минут просто полежать- потянуться, щурясь от света, как довольный кот.

Пока не встанешь — так вроде и здорова. Я выбралась из кровати. Именно что «вроде». Хотя лучше, чем вчера. Вот и зеркало подтвердило: несмотря на томно-романтическую бледность, играть зомби без грима меня уже не возьмут. И живот уже, пожалуй, можно не перевязывать.

Я поежилась: дров вечером тоже никто не подкинул, и в спальне было свежо. Интересно, вода в умывальнике выстыла до состояния «бодрит» или уже подойдет для начинающего моржа?

Пока я морально готовилась проснуться окончательно и бесповоротно, по ногам пробежал сквозняк.

— Прощенья прошу, барыня. — Марфа умудрилась поклониться, балансируя здоровенным кувшином, от которого шел пар.

А вот ее характерно зеленый цвет лица сомнений в здоровье, то есть болезни, не оставлял.

— Я вчера велела всей дворне оставаться у себя, — сказала я.

— Так я при вас, милостивица. — Она выразительно оглядела комнату. Раскрытые шторы, подостывшая печь. — Кто ж о вас позаботится, если не я? Матрена еще лежит пластом, бедолага.

Наверное, взгляд, которым я ее одарила, со стороны выглядел так же, как тот, которым она изучала комнату. Быстрый профессиональный осмотр.

— Мутит еще?

— Нет. Только... — Она осеклась.

— Только слабость, — закончила я за нее. В самом деле, негоже прислуге признаваться барыне, что ноги не держат.

— Прощенья прошу, милостивица. Не извольте беспокоиться, свою работу я всю сделаю.

— Сделаешь ты, — вздохнула я. — До ведра так и бегаешь каждые пять минут?

— Что вы, прошло все.

Не врет, скорее всего. Не осмелилась бы она второй раз опозориться перед барыней.

Я поколебалась. С одной стороны, заставлять больного человека работать — неправильно. С другой — опять звать экономку, чтобы она платье подала?

— Значит, так. Жить пока будешь у меня в будуаре, чтобы сразу туда-сюда не таскать. Заходишь ко мне — моешь руки, потом делаешь все, зачем пришла. Полы сегодня можешь не натирать и вообще не прибираться.

— Да что вы, как можно, милостивица?

— За пару дней грязью не зарасту. И если голова закружится или что еще, сразу иди и ложись.

Она посмотрела на меня так, словно ей сообщили, что земля круглая и люди с той стороны каким-то нелепым образом не улетают в небо.

— Как прикажете, барыня.

— Я серьезно. Еще не хватало, чтобы ты свалилась, чего-нибудь разбила или сама убилась. Хорони тебя потом.

Она кивнула, но лицо просветлело. Такой аргумент был понятен.

— А теперь иди мой руки и поможешь мне привести себя в порядок, — велела я, чувствуя себя рабовладелицей.

Хотя в каком-то смысле так оно и было.

Расчесывая мне волосы, Марфа попросила:

— Барыня, воскресенье сегодня, дозвоьте к обедне сходить, причаститься.

Голос ее звучал так, будто она заранее знала — откажут. Так оно и было обычно. «Ты мне тут нужна, в другой раз» — а другого раза не наступало.

И, честно говоря, сегодня мне тоже не хотелось ее отпускать. Да, основной путь передачи кишечных вирусов — фекально-оральный. Но примерно у пятой части пациентов вирусы находят и в слюне, и хоть

основным путем передачи такой путь не считается, но и исключать его нельзя. Одна лжица на всех прихожан.

Через два дня полгорода блюет и... гм.

Но говорить это вслух — сочтут святотатством. Где это видано — из церкви болезнь принести!

— Я бы и за вас помолилась, — робко добавила Марфа. — Да и за то, что сама сегодня на ногах. Вчера думала — помру, а сегодня прямо воскресла. И не я одна. Не иначе, Господь смилостивился.

— Не похоже, что ты твердо на ногах стоишь, — осторожно заметила я.

— Так я не одна пойду, барыня! И девки наши, и мужики, помогут уж, ежели что!

Час от часу не легче!

— И много вас в церковь сегодня хочет сходить причаститься?

— Почитай, все, кто на ногах. Серафима Карповна сказала, не возражает, но я-то при вас, я у вас должна спросить. Дозвольте, барыня.

— В церковь сегодня никто не пойдет, — отчеканила я. — Я запрещаю.

Марфа молчала.

— Подумай сама. Вчера вы все пластом лежали. Сегодня в церковь по сугробам пойдете. Хорошо, одного поднимут, так второй тут же свалится. Служба воскресная долгая. Не будете же вы все это время друг дружку подпирать.

— А причастие? — спросила она.

— Я напишу отцу Павлу. Пусть пришлет кого-нибудь причастить всех желающих.

Только надо подумать, как осторожно намекнуть, что лжицу все же надо обработать, прежде чем из дома выносить.

— Больных причащают на дому, думаю, он не откажет.

Марфа ойкнула:

— Так это совсем к помирающим — на дому причащать.

— Причастить можно любого, кто до храма дойти не может, не только умирающего. Не веришь мне — спроси батюшку, когда придет.

Она едва заметно выдохнула.

А я, наоборот, вздохнула. Потому что оставалась еще мужская половина, которой я в принципе не могу приказывать. И с этим надо

что-то делать.

Я дождалась, пока горничная заколет мне косу гулькой и наденет чепец, и велела:

— Погоди немного.

Перебралась за стол. Первая записка — отцу Павлу. Короткая. «Благодарю за последнее ваше посещение моего дома, прошу помолиться о здравии моем и домочадцев. Осмелюсь просить ваше преподобие прислать кого-нибудь причастить желающих, потому что дворня моя слегла. Все крещеные, смертельной опасности нет, исповедоваться способны. Пожертвование прилагаю».

Но чтобы ее передать, придется писать мужу. Протоиерей кафедрального собора — очень важная шишка. Дворне обратиться непосредственно к нему — все равно что с ноги войти в кабинет к губернатору. Да и наверняка не ходят они в кафедральный собор, где слишком много господ. Предпочитают какую церквушку попроще, благо их в каждом квартале.

«Андрей Кириллович, прислуга после вчерашней болезни еще слаба. Прошу вас передать записку и пожертвование отцу Павлу. Я попросила прислать к нам священника причастить тех, кто не в силах выстоять службу».

И, наконец, Степану. Мои распоряжения для него — пустой звук. Но, как выяснилось, к голосу разума он прислушаться способен. И он грамотен — научился, когда Андрей взял его к себе. Негоже, мол, такому человеку служить и быть неграмотным.

«Степан Прохорович, людям после болезни тяжело будет выстоять службу. Если кто из наших упадет в храме — сами знаете, что скажут: то ли барин прислугу заморил, то ли неладное в доме. Подумайте, стоит ли так рисковать добрым именем Андрея Кирилловича. Записку отцу Павлу с просьбой прислать кого-нибудь причастить домашних я уже написала».

Потребовав у Марфы кошелек, я завернула в бумагу пять серебряных рублей. Объяснила, какая записка кому, и велела передать Степану. Сама она к барину не сунется. Лишь бы не перепутала, что кому.

Марфа не перепутала, потому что через пять минут она вернулась с двумя записками и моими пятью рублями в бумажке.

«Я сам передам пожертвование от нашего дома», — писал Андрей.

Между строк читалось «не позорь меня».

Почерк во второй записке был — курица лапой. Однако я смогла разобрать.

«Анна Викторовна, будьте покойны. Записку Его Превосходительству передам. Людей предупрежу. Степан».

Глава 20

Завтрак мне принес один из кухонных мальчишек.

— Тихон Савельевич велели передать, что Марфу вашу он на кухню не допустил, как было приказано, и ждет, пока вы особо распорядитесь на этот счет, — отгарабанил он явно заученное.

— Передай Тихону Савельевичу мою благодарность и что я непременно распоряжусь, как придет время, — ответила я.

Выудила из кошелька копейку, вручила мальчишке: все же его обязанность на кухне помогать, а не барыне прислуживать. Он просиял и испарился.

А я задумалась. Десять дней до бала. Выделение вируса после болезни может продолжаться до двух недель. Вот будет весело, если после бала у губернатора все высшее общество города сляжет. Впрочем, Андрей в любом случае будет нанимать людей: постоянный штат дома... дворня, поправила я себя, справлялась с обслуживанием господ и неиссякающих гостей: за обедом в доме собиралось человек двадцать. Но на балу будет раз в десять больше.

Значит, мне надо, во-первых, придумать, как приучить собственную дворню регулярно мыть руки, а во-вторых, как-то заставить это делать нанятых людей. Откуда-то же кухонная девка притащила эту заразу.

Я вздохнула, подняла клош, и ароматы мигом вытеснили из головы все мысли о заботах. Еда, которая так пахнет, заслуживала того, чтобы насладиться ею в умиротворенном состоянии духа.

Как Тихон сумел сотворить такое чудо из обычной перловки? Каша, что мне подали, ничем не напоминала ту, к которой я привыкла в больницах — жесткую как дробь. Тихон сварил ее на молоке, сдобрил распаренным маком, и получилась пища богов. Нежнейшая, прямо-таки пуховая. Перловку дополняла пара крутых яиц. Таких я тоже никогда не пробовала. Белок не белый, а густого кремового оттенка, желток — насыщенный, с маслянисто-ореховым привкусом. И чай с травами. Я распознала мяту и душицу, но в заварке явно было что-то еще. Надо будет организовать повару премию. В смысле, чаевые: здесь было нормальным, если хозяева и гости после особо

удавшегося обеда посылали на кухню деньги. Тихон имел приличный приработок. И после губернаторского бала Андрей наверняка пришлет ему дополнительное вознаграждение.

Кстати, о бале. Где там экономка с бухгалтерией?

Серафима Карповна постучалась, как раз когда я потянулась к колокольчику. Как будто караулила или мысли читала.

— Доброе утро, Анна Викторовна. Вот книга, которую вы просили.

Она положила на стол рядом со вчерашними тетрадями еще одну. Пухлую, но такую же аккуратную, как остальные. Словно в нее один раз записали информацию и отложили, чтобы больше не возвращаться. Возможно, так оно и было: мало кто перечитывает бухгалтерские документы при свечах долгими зимними вечерами.

Я отставила в сторону посуду.

— Благодарю вас, Серафима Карповна. Я позову, когда понадобится ваша помощь.

Она удалилась с поклоном. Я раскрыла тетрадь. Пробежала взглядом первую страницу. Зажмурилась, потеряла глаза.

Нет. Мне не мерещится.

Бокалов для шампанского четыреста штук. Рюмок винных розового стекла шестьсот штук. Бокалов для прохладительных напитков — шестьсот штук. Рюмок водочных...

Куда столько? Солдатский полк поить из рюмок розового стекла?

Масленичный бал, конечно, мероприятие серьезное. Можно сказать, губернского значения. На него приглашают всех дворян губернии — многие приезжают из своих поместий к городским родственникам ради такого дела. Всех крупных чиновников. Мало того — купцов первой гильдии с женами и детьми, а Светлоярск — город купеческий. Больше двух сотен человек. Но две сотни, а не шесть!

Впрочем...

Буфетные столики у дверей бального зала. На них питье: компоты и морсы, как я бы сказала сейчас. Блюда с конфетами и пирожные. Кавалеры подают даме питье на ее вкус и конфету, официанты подхватывают опустевшие бокалы и тарелочки, собрав на поднос, поспешно уносят. У другой двери — столовый буфет, там закуски и легкие вина. В комнатах отдыха для дам и кавалеров, где можно поправить туалет, сменить порванную или испачканную перчатку или

просто прилечь на кушетку на пару минут, — столик с напитками. И это не говоря об ужине, именно он, а не танцы, должен стать кульминацией бала.

Прежняя Анна не задумывалась, откуда что берется. Я смотрела на строчки, а перед внутренним взором выстраивались эвересты бокалов и рюмок, колонны тарелок.

«Разбито бокалов», — прочитала я, и в сознании возникла отдельная гора — из осколков стекла и фарфора.

К слову, где хранятся эти горы посуды? Память предшественницы ничего не могла мне подсказать. Анна просто не желала интересоваться такими вещами.

Не желала — или боялась интересоваться? Она выросла в Санкт-Петербурге, где ее семья снимала квартиру в четыре комнаты. Скромно, почти бедно. Лето проводила в деревне, где властвовала экономка. Чтобы пристроить дочь замуж, семья влезла в долги: бальные платья дороги, а где, как не на балу, девица может показать себя?

И после замужества получить в управление домоще с толпой дворни и необходимость организовывать время от времени огромные приемы... Прошлый масленичный бал был первым после вступления губернатора в должность, и, когда Андрей дал понять, что хозяйке дома следовало бы им заняться, с ней случилась истерика.

Пожалуй, я ее понимала. У меня самой сейчас, когда стали вырисовываться настоящие масштабы проблемы, начали приподниматься волосы на затылке. Конечно, когда ты заведешь кафедрой, все время приходится решать какие-то бытовые вещи. Но крупные мероприятия... Максимум организации — студенческие конференции в масштабах кафедры и корпоратив с поиском приличного кейтеринга.

Однако взялся за гуж — не говори, что своя рубашка ближе к телу. Как ни велик соблазн прикинуться умирающим лебедем и пусть снова все разгребает экономка с камердинером и поваром, поступить так значит самой поставить себя на положение комнатной собачки. Которая, конечно, милая, и ее, возможно, даже любят и о ней заботятся, по-настоящему заботятся. Вот только прав у нее нет никаких. Разве что попытаться выскулить желаемое. Иной раз получится, а иной и тапком под зад схлопочешь.

Человек, собственно, тем и отличается от комнатной собачки, что кроме свободы у него есть и ответственность. Одного без другого не бывает.

И еще — муж. Это в нашем мире можно развестись и забыть друг о друге, если нет общих детей. Здесь об этом даже думать не стоит. Можно разъехаться — и многие так и делают. Но, опять же, не мой вариант. Губернатору такое свет не простит. Можно уйти в монастырь. Однако карьера игуменьи меня точно не прельщает. Варианты в традициях синьоры Тофаны не рассматриваем. Это крайняя мера, когда собственная жизнь на кону. Пока до этого не дошло.

Значит, хочешь не хочешь, а придется как-то вместе работать.

Я перелистнула страницу. Есть ли смысл пересчитывать посуду сейчас? Пожалуй, есть. Чтобы пересчитать ее повторно после бала и не гадать, сколько гости и нерадивая прислуга разбили на самом деле, а сколько лишь виртуально — чтобы потом так же виртуально закупить новую, а деньги оптимизировать.

Как и пуды свечей — лучших, восковых, которые будут гореть ровно, без копоти, и не капать на гостей. Килограммы, пардон, десятки фунтов чая, кофе и шоколада. Купеческий город, здесь можно добыть любую диковинку. Даже цветы на Масленицу для украшения зала, а то что это за бал без цветов. Предводитель дворянства, может, и завел оранжерею для души, но зимой очень неплохо на ней зарабатывал. В этом году цветов еще не покупали, хотя, возможно, какую-то предоплату нужно внести. Надо было мне потребовать не только прошлогоднюю, но и свежую книгу.

Или в этом году экономка не торопилась с закупками, не зная, выживет губернаторша или помрет? Нет, вряд ли. Продукты все равно понадобятся. Не для бала, так для поминок, которые, к слову, не факт, что не перейдут в танцы. Люди такие странные — терпеть не могут, когда кто-то смотрит на них свысока.

Я потянулась к колокольчику — вызвать экономку и потребовать отчет о закупках текущего года. Остановилась. Нет, пожалуй, схожу сама. А до того, как внезапно предстать перед экономкой, загляну на черную кухню. Тихон слов на ветер не бросает и чистоту вчера наверняка проверил, но и мне нужно за своими словами следить. А значит, прийти и проверить самой. Заодно посмотрю, что там за масло дворне в кашу кладут.

На черной половине было тихо, только через закрытые двери доносились приглушенные голоса. Посторонних запахов тоже не было. Интересно, что подействовало сильнее: явление барыни собственной персоной — дело невиданное — или лекция Тихона на тему «чистота — залог здоровья», от которой стены сотрясались? Что-то мне подсказывало — второе.

На Федориной кухне тоже было чисто. И на столе, и под столом, и на полу. Свежий кусок хозяйственного мыла лежал рядом с рукомоем. Бочка накрыта крышкой. Словом, все, как полагается... кроме одного.

Работать на этой кухне сегодня и не начинали.

— А что, Тихон и сегодня готовит для дворни?

— Не могу знать, барыня. — Федора сложила руки на животе. — Тихон только перед господами отчитывается.

— А ты перед кем? — поинтересовалась я, соображая, не набрать ли воздуха побольше и не устроить ли спектакль в стиле Тихона.

— А я перед Серафимой Карповной.

— И что Серафима Карповна? — обманчиво мягко спросила я.

— Серафима Карповна сказать изволили, что ежели барыня велела на кухне не готовить, то не ей хозяйке дома перечить. Как барыня решили, так и будет.

Так, значит. Итальянская забастовка. Ну что ж, я тоже умею играть в такие игры.

— Долго ты вчера кухню мыла? — все так же приторно-сладко спросила я.

— До самой ночи, барыня.

«А нечего было загаживать», — подумала я, но вслух сказала:

— Хорошо вымыла. Молодец.

Она изумленно моргнула. Я продолжала:

— Тяжело, наверное, было. В твоём-то возрасте. Спина, поди, до сих пор ноет.

Она молчала: чуяла подвох, и правильно чуяла.

— Двадцать лет ты в этой семье готовишь, еще при покойной Елене Сергеевне как черную кухню под свою руку взяла, так на себе и тащишь.

— Правда ваша, барыня. Елена Сергеевна, царствие ей небесное, всегда мне доверяла. Ни разу я ее на кухне не видела.

Ну а меня увидишь.

— Двадцать лет у печи да чугунков — не шутка. Спина, руки, ноги к вечеру гудят. Может, мне поговорить с Андреем Кирилловичем? Столько лет верной службы — грех не отблагодарить. Матушка его тебе вольную дала в завещании, а сын, может, даст денег на обзаведение и живи себе спокойно. Заслужила.

Лицо Федоры вытянулось, а я поняла, что попала в цель. Если бы она хотела уйти на вольные хлеба, сделала бы это, получив свободу. Она осталась. И неважно — потому ли, что прикипела к семье и дому, или потому, что всю жизнь делала то, что прикажут, и никогда не знала, как это — решать самой за себя. «Небольшие деньги на обзаведение» помогли бы кому-то, кто готов зубами выгрызть лучшее будущее сперва себе, а потом детям. В случае Федоры — это снятый угол за занавеской и работа до конца жизни неизвестно на каких хозяев.

— Я еще в силах вам послужить, милостивица. — Федора поклонилась. — Дозвольте в вашем доме остаться.

Мы обе понимали: если бы я пришла к Андрею и устроила скандал с требованием уволить кухарку, услышала бы, что она при нем много лет и его все устраивает. Но если я скажу, что старая верная кухарка заслужила денежное вознаграждение и покой, он решит вопрос в пять минут. А ее просьба остаться в доме будет воспринята как черная неблагодарность.

— Печь растапливай, — велела я. — Возьми пару кур, ставь бульон. Лапши замеси на яйцах, раскатай и нарежь. Умеешь? — уточнила я, видя, как округляются глаза кухарки.

— Умею, барыня.

— Чтобы к тому времени, как желающих исповедуют, у всех был суп с лапшой. Больным он в самый раз. И мясо с курицы не забудь в тот суп обобрать. Еще кашу поставь для тех, кто уже выздоравливает и что поплотнее хочет. Все поняла?

— Да, милостивица.

— Вот и начинай.

Федора бросилась топить печь. Ладно, масло посмотрю в другой раз, сейчас важнее быстрее приготовить.

Я уже шагнула к выходу, когда вспомнила кое-что еще. Заглянула под стол. Под лавки.

— Желтки с бурой не развела?

Кухарка поклонилась.

— Простите, милостивица. Серафима Карповна сказала, что ей распоряжения купить буру не выдавали, а мне не на что.

— Моя оплошность, — признала я.

Федора ошалело вытаращилась, а я продолжала:

— Тебе сказала, а экономке нет. Сейчас я с ней поговорю, а ты работай. И не забудь вечером кухню вымыть.

— Как прикажете, милостивица, — в который раз поклонилась она, но сейчас в голосе слышалось реальное опасение.

Кажется, дошло. Осталось донести кое-что до экономки. Чем я сейчас и займусь.

Глава 21

В кабинет экономки пришлось вскарабкиваться по лестнице в мезонин. К счастью, ноги держали. Пока держали.

Я толкнула дверь без стука. Невежливо, и в прошлой жизни я никогда так не делала. И сейчас бы не стала так поступать, если бы экономка не продемонстрировала, что собирается цепляться за каждую формальность. Что ж, формально кабинет экономки — часть моего дома, а хозяйка на своей территории не стучится.

— Серафима Карповна, вы у себя?

Она приподняла голову от бумаг. На лице промелькнуло удивление. Хозяйка не приходит к экономке сама: не барское дело. Хозяйка вызывает. Помедлив чуть дольше, чем следовало бы, экономка поднялась из-за стола.

— Анна Викторовна, чего изволите?

Сначала — самое срочное, чтоб не забыть.

— Пошлите кого-нибудь за бурой. Она понадобится, чтобы вывести тараканов. И еще. Найдите, где можно заказать хлорной извести, она пригодится для отбеливания белья.

И дезинфекции, но на эту тему пока лучше не распространяться.

— Охлоренной извести? — переспросила она.

— Да, именно. Еще мне понадобится... — Нет, марганцовку, кажется, еще не открыли, а жаль. — Ляписный карандаш. На случай, если в доме кто-то порежется.

В конце концов, Андрей в чем-то прав, хватит обливаться спиртным и заливать им дом. Есть же и другие средства.

И вообще, неплохо бы собрать домашнюю аптечку, хотя бы самую простую. Антисептик, лейкопластырь и бинты, что-то от ожогов, что-то от температуры, головной боли и боли в горле. Сосудосуживающие...

— Как прикажете, — перебила мои мысли экономка.

Очень вовремя, надо сказать, перебила, вернув меня в реальность, где от головной боли, скорее всего, назначат лауданум, от температуры — кровопускание, а от ожогов — свинцовый пластырь. Аптечку непременно надо продумать, но не сейчас.

— О выполнении доложить.

— Как прикажете, — повторила она. Помолчала, внимательно глядя на книгу записок в моих руках.

— Я ее изучила, — сообщила я, не торопясь возвращать тетрадь.
— Возьмите книгу записок к нынешнему балу и покажите мне хозяйство.

И снова пауза затянулась чуть дольше, чем следовало бы.

— Меню еще не утверждено, и закупки пока не сделаны. Андрей Кириллович был слишком занят вашей болезнью.

Или не мог решить, заказывать праздничный или поминальный ужин?

— Тем лучше, значит, нам меньше придется считать. До бала осталось совсем немного, и я хочу точно знать, что у нас есть сейчас.

— Анна Викторовна, вы совсем недавно встали после болезни. Хватит ли у вас сил перебирать и пересчитывать все предметы?

Вот же ж... заботушка.

— Пересчитывать — сил хватит. А перебирать будешь ты. Бери ключи, что-нибудь твердое подложить под записи, бумагу и чернильницу.

«Ты» вырвалось само собой, но исправляться я не стала. Экономка это заметила. Поджала губы.

— Что вы изволите проверить, Анна Викторовна?

— То, что у нас уже есть. Скатерти и салфетки, посуду, серебро.

Она сняла со стены и подвесила на пояс три связки ключей.

— Куда изволите прежде всего?

Да чтоб я знала. И, к слову, нужно сделать себе дубликаты ключей. А то что это за безобразие: ни одеться самой, ни в кладовую сунуться без согласия экономки.

— Веди. По порядку.

Еще бы знать тот порядок.

Серафима Карповна, звякнув ключами, отворила соседнюю со своей комнатой дверь.

— Бельевая кладовая, — сообщила она.

Сундуки вдоль всей стены. Над сундуками — полки, на которых стопками сложены белые льняные полотна. Я было подумала, что не стоит хранить белье открытым, запылится же — однако белоснежные полотнища выглядели так, будто их положили сюда пятнадцать минут

назад. Впрочем, и в самой комнате не было ни пылинки, а воздух в ней пах лавандой.

На полках, как выяснилось, лежало то, что находилось в обороте постоянно. Постельное белье. Скатерти — те вообще на каждый прием пищи стелили свежие. Пусть и простые, льняные, но отбеленные и накрахмаленные, и у меня голова пошла кругом оттого, сколько невидимого никому труда стоит за простыми бытовыми привычками губернаторской семьи.

Экономка открыла сундук.

— Камчатные скатерти.

Она вынула из сундука одну. На белоснежном полотне проступали вытканые цветы. Белые на белом.

— Изволите пересчитать?

— Доставай все, — велела я.

Она начала складывать скатерти одну за другой на крышку соседнего сундука.

— Дюжина, — сказала наконец экономка. — Каждая на две дюжины персон.

Конечно, в доме не было стола, способного вместить двести человек. Поэтому ужин будут накрывать на ломберных столах, сдвинутых друг с другом. Скатерти постелят внахлест, и часть длины пропадет. Однако должно хватить, даже с запасом.

— В прошлом году одну скатерть залили красным вином. Пришлось заменить: камчатная скатерть пятен не терпит.

Я кивнула. Экономка отметила это в книге прошлого года. Действительно ли скатерть была непоправимо испорчена или нет, сейчас не проверишь. Андрей вряд ли перебирал все — наверняка сам пересчитал столовое серебро сразу же после бала, матюгнулся про себя из-за пропажи пары чайных ложечек и полудюжины колец для салфеток, да на том и остановился. Пропавшие приборы тоже были отражены в книге учета — но тут я была склонна верить экономке. Если приглашенные на нобелевский банкет в наши дни регулярно тащат с него «на память» столовое серебро, почему гости губернатора должны вести себя иначе?

— Салфетки к скатертям, камчатные, в узор — триста штук, — продолжала извлекать вещи из сундука экономка. — Сотня голландского полотна.

Эти — попроще, на замену, если гость уронит или испортит свою. Экономка вернула все в сундук и раскрыла следующий.

— Скатерти для буфетных столов. Льняные, белые. Двадцать штук. — Не дожидаясь дополнительного приказа, она точно так же выложила все на крышку соседнего сундука. — Двести салфеток к ним.

У буфетного стола салфетку не выдают каждому гостю в руки, но они могут понадобиться. Должно хватить.

— Шесть дюжин полотенец для комнат отдыха. Льняные, с вышивкой.

Гладь белым по белому — не полотенца, а произведения искусства.

— К слову, а кто будет стирать все это роскошество после бала? — поинтересовалась я.

— Наши девки справятся, — заверила меня экономка. — Постепенно. По крайней мере можно быть спокойными, что городские прачки не испортят дорогую ткань.

Да, было дело. В первый месяц после приезда сюда, пока еще обживались, нательное белье отдали наемным прачкам. Андрей, помотавшись на службе, был готов ко всему и дорогое белье пока отложил, достав из запасов что попроще. Анна о возможных проблемах не подумала. В итоге ее тонкие дорогие сорочки, отделанные кружевом, проварив в щелоке и отбив вальками, непоправимо испортили. Тогда и случился первый семейный скандал на тему «в какую дыру ты меня завез!». В качестве прачек затребовали девок из имения Дубровского, и Серафима Карповна лично обучала их правильно обращаться с дорогими господскими тканями.

И это еще одна причина, по которой я не могу просто вышвырнуть ее из дома. Честная или не очень, экономка слишком хорошо знала свое дело.

Скатерти и салфетки сошлись одна к одной. И, судя по безмятежному лицу Серафимы Карповны, она знала, что так и будет. Она была на своей территории, где все было идеально выстроено под нее.

— Что ж, пойдем считать стекло, — приказала я.

Посудная кладовая граничила с буфетной. Узкая длинная комната без окон. Серафима Карповна щелкнула кресалом, запалила лучину, от

нее — три свечи в шандале у двери. Огонь осветил ряды стеллажей вдоль стен. Сундуки, корзины с торчащей из них соломой, плоские коробки на полках. Здесь пахло старым деревом и сеном.

Надеюсь, в этой соломе, которой здесь перекалывают хрупкие предметы, не завелись мыши. Я не боялась их так, как тараканов, но еще один переносчик инфекции в доме совершенно не нужен.

— Начинайте, — велела я. — Бокалы для шампанского.

Экономка с натугой отодвинула от стены сундук. Раскрыла крышку.

Бокал за бокалом, дюжина за дюжиной. Наклоняться в жестком корсете к сундуку, наверное, было нелегко, и я бы пожалела ее. В другое время — но не сейчас, когда мы обе понимали, зачем на самом деле затеяна эта ревизия.

Шуршала солома, позвякивало стекло. Первый ящик. Второй. Ноги заныли. Я оперлась бедром о край полки, надеясь, что это не очень заметно.

— Четыреста штук, извольте видеть.

— Хорошо. Складывай.

Я ждала, что она предложит позвать девок, но, похоже, у экономки тоже гордость возобладала над здравым смыслом. А может, она все же заметила, как я оперлась о полку, и надеялась, что я сдамся первой.

Вот только у меня было преимущество, которым я внаглую воспользовалась. Едва экономка закрыла крышку сундука, я уселась на него и разложила на коленях учетную книгу. Сделала пометку напротив бокалов. Сходится. Я и не сомневалась, что сойдется. Умный человек — а в уме Серафиме Карповне не откажешь — не будет воровать внаглую. Ошибется в свою пользу при подсчете боя посуды. Округлит как нужно закупочную цену. Возьмет у купца благодарность — такие вещи здесь даже взяткой не считались — и эту благодарность купец, конечно же, заложит в стоимость товара.

Одна за другой вещи изымались из сундуков и возвращались обратно. Рюмки водочные. Бокалы для прохладительных напитков. Тарелки — суповые, обеденные, десертные, пирожковые, под мороженое. Соусники. Масленки. Вазочки для конфет. Компотьеры. Полоскательные чашки.

Чепец на экономке сбился, выпустив на волю прядь волос. Грудь над корсетом тяжело вздымалась. Впрочем, я чувствовала себя

немногим лучше: голова кружилась, и приходилось опираться обеими руками на сундук, чтобы переждать приступ дурноты.

Цифры на страницах учетной книги прыгали перед глазами.

— Свечи, — сказала я, когда с посудой было покончено.

Серафима Карповна двинулась вглубь комнаты. Раскрыла сундук. Пахнуло медом.

— Двенадцать пудов восковых свечей для бальной залы. Велите позвать девку с весами?

— Свечи обычные тонкие? — уточнила я.

Вместо ответа экономка достала связку. Каждая свеча завернута в бумагу, чтобы не слиплись. Я заставила себя сосредоточиться сквозь шум в голове.

Экономка посмотрела на меня — наверняка отметила бледность, заметную даже при свечах. Я посмотрела на нее — покрасневшееся лицо, учатившееся дыхание.

— Двенадцать свечей в связке, извольте видеть. Фунт.

Она начала вытаскивать их из сундука.

— Оставь, — сказала я, когда на крышку сундука легла шестая связка свечей. — Раз одна связка — фунт и в ней двенадцать свечей, значит, в двенадцати пудах... пять тысяч семьсот шестьдесят свечей.

Что-то изменилось в ее лице. Кажется, до Серафимы Карповны дошло, что хозяйка на самом деле разбирается в числах и способна сопоставить их с реальными объемами.

— От переключивания и тепла рук свечи могут потерять вид. Терять полдня, наблюдая, как ты перебираешь почти шесть тысяч свечей, я не намерена.

Я взяла одну связку из тех, что экономка уже достала. Вынула еще одну из сундука, взвесила в обеих руках. Одинаково. Заглянула внутрь.

— Двенадцать штук на фунт, — вслух проговорила я. — В пуде сорок фунтов. Итого двенадцать пудов — это четыреста восемьдесят фунтовых связок.

Я посмотрела на верхний ряд.

— Две связки по длине, шестнадцать в ширину, значит, тридцать два фунта в одном слое. По высоте... — Я приложила связку к боку сундука. — Получается пятнадцать слоев. Итого в этом сундуке действительно двенадцать пудов свечей.

Лицо Серафимы Карповны оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то похожее на суеверный испуг.

Ей только что наглядно продемонстрировали, что барыня не просто помнит цифру из тетради. Барыня способна за десять секунд разложить вес на штуки, штуки — в слои, а слои — в объем деревянного короба. Обычная хозяйка, усомнившись, велела бы вытаскивать все связки на стол и пересчитывать до последней.

— Разумеется, если под верхними пятью слоями воска уложены кирпичи, это вскрыется при первой же закладке в бальные канделябры, и тогда нам предстоит совсем другой разговор, — улыбнулась я краем рта. — Но портить дорогой воск лишним трением и теплом рук прямо сейчас я не позволю. Закрывай.

— Слушаюсь, Анна Викторовна, — ответила экономка другим тоном. Собранным и чуть глухим.

Крышка сундука опустилась на место. Звякнул замок.

Я закрыла амбарную книгу. По спине стекал холодный пот. Держать лицо становилось все труднее.

— Теперь серебряная.

Тяжелые канделябры, пузатые супницы с гербами, подносы и многоярусные этажерки для фруктов тускло отсвечивали на обитых сукном полках. Дюжины приборов покоились в бархатных гнездах дубовых футляров.

В серебряной кладовой все сошлось — впрочем, я в этом и не сомневалась.

Глава 22

— Благодарю за отличную работу, Серафима Карповна, — сказала я. — У вас идеальный порядок.

Она поклонилась.

— Желаете осмотреть кладовую со съестными припасами?

— Вы говорили, что закупки к балу еще не сделаны.

— За исключением чая, сахара и кофию. Они могут храниться долго и будут израсходованы в любом случае.

— Тогда оставим пока. Можете быть свободны.

Проходя по галерее в свою комнату, я увидела, как к крыльцу подъехали крытые сани: Андрей вернулся из церкви. Надо бы поговорить, но, если он ездил к причастию, наверняка голоден, а к голодному человеку лучше не приставать со сложными разговорами. Да и мне нужно отдохнуть, и физически, и эмоционально. Так что я с удовольствием плюхнулась в кресло и закрыла глаза.

Однако глаза-то закрыть получилось, а мозги отключаться не собирались. Посидев так пару минут, я поняла, что вздремнуть с чистой совестью не выйдет, и подтянула к себе лист бумаги.

'Андрей,

прошу о коротком разговоре сегодня. Речь о подготовке к масленичному балу.

До бала — тринадцать дней'.

Я кликнула Марфу.

— Передай Степану записку для барина. Отдельно скажи Степану: барыня очень просила дать барину возможность спокойно пообедать.

Степан, наверняка, и сам не станет дергать голодного и отстоявшего долгую службу барина, но в таких делах лучше перестраховаться.

Марфа вернулась быстро.

— Степан сказал: не извольте беспокоиться, не маленькие, понимаем.

Ну вот и славно.

Марфа затопталась на месте, не торопясь уходить.

— Что-то хочешь спросить? — поняла я.

— Барыня, там барин батюшку привезли. Дозвольте мне на людскую половину за причастием отлучиться.

— Ступай, — разрешила я.

Снова попыталась расслабиться в кресле, но опять не вышло. Если барин сам привез батюшку — то как бы тот батюшка не оказался отцом Павлом. Андрей, скорее всего, пригласит гостя отобедать после того, как тот закончит дела в доме. Выходить ли мне к обеду или я все еще слишком слаба для светских условностей? Захочет ли отец Павел заглянуть ко мне? Почти уверена, захочет.

И к обеду нужно выйти. Раз пошли слухи, что губернаторша поднялась из постели и чудит — а я не питала иллюзий, будто дворня не успела разболтать о карантинных мерах у нас дома, — нужно дать людям свою версию. Чтобы все убедились: помирать губернаторша не собирается, а чудит исключительно в рамках, дозволенных молодой взбалмошной женщине.

Вздохнув, я выбралась из кресла и потащилась на кухню.

Тихон приветствовал меня поклоном.

— Завтрак был превосходен, благодарю, — сказала я. — Что на обед?

— Суп-пюре из кур с равиолями, суп консоме с пореем и гренками, крокеты из телячьих почек с кашею, карп под бешамелью, суфле из картофеля с ершовыми филеями, трубочки со сливками.

Обед, как всегда, роскошен, однако для меня пока выбор невелик. Но не это сейчас главное. Я вздохнула.

— Андрей Кириллович так печется о моем здоровье, что не тревожит лишний раз. Скажи, передали ли тебе после его возвращения, что к обеду будет еще особый гость?

— Отец Павел, — кивнул Тихон, благоразумно проигнорировав замечание о супружеской заботе.

Значит, мне тем более надо выйти. Отец Павел собирался наблюдать — вот пусть и наблюдает. При всех, а не тет-а-тет, чтобы у него не было возможности задать мне вопросы, на которые я не найду ответа.

Кроме отца Павла за столом будет еще минимум полдюжины человек. Сказать заранее, кто именно, невозможно — просто потому, что, как и с утренними визитами, явиться в дом мог любой из местного

общества и гнать его было неприлично. В доме родителей Анны лет пятнадцать столовался какой-то дальний родственник, и только когда он однажды не явился к обеду, обнаружилось, что никто не помнит, чей же он на самом деле родич.

— Вы изволите выйти к обеду? — спросил Тихон.

— Кто будет подавать?

— Лакей лежит. Степан вызвался его заменить, но я сам подам.

— Тихон, ты просто золото.

Он с достоинством поклонился.

— Когда будешь обносить, мне предложи консоме, суфле из картофеля, сладкого не надо.

— Тогда я сделаю еще простые хрустады и варенье из черной смородины. Чтобы вы не привлекали внимание своим отказом от сладкого.

— Спасибо, — кивнула я.

Выходить к обеду в домашнем платье и без корсета было недопустимо — меня бы тут же ославили по всей губернии. Пришлось снова потревожить экономку. Серафима Карповна явилась с таким видом, будто утром ничего не происходило, и взялась за корсет. Я мысленно застонала. И едва не застонала вслух, когда она потянула завязки.

— Достаточно, — просипела я.

— Платье придется распускать, и шва может не хватить, — предупредила она.

Может и не хватить, но иначе не хватит меня.

— Значит, возьмешь ленты и надставишь шов. Булавок в этом доме достаточно, — огрызнулась я чуть жестче, чем стоило бы. Добавила: — Слишком мало времени прошло после родов и болезни. Не хватало еще грохнутья при всех из-за чересчур тугого корсета.

— Как прикажете. — Она раскрыла коробочку с булавками.

К счастью, времени оставалось достаточно для того, чтобы Серафима Карповна успела переколоть платье. Правда, теперь оно держалось только на булавках и честном слове. Хорошо, что не до конца восстановившиеся силы вместе с корсетом гарантировали плавность и томность движений. Можно было надеяться, что булавки просидят на своих местах до конца обеда и мне не доведется шокировать собравшихся за обедом внезапным стриптизом.

Времени хватило и чтобы дотащить до гостиной, даже передохнуть — сознание упорно норовило поставить ударение не на том слогe — в галерее. Я успела и остановиться перед дверями гостиной так, чтобы меня никто не видел — несколько раз быстро прикусить губы и пощипать щеки. Явиться к обеду нарумяненной после того, как совсем недавно потеряла первенца, было бы скандальным. Явиться бледным призраком, только что восставшим из могилы, не входило в мои планы.

Очень вовремя я остановилась для того, чтобы услышать незнакомый голос — чуть хриплый баритон лениво цедил слова, будто снисходя до собравшихся. Кого это принесло, интересно?

Я шагнула в дверной проем, разговоры сразу стихли, мужчины поднялись. Я поклонилась всем разом — как и подобает учтивой хозяйке дома.

— Рада видеть вас, господа.

Первым делом — священник, пусть в моей гостиной он в статусе гостя, его все равно нельзя смешивать в общую кучу с людьми светскими.

— Благодарю, что пожаловали, отец Павел.

— Анна Викторовна, рад видеть вас в добром здравии. — Голос его прозвучал по-настоящему тепло.

Теперь дамы.

— Елизавета Михайловна, очень рада видеть вас.

Елизавета Михайловна — сухая, прямая, в темном шелке — поднялась с дивана мне навстречу. Лицо улыбалось, глаза — нет. Два года назад, когда юная губернаторша только приехала в Светлоярск, Арсеньева попыталась предложить ей покровительство. Молодой даме трудно в незнакомом городе, пусть она и знает многих со слов родственников и знакомых. Анна обдала ее холодом — мало ей было столичных кумушек, подлаживайся еще и под провинциальных вдов. С тех пор Елизавета Михайловна ограничивалась лишь короткими формальными визитами. Интересно а ей что надо от этого обеда? Проверить слухи о быстром выздоровлении и странных чудачествах губернаторши? Прислуга разносила сплетни куда быстрее любого интернета.

— Анастасия Федоровна...

Молодая княгиня Градова поклонилась мне. Чуть скованнее, чем следовало бы. Зарделась, поправляя складки юбки, заглянула в лицо своему мужу, будто щенок, ожидающий одобрения хозяина. Он сделал вид, будто не замечает этого взгляда.

— Константин Дмитриевич...

Градов светски улыбнулся мне, но едва заметная складка между бровей не разгладилась. Младший братец наделал долгов, а разгрести теперь ему.

Петр Семенович, каждый день обедавший в чьем-то доме — так что приехать на обед к нему самому было совершенно невозможным, как всегда, не выдержал.

— Анна Викторовна, вы не представляете, как все мы волновались о вашем здоровье! Какое счастье видеть вас на ногах!

— Благодарю, — сухо ответила я.

Андрей шагнул вперед, заполняя собой пространство, и Петр Семенович понятливо притих.

— Анна Викторовна, позволь представить тебе князя Александра Павловича Белозерского, недавно прибывшего в Светлоярск, — произнес он так, словно действительно был рад видеть и меня — даром что, когда я вошла, во взгляде его промелькнуло «чего приперлась?», и князя, и всю эту толпу людей, которых он не может выставить из дома, чтобы просто посидеть в тишине одному со свежим номером «Инженерного журнала». Хотя бы в воскресенье, когда не надо идти на службу.

— Счастлив знакомству.

Мужчина с длинными — необычно длинными, подобающими скорее священнику, чем князю, — светлыми волосами поклонился. Безупречно.

— Рада видеть вас в нашем доме, князь, — ответила я. — Светлоярску нынче везет на столичных гостей.

Андрей взял меня за руку, и я едва удержалась, чтобы не дернуться. Он сжал мои пальцы чуть сильнее, чем нужно — то ли предупреждение, то ли угроза.

— Прошу к столу.

Гости потянулись следом. Андрей подвел меня к торцу стола и подвинул стул. По правую руку от меня — Градов, по левую — отец Павел. Если я все же «поплыву», поддерживать ничего не значащую

беседу будет проще, чем с незнакомцем из Санкт-Петербурга. За отцом Павлом расположился князь Белозерский: важный гость, но все же не настолько титулован, как светлейший князь Градов. Напротив него — там, где он никому не помешает и никто не обязан его развлекать, — Петр Семенович. Дамы, как полагается, рядом с хозяином дома. Арсеньева, как старшая, по правую руку, Градова по левую.

Я посмотрела на мужа через два с половиной метра белоснежной скатерти. Он ответил мне нечитаемым взглядом.

Тихон начал обходить гостей, расставляя перед ними тарелки с супом.

— Рад, что вам удалось выбраться в такую погоду, господа, — сказал Андрей, когда все расселись. — Дороги нынче не балуют.

— В это время года дороги никогда не балуют, — отозвалась Елизавета Михайловна.

— Но если ехать ради возможности узнать, что наша прекрасная хозяйка на ногах, никакая дорога не покажется трудной, — вставил Петр Семенович.

Началось. Светская беседа — это танец на минном поле: один неверный шаг, и тебя разорвет в клочья.

Что ж, потанцуем.

Глава 23

— Вы слишком добры, Петр Семенович. — Я изобразила благодарную улыбку, вовремя проглотив рвущееся на язык «для тарелочника». — Однако новости в нашем городе разлетаются стремительно. Не успеешь чихнуть, а на другом конце Светлоярска уже обсуждают вышивку на твоём носовом платке.

И уж за прошедшие дни точно успели перемыть губернаторше все кости так, что ей бы непрерывно икалось, не лежи она без чувств.

— Истинная правда. — согласилась Арсеньева. — Город маленький, оттого любое событие обретает масштаб. Особенно если связано с такими... значимыми персонами. И все же, Анна Викторовна, вы прекрасно выглядите для выздоравливающей.

В переводе со светского на человеческий — краше в гроб кладут.

— Молодость — великое дело.

Она промокнула губы салфеткой. «Когда больше нечем похвалиться» повисло невысказанным над столом.

Память услужливо подбросила: чай, визит, оброненное через плечо «ах, Елизавета Михайловна, вы утомительны». Два года назад, когда губернатор с супругой только-только приехали в Светлоярск. Спасибо, дорогая Анна. В сепсисе ты не виновата, но минное поле из оскорбленных дам — твоё наследство.

— Молодость — недостаток, который быстро проходит, вам ли этого не знать, — откликнулась я. — К счастью, на смену ей приходит здравый смысл. Надеюсь, когда он заглянет ко мне, задержится так же надолго, как и у вас.

Она едва заметно приподняла бровь: не ожидала. Разумеется. В картине мира прежней Анны все, кто старше тридцати, числились живописными руинами, не стоящими вежливой беседы.

— Поживем — увидим, — сухо, без улыбки отозвалась Арсеньева, явно пересматривая свои планы на атаку.

— Разумеется, — кивнула я.

Тихон поставил передо мной тарелку с консоме — прозрачным, с янтарными кругами жира. От тарелки поднимался пар, распространяя умопомрачительный запах. Желудок тут же потребовал, чтобы в него

немедленно влили все содержимое тарелки. Но пришлось стиснуть зубы и взять ложку правильно. Есть медленно, изящно, поддерживая беседу. Изо всех сил делая вид, что рука дрожит не от звериного, проснувшегося после болезни голода, а исключительно от светской томности.

— Князь, — Андрей обратился к Белозерскому тем спокойным тоном, каким вел все светские разговоры, — как вы находите наш город?

— Нашел его с трудом. — Белозерский чуть улыбнулся. — Ямщик уверял, что дорога здесь единственная и ведет прямым путем к дому губернатора. Но мы умудрились застрять в сугробе где-то посреди скотного двора, а потом трижды заблудиться, прежде чем выехали к заставе. Видимо, пути к власти в провинции более извилисты, чем в Петербурге. В этом есть что-то метафизическое.

Отец Павел негромко хмыкнул.

— Промысел Божий, князь. Не более того.

— Ну вот, а я-то грешил на ямщика.

Петр Семенович хохотнул. Анастасия Федоровна улыбнулась широко, радостно, как ребенок, которому показали фокус. Градов не улыбнулся вовсе.

— И все же вы добрались, — сказала я. — А значит, ямщик не так плох.

— Или я не так требователен. — Белозерский повернулся ко мне. Глаза у него оказались внимательные, ледяного голубого оттенка — и посмотрел он на меня чуть дольше, чем положено правилами приличия. — В Петербурге привыкаешь к определенному уровню неудобств. После тамошних мостовых ваши дороги — просто увеселительная прогулка.

Хорош. Из той породы мужчин, перед которыми женщины теряют волю и рассудок с первого взгляда. Но стоит ему открыть рот — чары рассеиваются. Под безупречными манерами скрывается язвительная едкость чужака, которому до смерти осточертело наше захолустье, но он почему-то остается здесь.

— Так вы надолго к нам, князь? — Арсеньева спросила это так, словно интересовалась погодой. Но я заметила, как она чуть подалась вперед — едва, на четверть дюйма.

— Как Бог положит, Елизавета Михайловна. У меня здесь дом тетушки, Марии Алексеевны. Она просила присмотреть за хозяйством в ее отсутствие.

Присмотреть за хозяйством. Из Петербурга. Как мило. Мария Алексеевна Белозерская, если память предшественницы не врала, была дамой вполне состоятельной и имела управляющего, прекрасно справлявшегося без ее племянников. Значит, у князя свои причины торчать в нашем захолустье. Либо он от чего-то бежит, либо к чему-то подбирается. Возможно, и то и другое.

— Марья Алексеевна — единственная из моих родственниц, кто пишет мне письма длиннее трех строк. Я в неоплатном долгу.

— Переписка с родственниками — лучшая из добродетелей, — вставил отец Павел. — Жаль, не всякому дано ее оценить.

Сказано было в пространство, и глядел он в свою тарелку. Но Градов чуть дернул плечом — быстро, почти неуловимо. Кто-то не пишет писем. Или пишет не те. Младший братец Серж, любитель загулов и художественного разврата?

Тихон убрал суповые тарелки и начал обносить крокетами и суфле. Передо мной встало суфле из картофеля с ершовыми филеями. Я кивнула, благодаря. Взяла вилку. Пальцы чуть дрогнули. Будем надеяться, что никто этого не заметит.

Арсеньева, получив от меня не ту реакцию, на которую рассчитывала, перевела прицел на территорию побезопаснее.

— Взять хотя бы новую машину, которую на днях ждут в типографии. Говорят, станок размером с телегу, работает без пара, а печатает за пятерых. Рабочие, сказывают, крестятся, когда мимо ходят.

В маленьких городах информация — единственный ценный ресурс, и Елизавета Михайловна явно привыкла чувствовать себя монополистом на этом рынке.

— Прогресс не остановить, Елизавета Михайловна, — ровным голосом отозвался Андрей, не поднимая глаз от тарелки. — Губерния должна развиваться. Если машина справляется лучше людей, значит, она полезна.

Андрей приложил ее этим «полезна», как тяжелой казенной печатью — чтобы всякая охота болтать о бесовщине высохла на корню. Арсеньева правила приняла без возражений — просто

перехватила поудобнее воображаемый скальпель и развернулась к цели посочнее.

— Безусловно, Андрей Кириллович. Но люди такие люди — всегда найдут повод для волнений. Вот, к примеру, молодое поколение. Константин Дмитриевич, — она ележно улыбнулась Градову, — как поживает ваш братец? Слышала, в художественном училище он делает... поразительные успехи. Говорят, его темперамент известен уже всему Светлоярску.

В самом деле, какой интерес обсуждать железки, когда можно пройтись по кому-нибудь из присутствующих. Под видом искренней заботы пожилой дамы Градову только что сообщили, что все знают: его младший брат — транжира и пьяница, который вот-вот пустит семью по миру.

Градов не моргнул. Только кончики пальцев, стиснувшие нож, на мгновение побелели. Весь этот аристократический фасад держался на одном упрямстве. Позорные долги отца и выходки брата были семейной тайной Полишинеля, которую полагалось игнорировать за столом.

— Сергей ищет свой путь в искусстве, — сухо произнес Градов. — Все молодые творцы прошли в своей жизни период бурь.

Голос у него стал сухим и абсолютно плоским. Тон человека, который уже нащупывает перчатку в кармане, но из последних сил держит себя в рамках приличий. Арсеньева, впрочем, и не собиралась продолжать. Свою дозу яда она уже впрыснула и теперь с видимым удовольствием наблюдала за результатом.

— Ой, а Костя так много трудится! — вдруг звонко встряла Анастасия Федоровна. — Ему совсем некогда следить за Сержем, правда же, Костя?

Святая простота. Она искренне хотела выставить мужа ударником капиталистического труда, а вместо этого сообщила всем присутствующим: Градов не контролирует младшего брата, и даже его собственная жена это подтверждает.

Муж не повернулся к ней. Вообще никак не дал понять, будто услышал. Словно муха прожужжала.

— Анна Викторовна... — Она переключилась на меня, ища спасения в светской болтовне. — У вас такой чудный повар! Этот суп — просто прелесть, я даже не знаю...

На этом месте она поперхнулась собственным восторгом, наткнувшись на взгляд мужа. И тут же потупилась, заливаясь краской. По щее пошли характерные пятна. Судя по всему, восторгаться едой в этом семействе было так же неприлично, как и иметь долги.

Классическая драма мезальянса. Муж, который женился на кошельке, но ненавидит его за то, что кошелек оказался живым и разговорчивым. Жена, которая каждым словом пытается заслужить одобрение, а вместо этого с каждым словом закапывает себя глубже.

— Благодарю, Анастасия Федоровна, — сказала я мягко, пытаюсь вывести ее из-под удара. — Непременно передам Тихону вашу похвалу. Он будет польщен.

Тихон, замерший у буфета, остался монументально неподвижен, но я была уверена — оценил. Анастасия благодарно улыбнулась. Быстро, украдкой, пока муж отвернулся к Андрею. И тут же, не переводя дыхания, выдала новую порцию светского динамита:

— Между прочим, слышали, что старая Гаврилова преставилась?

Градов стиснул вилку так, что теперь это могли заметить все. По негласному кодексу дворянского приличия за столом полагалось порхать по верхам, не задевая крылом ни покойников, ни долгов, ни прочей неудобной правды жизни. Вывалить такое во время перемены блюд — все равно что высморкаться в накрахмаленную салфетку.

— У нее ведь приживалка жила? — Петр Семенович честно попытался спасти ситуацию, развернув разговор в сторону живых. — Что с ней?

— Бедная Ирина Константиновна совсем потеряла голову, — подхватила Арсеньева.

Тон у нее был специфический. С таким клиническим интересом врачи обсуждают редкую патологию: для науки случай ценный, а больному уже ничем не поможешь.

— На почту зачем-то устроилась служить. Молодой женщине без покровительства следует быть осторожнее. Город маленький.

Она коротко мазнула по мне взглядом и вернулась к тарелке. Намек был прозрачным: любая моя осечка станет достоянием общественности раньше, чем успеет остыть этот суп. Будто я сама этого не понимала.

— Истинно так, — кивнул отец Павел. — Город маленький, каждая душа на виду. В том и благо: легче помочь нуждающемуся,

если знаешь о его нужде. Не так ли, Анна Викторовна?

Он повернулся ко мне, голос звучал мягко, по-отечески. Но за этой пастырской ширмой я видела все тот же взгляд, что и перед соборованием. Цепкий интерес профессионала, привыкшего сканировать души на предмет скрытых дефектов. Болезнь — испытание, которое меняет людей, так какова ты сейчас, голубушка Анна Викторовна?

— Совершенно верно, отец Павел, — ответила я, выдержав его взгляд. — Именно поэтому я рада, что вы согласились сегодня отобедать с нами. В маленьком городе так важно, чтобы духовный пастырь знал свою паству. Тогда и лишних расспросов не потребуется.

Он едва заметно улыбнулся и склонил голову. Мы поняли друг друга: я признала его право наблюдать, он — мое право не исповедоваться прямо над супницей.

Хрустады оказались обычными гренками из белого хлеба. Но пауза при перемене блюд пришлась кстати: она позволила немного выдохнуть. Или перегруппироваться.

— Прекрасное варенье, — подал голос Белозерский, изящно подхватив хрустаду. — Ваши ручки, Анна Викторовна?

— Экономка, Серафима Карповна, — ответила я, не давая ему шанса на пустой комплимент. — Я передам ей вашу похвалу.

— Передайте ей мое восхищение. В Петербурге за такое варенье готовы убивать.

— Князь, вы мрачно шутите для воскресного обеда. — Арсеньева поджала губы, демонстрируя легкое неодобрение.

— Елизавета Михайловна, это не шутка. Это горький опыт человека, у которого дважды вводили банку крыжовенного прямо из-под носа.

Петр Семенович хохотнул — на этот раз вполне уместно. Даже Градов шевельнул уголком рта. Анастасия Федоровна улыбнулась — осторожно, будто проверяя, не нарушила ли она какую-нибудь очередную заповедь мужа.

— Кстати о варенье! — оживился Петр Семенович. — На днях в лавке Шубина купил клубничного. Отменное. Рекомендую.

Анастасия Федоровна выпрямилась, будто палку проглотила. Она — урожденная Шубина. И сейчас ей при всех ткнули в нос лавочным происхождением богатства.

— Между прочим, о Федоре Степановиче Шубине. — Петр Семенович понизил голос до того доверительного полупшепота, который слышен даже в соседней комнате. — Говорят, он к Вересаевой сватов засылал. Тетка ее согласилась, а девица, узнав об этом, слегла. Еще бы, дворянская дочь — и за купца!

Повисла тишина. Такая густая, что ее можно было намазывать на гренки вместо того самого варенья.

Градов ел. Спокойно, размеренно, с безупречной осанкой. Только гренка под его ножом хрустнула так, словно ей свернули шею.

Арсеньева изучала хрустаду с выражением глубочайшей сосредоточенности. Не она вывалила — руки чистые. Но и останавливать дурака не стала. Зачем? Купеческой дочке напомнили о ее месте, Градову — о мезальянсе, а Елизавета Михайловна тут совершенно ни при чем.

— В моей губернии, — негромко сказал Андрей, прерывая этот спектакль, — браки совершаются по закону. А слухам место на базаре, а не за столом.

Петр Семенович поперхнулся. Дошло.

Белозерский невозмутимо намазывал варенье на хрустаду, но я была готова поспорить — запоминал. Этот столичный гость коллекционировал чужие осечки, как бабочек на булавках.

— Никто не сомневается, что в нашей губернии все в надежных руках. — Арсеньева промокнула губы салфеткой. Комплимент Андрею был своевременным — аккуратная попытка замять конфуз с Шубиным. И тут же, не меняя тона: — Кстати, Анна Викторовна, а как же масленичный бал? Весь город ждет. Или в этом году...

Она не договорила. Это «или в этом году» повисло в воздухе. Арсеньева прощупывала почву: хватит ли у меня сил держать лицо или я сдамся прямо сейчас.

«...Или в этом году бала не будет, потому что губернаторша еле жива?»

Мы с Андреем встретились взглядами через стол. В его читалось только ожидание, без тени поддержки. «Ну давай, докажи, что ты справишься». Я улыбнулась. Он отвел глаза первым.

— Разумеется, масленичный бал состоится.

Раз местному обществу не удалось сплясать на моих поминках, пусть пляшут на балу.

— Но времени совсем немного. — Арсеньева склонила голову, в ее голосе прорезалось фальшивое сочувствие.

— Достаточно, если не тратить его на пустые волнения.

— Тринадцать дней! — Анастасия Федоровна ахнула, мгновенно ожив. Еще минуту назад сидела бледной тенью, а тут — платье! Бал! — Боже, я еще даже не...

Она осеклась, в который раз порозовев до самых ключиц. Градову уже не нужно было дрессировать жену. Она сама прекрасно справлялась, замолкая по первому движению его бровей.

— У мадам Дюваль золотые руки, — подсказала я, стараясь разрядить обстановку.

Градов скрипнул зубами. Расценки у мадам Дюваль были такие, будто она шила из чистой золотой канители. Я сделала вид, что не заметила его реакции.

— Уверена, она уже готовит что-то восхитительное для половины Светлоярска.

— Для всего Светлоярска, — мягко поправила Арсеньева. — Других портних такого уровня у нас нет.

Она помолчала, глядя на меня с таким участием и заботой, почти материнской, что впору было поверить.

— Анна Викторовна, дорогая, а вы уверены, что вам стоит так себя утруждать? Вы ведь только встали с постели. Если вам нужна помощь или совет — я всегда к вашим услугам.

«Сдайся, — перевела я про себя этот выпад. — Признай, что не потянешь, и я возьму вожжи в свои руки. А весь город увидит, что губернаторша без старой Арсеньевой не способна даже меню составить».

Интересно, кто помогал Андрею с прошлым балом? Насколько я успела узнать Серафиму Карповну — она вряд ли позволяла кому-то постороннему совать нос в свое хозяйство. Значит, и сейчас обойдемся.

— Елизавета Михайловна, вы очень добры. Я непременно обращусь, если возникнет нужда. Пока подготовка идет по плану.

Даже если план этот в духе Наполеона: главное — ввязаться в бой, а там разберемся.

— Мы будем рады видеть всех на нашем балу, — подытожил Андрей, закрывая тему. — Если, конечно, ваши дела позволят.

— Непременно позволят. — Белозерский чуть наклонил голову. — Кстати, Анна Викторовна, если вам понадобится помощь в организации — не стесняйтесь. Я в Петербурге помогал устраивать один благотворительный вечер. Правда, он закончился скандалом, но, клянусь, не по моей вине.

— А по чьей? — не удержалась я.

— По вине крыжовенного варенья, — серьезно ответил Белозерский. — Однако это долгая история.

— Благодарю вас, господа. — Андрей поднялся, и все поднялись вслед за ним. — Прошу в гостиную, чай и кофий будут поданы.

* * *

Светлейшего князя Градова и его жену можно встретить в книге Алисы Князевой и Василисы Лисиной «Пятно на репутации его светлости»: <https://author.today/reader/555468>

Ирина Константиновна, приживалка старухи Гавриловой и князь Белозерский — в истории Александры Воронцовой «Девушка на службе. Чернила и воск» <https://author.today/reader/556306>

Глава 24

— Отец Павел, — негромко сказала я, пока гости шли к дверям.
— Спасибо вам, что приехали. Дворня была рада причастию.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Дворня? А вы, Анна Викторовна?

— А я рада, что такой человек, как вы, снизошел к нуждам малых сих.

Он помолчал.

— Жаль, что я не успел зайти к вам до обеда. Полагаю, вам бы тоже не помешало святое причастие.

— Святое таинство никогда не помешает, — согласилась я.

Там, в прошлой жизни, я так и не решила, насколько верю, хотя в моей работе иной раз без Господней помощи никуда. Здесь вера — неотъемлемая часть жизни. Возможно, оно и к лучшему.

Интересно, Андрей считает, что его жена исцелилась благодаря чуду Господню? Или ее выздоровление — исключительно происки нечистого, дабы изводить губернатора за его грехи, вольные или невольные?

Я прогнала дурацкую мысль.

— Выздоровливайте, — сказал отец Павел. — Я буду молиться о вашем здоровье.

«И наблюдать», — добавил его взгляд. Ну наблюдай, батюшка. Зрелище обещает быть интересным.

Я склонила голову.

— Я буду благодарна вам за ваши молитвы.

Двинулась и гостиную вслед за остальными. Медленно и плавно — спасибо корсету и булавкам за эту принудительную грацию. Еще десять минут. Потом можно будет наконец перестать улыбаться.

Разговоров за чаем я почти не запомнила — в голове гудело, как в трансформаторной будке. Я механически подносила ко рту чашку с кофе, думая только о том, чтобы не пролить его на платье. Корсет сдавливал ребра, и как я ни старалась дышать верхушками легких, голова все равно кружилась.

— А вы что думаете, Анна Викторовна? — прорвалось сквозь звон в ушах.

Я выдавила улыбку — глупую, как у куклы.

Андрей встал и протянул мне руку.

— Позволь, я провожу тебя. — Он оглядел остальных. — Прошу прощения, господа, мы оставим вас ненадолго. Анна Викторовна еще не до конца оправилась.

Сказано это было, правда, таким тоном, что любому было бы ясно — на самом деле он вовсе не ждет что его извинят, а ставит гостей перед фактом. Равно как и мое мнение его не интересует. И, возможно, в другом настроении или состоянии я бы осталась исключительно назло ему. Но сейчас я слишком устала для того, чтобы назло бабушке — в смысле, мужу — морозить уши.

Он вздернул меня за руку, подставил локоть. В ушах звенело — кажется, организм всерьез намеревался грохнуться в обморок, и этот локоть показался единственной по-настоящему материальной и надежной опорой. Я тихонько вздохнула, насколько позволял корсет, и разрешила себе расслабиться, хоть на миг, почти повиснуть на муже и не контролировать, куда мы идем.

Ощущение было очень странным. Всю жизнь я полагалась только на себя, а тут — опора. Непривычно и, пожалуй, опасно: в любой момент эту опору могут у меня выбить. Не стоит и привыкать.

За спиной в гостиной немедленно защebetала Арсеньева. Балом ей порулить не дали, так она решила взять реванш над самоваром. Закрылась дверь, отрезая нас от гостей. Я пошатнулась.

Андрей буркнул под нос что-то неразборчивое и подхватил меня на руки так легко, будто я вообще ничего не весила. Я дернулась.

— Уймись, — буркнул он. — Не хватало еще, чтобы ты свалилась и разбила голову. Потом весь город будет сплетничать, что я тебя зашиб под горячую руку.

— Это все, что тебя по-настоящему беспокоит? — огрызнулась я.

— Нет. Еще — на кой ч... зачем ты вылезла к обеду, если на ногах не стоишь?

— Затем же, зачем ты меня сейчас тащишь. Чтобы не сплетничали.

Он хмыкнул. Промолчал. «Кто умнее — замолчит первым», — вспомнилось из детства, и я хихикнула.

— Что? — переспросил Андрей.

— Ничего.

Это тело должно было привыкнуть к корсету — девочек здесь запаковывали в него лет с двенадцати. Но прошло слишком мало времени после родов и болезни, и мне следовало об этом подумать. Я снова хихикнула. Вот было бы забавно, если бы я в самом деле свалилась и расшиблась. Вторая смерть, и снова достойная премии Дарвина.

— Ты зря вышла к людям так рано, — проворчал Андрей.

— В самый раз. — Звон в ушах стал слабеть, и мушек перед глазами стало меньше. — Иначе бы скоро стали говорить, что на самом деле ты прикопал мой труп на заднем дворе, а на моем месте — самозванка. В лучшем случае. В худшем — нечто, что стоило бы облить святой водой хотя бы за ведьминское снадобье с золой.

— Не преувеличивай. Григорий Иванович знает, что ты тяжело болела и начинаешь выздоравливать.

И отрастил на меня зуб размером с бивень мамонта. Да и плевать, лишь бы близко не подходил.

— Больные частенько чудят.

— Вот Григорий Иванович меня и беспокоит, — вздохнула я.

Я ожидала лекции на тему «а нечего было обещать почтенному доктору всяческие непотребства с хирургическими инструментами», но Андрей промолчал. Так, в молчании, он и доволок меня до спальни.

— Ты хотела поговорить, — сказал он, аккуратно опуская меня в кресло. — Все еще хочешь или переоценила свои силы?

— Хотела и по-прежнему хочу, но сейчас я способна думать только о том, что изобретатель корсета заслужил как минимум четвертование. Если ты дашь мне полчаса, чтобы избавиться от этого орудия пыток, разговор пойдет куда продуктивнее.

— Мне казалось, тебе нравится быть... безупречной.

— Красота требует жертв, но я не планировала становиться жертвой собственного гардероба. Полчаса, Андрей. Сначала кислород — потом дела.

— Я вернусь через час.

«Спроважу гостей и сам немного выдохну» невысказанным повисло в воздухе. Или мне просто это показалось. Когда Андрей

прикрывал за собой дверь, осанка его оставалась безукоризненно прямой, а лицо — доброжелательно-вежливым. Как всегда.

— Марфа! — окликнула я, едва стихли шаги мужа. Горничная мигом возникла в спальне.

— Сними с меня эту сбрую, — приказала я. — Быстрее.

Когда корсет наконец ослаб, я не сдержала стона. Легкие рванули в себя воздух, ребра ответили ноющей болью. Закружилась голова, в тело будто впились тысячи колючих иголок.

— Барыня, вы совсем белая, — прошептала Марфа, подхватывая тяжелое платье. — Может, прилечь?

— Прилягу. Непременно. И через час принеси чая. Крепкого. Меда. И чашки на двоих.

У меня есть час, и этот час я собираюсь использовать наилучшим образом. Поспать. Примерно через полчаса кофеин из чашки, выпитой в гостиной после обеда, дойдет до мозга и я проснусь не мутная, как бывает, если чересчур долго спать днем, а бодрая и готовая к разговору.

Однако я слишком хорошо о себе подумала. Проснулась я не через полчаса, а от звяканья посуды. Открыла глаза. Марфа уже поставила на стол большой пузатый чайник с кипятком и маленький с заваркой и сейчас расставляла чашки и мисочки с медом, пряниками и баранками.

Отлично, глюкоза для мозга подана. И — судя по шагам за дверью — вовремя.

Андрей вошел уже в домашнем сюртуке. Под глазами залегли тени, которых раньше не было. Похоже, обед — а может, мое внезапное к нему явление — тоже стал для него серьезным испытанием. Или я просто не заметила его состояния, занятая собственной слабостью.

Марфа накинула на меня домашний салоп и тихо испарилась.

— Чаю? — предложила я.

Андрей помедлил, но все же сел. Я молча разлила чай, пододвинула к мужу мед. Андрей бухнул сразу две ложки и начал размешивать — механически, взгляд смотрел куда-то в пространство — но при этом ложечка ни разу не звякнула о фарфор.

— Надеюсь, разговор будет коротким, — сухо заметил он, когда я опустилась в кресло напротив и тоже взяла в руки чашку.

Увы, ваше превосходительство, не всем надеждам суждено сбываться.

— Я хотела поговорить о бале, — сказала я, когда он поднес чашку к губам.

Он устал — значит, не стоит тратить время на расшаркивания. К тому же я тоже устала.

— До бала тринадцать дней. Я сегодня прошлась по кладовым с Серафимой Карповной. Белье, посуда, серебро, свечи — в порядке. Кофе, чая и сахара достаточно. Но больше ничего не куплено, потому что не утверждено меню. Меню не утверждено, потому что неизвестно было, состоится бал или нет.

Андрей кивнул.

— Дальше.

— Я бы не дергала тебя с этим, но чтобы не беспокоить тебя по каждой ерунде мне нужно понимать три вещи. Количество приглашенных. Бюджет. И источники финансирования.

Андрей поднял на меня нечитаемый взгляд.

— Зачем тебе это знать?

В груди заворчалось раздражение.

— Андрей, я за сегодня пересчитала в этом доме все, вплоть до салфеток. Но до сих пор не знаю самого главного: какой бал от меня ждут и на чьи деньги. Ты сказал: бал должен состояться, и я должна это обеспечить. Хорошо. Но ты не обозначил ключевые условия. — Я начала загибать пальцы. — Первое: когда дают задание, обозначают и полномочия. В каких пределах я имею право решать? Или на каждое мое распоряжение прислуга побежит к экономке или твоему камердинеру, а те помчатся к тебе?

Андрей начал было говорить, но я не дала ему вставить ни слова.

— Второе. Как широко можно размахнуться? Приглашать музыкантов из большого императорского театра или скрипача из соседней подворотни? Это представительское мероприятие, которое оплачивает казна...

Он отчетливо скрипнул зубами — похоже, представительскими государство его не балует. Впрочем, в какие времена было иначе?

— ... или все расходы — твои личные? Третье. Чего ты сам хочешь от этого бала? Ты сказал «сделай» — но что именно я должна

сделать? И как именно? Сделай идеально, а что я на самом деле хочу — я тебе не скажу?

Классика дурного руководства: поставить задачу без ресурсов и сроков, а потом с интересом наблюдать как исполнитель пытается угадать что от него требуется. За годы на кафедре я навидалась таких фокусов от деканата и минздрава. Разница лишь в том, что деканат не спал со мной в одной спальне.

Впрочем, с Андреем мы тоже пока не спим. Так что аналогия полная.

Пока? Я что, всерьез рассматриваю такую возможность?

— Извини, так ведут себя, когда хотят слить подчиненного, — продолжала я, чтобы заглушить последнюю идиотскую мысль, появившуюся в голове. — Я знаю, что ты ко мне добрых чувств не питаешь. Но если намерен получить повод от меня избавиться, сослать жену в монастырь можно и не приглашая музыкантов. Дешевле выйдет.

Андрей поставил чашку. Точно, аккуратно — на середину блюда. — Я не поручал тебе готовить бал.

Это прозвучало сухо, поправкой к протоколу заседания. Вы, сударыня, допустили ошибку в исходных данных — потрудитесь исправить.

Я открыла рот. Закрыла. Мысленно прокрутила наш разговор в тот вечер, когда он выдвигал условия. Бал. Хозяйство. Учетные книги. Попечительский комитет.

«Ты на нем будешь. И будешь вести себя, как полагается жене губернатора».

Будешь. На балу. И вести себя как полагается. Про «организуешь», «подготовишь» или «возьмешь на себя» он не сказал ни слова.

Твою ж...

А я, даже полудохлая — в своем репертуаре. Увидела бесхозный процесс — подобрала. Перевернула его дом сверху донизу, провела ревизию и явилась с требованием бюджета на задачу, которую мне никто не ставил.

Молодец, Анна Викторовна, так всегда и делай.

— Серафима Карповна и Тихон, — произнес Андрей тоном человека, в сотый раз объясняющего двоечнику таблицу умножения,

— провели в этом доме масленичный бал, два пасхальных и два рождественских, не говоря о более мелких приемах. И справились. Справятся и в этот раз. А ты встала с постели три дня назад.

В переводе со светского на человеческий — не лезь не в свое дело, разберемся сами. Формально он был абсолютно прав. От меня требовалось явиться на бал и вести себя прилично. Все. Точка. Организацией два предыдущих года занимались экономка с Тихоном, Андрей подписывал счета, жена являлась в красивом платье и блистала. Все прекрасно получалось без моего участия.

Я помолчала, честно взвешивая варианты. Бросить это дело: баба с возу — кобыле легче, а я найду чем заняться во время выздоровления?

Вот только если бал провалится — будут говорить не об экономке и не о Тихоне. О губернаторе и его жене. С чего бы ему провалиться? Хотя бы с того, что в прошлые разы готовиться к балу начинали куда раньше.

Есть еще одно — и не стоит обманывать себя. Я в принципе не умею полагаться на кого-то, правильно это или нет, сейчас неважно. Важно, что сейчас я совершенно не готова положиться на женщину, которую знаю три дня и чьи книги слишком идеальны. Так что придется впрягаться.

— Ты прав. Не поручал. Но сегодня, когда я сказала, что бал состоится, не стал меня останавливать.

Андрей на секунду прикрыл глаза.

— За что еще я ответственен? За твой сегодняшний выход к обеду?

Глава 25

«Конечно, — едва не брякнула я. — Такова карма главы семьи, за все отвечать».

Но сейчас, пожалуй, был не лучший момент для обсуждения, бывает ли власть без ответственности.

— Выйти к обеду было моим решением, так что я не собираюсь обвинять тебя в нем, — успокоила я мужа. — И большое спасибо тебе, правда, спасибо за то, что донес до спальни.

Андрей удивленно моргнул. Кажется, он не привык слышать от жены слова благодарности. Рано расслабился.

— Однако бал — это лицо дома, — не унималась я. — Хуже того, раз это мероприятие полуофициальное — по тому, как пройдет бал, будут судить, крепко ли стоит на ногах губернатор.

— Какое неожиданное открытие, — усмехнулся он. — Два года эта мысль тебя не посещала.

— Действительно неожиданное. Однако, раз уж эта странная мысль меня все же посетила — мы будем обсуждать бал или считать взаимные обиды за два года?

Он выпрямил спину и посмотрел на меня в упор. Таким взглядом, что сразу стало понятно: «обиды» бывают у институток, порядочный муж на них не разменивается, а ведет себя как должно. Оплачивает счета, пока они по силам, нанимает лучших врачей, когда это необходимо, и помнит, что подобает снисходительно относиться к капризам второй половины.

Где-то я это видела. В зеркале?

— Не вижу предмета для обсуждения, — сухо сказал Андрей. — Бал пройдет на достойном уровне, так же, как и в прошлые разы.

— Так же, как и в прошлые разы — это как? — поинтересовалась я. — Тихон соберет меню, Серафима Карповна принесет тебе счета, ты подпишешь не глядя, потому что тебе не до того? А не до того тебе потому, что ты тащишь на себе всю губернию и задол... — Я ругнулась про себя. Трудно следить за речью, когда сама далеко не в лучшей форме. — Устал разбираться, почему в канцелярии опять не

закупили дрова или почему старший помощник младшего писаря пропил вторую чернильницу за месяц?

— У младшего писаря нет помощников. — Теперь холода в его голосе хватило бы для того, чтобы заморозить город. — Это все, что ты хотела мне сказать?

Вот только взгляд его показался мне слишком знакомым. Так смотрит на заполненный приемный покой врач, который уже отрубил сутки экстренного дежурства и обнаружил, что сменщик заболел и подменить желающих не находится.

— Но ты все же подпишешь не глядя счета в размере... — я прикинула суммы, — своего полугодового жалования. За один бал. И сколько из этих денег тебе возместит казна?

Андрей встал и шагнул к двери.

— Это тебя не касается. Твое дело — выздоравливать, набираться сил и не позорить мужа своим поведением. Остальное мои заботы.

И после этого что-то говорят о женской логике? Сперва «ты возьмешь на себя дела и хозяйство», потом «не твое дело?»

— Ошибаешься. Это мое дело, — прошипела я ему вслед. — Потому что до бала тринадцать дней. В прошлый раз к этому времени уже наняли музыкантов, договорились с дворянским собранием о помощи, согласовали меню и даже кое-что уже закупили и сложили в ледник. Сейчас есть только свечи и скатерти. Не уверена, что, если все оставить идти своим чередом, тебе удастся заткнуть все дыры деньгами.

Андрей остановился.

— Ты можешь оставить все как есть. Чтобы потом за твоей спиной шептались, как губернатор облажался и какая никудышная хозяйка губернаторша. Не экономка, заметь. Губернаторша.

— Облажался, — медленно, не оборачиваясь, повторил Андрей.

Он произнес это слово так, словно пробовал на вкус какую-то заморскую дрянь. Я внутренне застонала. Облажалась я. Второй раз за полчаса.

— Опростоволосился, — поспешно перевела я на понятный ему язык. — Сел в лужу. Не справился. Суть от этого не меняется. — Надо бы сменить тему. — Я, конечно, хозяйка так себе. Однако демонстрировать это всей губернии не намерена.

Он обернулся. Медленно, слишком медленно. Сел в кресло — чересчур аккуратно. Отточенным до миллиметра движением взял со стола чашку и отпил остывший чай.

Я смотрела на эти аккуратные отточенные движения. Такие бывают либо когда человек из последних сил контролирует себя, чтобы не убить собеседника — я не удивлюсь, если так и есть: мало кто любит, когда его тычут носом в собственные ошибки. Либо при запредельной усталости, когда организм переходит в энергосберегающий режим, прежде чем свалиться окончательно.

Два года он тащит на себе губернию. В том числе и за личные средства. Поначалу он еще пытался говорить с женой по душам, и кое-что я могла сейчас вспомнить. Воровство на подрядах. Недостроенные мосты. Дороги, что по весне превращаются в непролазное болото. Потом он перестал разговаривать с женой и нырнул с головой в работу. В присутствии надо решать, кому платить, кому отказать, кого наградить, а кого выгнать — и это позволяет не думать, что первенец в гробу, а жена при смерти. А заодно не думать о том, что, если она скончается, всем будет лучше.

Возможно, даже ей самой. Не слишком-то счастливым для Анны стало замужество.

— Начнем с суммы, — сказала я сухо.

Не стоит позволять эмоциям прорываться в голос. Тем более не стоит унижать губернатора жалостью.

— Я видела записи за прошлый год. Уложиться в те же деньги? Или в этом году возможностей больше?

Прежде чем составлять смету, не забыть вычестить уже потраченное. И хорошо бы придумать, как сэкономить, но чтобы гости не поняли, что мы экономим. Ни свечи, ни чай с сахаром есть не просят, лежат в сундуках до следующего раза.

— В ту же, — сказал Андрей. — Столовые деньги входят в жалование.

Значит, казна платит губернатору столько, чтобы можно было попрекнуть его представительскими, если что, но недостаточно, чтобы губернатор не опозорился в свете. А разницу он покрывает из своего кармана. Взятки Андрей не берет, даже не потому, что слишком честный — слишком гордый.

— И я был бы очень тебе благодарен, если бы сумма оказалась меньше прошлогодней. — Он криво улыбнулся. — Возможно, тогда я приду к выводу, что Господь не зря сотворил чудо.

Последнюю шпильку я решила пропустить мимо ушей. Если честно, я бы на его месте тоже усомнилась в благодати промысла божьего. С прежним вариантом жены проблемы хотя бы были очевидны и легко управляемы. А этот поди пойми что выкинет.

— Хорошо. Я могу сама решать, на что потратить эти деньги, или мне согласовывать с тобой каждую статью расходов?

— Найм оркестра большого императорского театра я считаю излишним. В остальном делай что хочешь. — Он добавил: — В пределах установленной суммы.

Хорошее уточнение. Главное, своевременное. Получается, он намерен взаимодействовать со мной примерно так же, как с экономкой: «возьми мои деньги и избавь меня от хлопот». Чего и следовало ожидать, и, положив руку на сердце, так мне самой будет проще.

— Люди? — продолжала расспрашивать я. — Кому я могу приказывать, не ожидая, что они тут же помчатся к тебе оспаривать мои распоряжения?

Он поморщился.

— Ты — хозяйка дома. В том, что касается дома, тебе должны подчиняться все.

«Должны, но не будут», — повисло в воздухе. Наверное, я могла бы сказать, что рыба гниет с головы и, если бы Андрей сам не продемонстрировал презрение к жене при прислуге, те бы не посмели ее игнорировать. Но машины времени нет ни у меня, ни у него, и потому попрекать прошлым нет смысла. И я просто внимательно смотрела на мужа. Сеанс спонтанной телепатии удался.

— Я напомню им об этом, если ко мне придут, — выдавил Андрей.

— Кто поговорит с Корсаковым, я или ты?

Дворянское собрание и его персонал — вотчина предводителя дворянства.

— У тебя хватит сил на беседу с ним?

— Приехать к нему с визитом — нет, — сказала я. — Но если он приедет к нам — сил у меня хватит.

— Он приедет.

— Спасибо. Еще одна вещь, где мне без тебя не справиться. Списки гостей и кого с кем рассаживать.

Приглашение на губернаторский бал — это живой табель о рангах. Кто обязан быть, кто имеет право быть — и неважно, что формально приглашения присылают всем дворянам уезда. Рассадка за столом на ужине — еще хуже. Мало того, что все будут смотреть, кто сидит ближе к хозяевам. Еще надо учесть, кто с кем в ссоре, кто в опале, кто на чье место метит и множество других неочевидных нормальному человеку нюансов.

Такими вещами должна была заниматься хозяйка дома. Однако Анна, мечтая о собственном салоне, думала только, как будет принимать восхищение собравшихся, совершенно не вспоминая, сколько невидимой работы ложится на хозяйку: там оживить беседу, а там, наоборот, притушить спор, позаботиться о том, чтобы в одной гостиной не оказалось непримиримых врагов, и так далее, и тому подобное. Я могла бы справиться, научный гадюшник ничем не лучше светского, но для этого мне нужно хоть немного знать местный свет, а Анна относилась с пренебрежением ко всем, кроме залетных гостей из Санкт-Петербурга.

— Завтра утром я пришлю тебе список гостей и план рассадки за столом, — сказал Андрей.

— Спасибо, — повторила я.

Он потер переносицу.

— Что-то еще?

— Ключи от кладовых. Точнее, их копии. Я не хочу унижать экономку, забирая у нее ключи...

Справедливости ради, экономка заслуживает премии за хорошую работу. Ее не увольнять надо, а перетаскивать на свою сторону. Предварительно дав понять, что возможности самостоятельно организовать себе премию у нее не будет. Чувствую, нервы мы друг другу еще помотаем.

— ... но и ждать, когда мне в собственном доме соизволят открыть кладовую и показать то, что хотят показать, я тоже не хочу.

— Копии ключей? — приподнял бровь он. — Чтобы через какое-то время экономка заявила, что в кладовой недостача потому, что барыня зашла со своим ключом и взяла все, что ей нужно?

Вот это я дала маху. Здесь ключи — символ статуса, а не просто железка, копия которой висит на вахте для удобства. Больше того, это материальная ответственность.

Я потеряла виски: голова начала раскалываться.

— Ты прав, а я сглупила.

Оставим ключи у экономки. Но мне нужно, чтобы я могла зайти в любую кладовую в любое время дня и ночи. Без предупреждения.

Андрей чуть прищурился, ожидая продолжения.

— Я не хочу ждать под дверью, пока Серафима Карповна соизволит найтись, одеться и принести ключи, — жестко сказала я. — И не хочу, чтобы она успевала навести порядок до моего прихода. Мне нужен приказ: по первому моему требованию кладовые должны открываться немедленно. Кем угодно, кому она доверит ключи, если сама занята. А если кладовая закрыта, а экономки нет — я распоряжусь выломать дверь, а стоимость замка и восстановления вычту из ее жалования.

Уголок его губ едва заметно дернулся — то ли в нервном тике, то ли в попытке скрыть усмешку.

— Радикально.

— И еще одно. — Семь бед — один ответ. — Распорядись, чтобы во все сундуки, лари, шкафы и подобное положили лист бумаги и карандаш. Что-то взяли из сундука, хоть иголку — сразу же записали на листе и тут же подсчитали остаток.

Он нахмурился.

— Это двойная работа. Зачем?

— Затем, что так проще учитывать и сверять расходы. И сложнее предъявлять господам идеальную картинку, далекую от реальности.

— Для подобных обвинений нужны веские основания. — медленно произнес он.

Я пожала плечами.

— Потому я и не обвиняю. — Просто настоятельно прошу улучшить систему учета.

Андрей ответил не сразу, и не надо было читать мысли, чтобы понять, что именно крутится у него в голове. Два года жена не интересовалась хозяйством, и экономка прекрасно держала дом. Согласиться с женой сейчас — показать экономке, что ее единоличная власть закончилась. Не согласиться — продемонстрировать, что

наемная прислуга в доме главнее жены. Возможно, в его представлениях о мире так и было. Но готов ли он заявить жене об этом прямо и, что куда важнее, выдержать неминуемые последствия?

Скандалить я, кстати, тоже умею. Не люблю, но умею. Видимо, Андрей понял это по моему лицу, а может, хватило прежнего опыта.

— Я распоряжусь. — Он встал. — С твоего позволения.

Он замер в дверях.

— Надеюсь, я об этом не пожалею.

Я пожала плечами. Не говори «гоп» и так далее, тем более что задачка у меня та еще. Тринадцать дней. Внушительная — в теории, но на самом деле не такая уж серьезная сумма. Экономка, которая скоро узнает: ее диктатура в доме закончилась. И муж, который мне не доверяет, но слишком задолбался тащить все на своем горбу единолично.

Отличный расклад. Просто превосходный.

Глава 26

Дверь за мужем закрылась. Я позволила себе откинуться на спинку кресла и прикрыть глаза.

Полторы недели до бала. В голове закрутились мысли: меню, приглашения, потоки еды, потоки людей, смета...

Стоп.

Я только что закончила один не очень простой разговор, и сегодня мне предстоит еще минимум два подобных. Мозгу надо переключиться. На что-то, у чего не будет двойного, а то и тройного подтекста, как при этих светских, чтоб их, беседах.

Скажем, на учетные книги Анниного — или теперь следовать думать «моего»? — имения.

Имение, конечно, громкое слово. Усадебный дом в один этаж с мезонином — подобные и в наше время можно встретить на старых городских улицах, пока их не снесли, чтобы понастроить человекоников. Какое-то хозяйство при нем. Немного барской пашни, луг, клочок леса и деревенька на шесть дворов — вот и вся Сосновка.

Раз в сезон приказчик присылал пухлый конверт с отчетом. Анна заглядывала в конец, ругалась, глядя на строку «убытки», и запиховала конверт в шкатулку, предназначенную для корреспонденции. Ее-то я и велела сейчас принести Марфе.

Крышка шкатулки подпрыгнула, едва я повернула ключик в замке. Вороху бумаг явно было тесно в ее недрах.

Я начала перебирать содержимое. Билеты в Каменный театр и Александринку с программками спектаклей. Карточки-приглашения на балы и приколотые к ним засушенные цветы, когда-то украшавшие платья. Анна перебирала их, как перебирают старые фотографии — когда ей становилось «тошно от провинциальных рож». Листы тонкой бумаги, исписанные бисерным почерком — от заклятых подруг, оставшихся в Петербурге. «Ах, ma chère, как жаль, что вы сейчас не с нами и не могли видеть великолепия этого бала!» Вырезки из *Journal des Demoiselles* и картонки с приколотыми кусочками кружев, бархата и шелка.

И где-то на самом дне этого архива неслучившейся жизни несостоявшейся светской львицы нашлись шесть плотных конвертов из дешевой серой бумаги, провонявшей табаком.

Я кликнула Марфу.

— Забери это барахло, — я указала на кипу бумаг и тканей, лежавших передо мной, — и сожги.

Она ахнула.

— Что вы, барыня, вы же...

Слишком часто барыня лила слезы над этим «барахлом».

— Сожги, — повторила я. — Старая жизнь закончилась. Начинаем новую с чистого листа.

Хотя кого я обманываю? Старая жизнь еще долго будет подкидывать сюрпризы, которые придется разгребать. Однако это не повод превращать комнаты в музей никому не нужного хлама.

Марфа с поклоном собрала бумаги и исчезла.

Я начала раскладывать отчеты приказчика, сортируя по датам.

Если эта недвижимость совершенно безнадежна, проще ее продать, а деньги положить в банк под процент или инвестировать... в смысле войти в долю к какому-нибудь купцу. Если же в имении все не так плохо, как казалось, значит, заставлю его приносить деньги. Так или иначе, у меня появится собственный небольшой капитал, не зависящий от настроения мужа.

Последнее письмо было датировано началом ноября. Я покопалась в памяти предшественницы, но то ли она не потрудилась запомнить такую мелочь, как отчет приказчика с итогами года, то ли он просто не приходил. Впрочем, зима еще не закончилась.

Осенний отчет даже лучше. Итоги хозяйственного года здесь подбивали поздней осенью, когда зерно не только обмолотили, но и измерили, излишки, если они были, продали на ярмарке или купцам и становилось более-менее понятно, на что придется жить до следующего урожая.

Я развернула листы. Почерк у приказчика, Прохора Ильича, был размашистый, с завитушками, но довольно разборчивый.

Недоимки — мужики в очередной раз не заплатили оброк. У одного корова сдохла, «боженька недоглядел», другой по пьяни избу спалил, и хорошо, что на соседние дома не перекинулось, третий упал и голову расшиб, полмесяца пролежал в самую страду... прямо не

деревня, а какое-то проклятое место, где ни одного дня без происшествий.

Сжато зерна... я совершенно ничего не понимала в урожайности пшеницы, ржи и прочей гречихи. Сам-полтора — это нормально? Кажется, чудовищно мало. Отложить на посев столько же, сколько засеяли в прошлом году, и остается треть урожая, на которую надо как-то жить. Даже не на продажу — на еду не факт, что хватит. Ленинградская область, в смысле окрестности Санкт-Петербурга, где стояло именье, конечно, находится в зоне рискованного земледелия, но это что-то уж чересчур рискованное.

Я подтянула к себе лист бумаги и сделала пометку. Во-первых, разобраться с нормами урожая. Во-вторых, если окажется, что приказчик не врет, велеть не тратить время на хлеба. Картошка тоже дает калории. Чтобы не делать ставку на монокультуру — о картофельном голоде в Ирландии слышала даже Анна — добавить ячмень, горох и репу. А барские земли засеять травой. Хорошей кормовой травой. В Санкт-Петербурге просто-таки стада лошадей. Извозчики, гвардия, выезды вельмож и прочих более-менее состоятельных горожан. И этим лошадям нужно что-то есть. К весне цена на сено должна взлетать до небес. Да и моим коровам не придется его покупать...

Стоп, что значит покупать? Я мрачно изучила слезный рассказ на пару страниц о том, как сено не смогли запасти: сопрело из-за дождей.

И как, спрашивается, проверить погоду в Петербурге прошлой осенью без интернета? Я ругнулась и перевернула страницу.

«От пяти коров за месяц август собрано масла сбитого — один пуд и два фунта».

Я моргнула. Потерла глаза, решив, что от усталости вижу что-то не то. Снова посмотрела на цифру. Один пуд и два фунта. Семнадцать килограммов с небольшим.

Жирность молока — пусть три процента. Жирность масла — пусть будет по ГОСТу, восемьдесят две целых пять десятых процента. Простейший подсчет показывает, что в семнадцати кило масла содержится примерно четырнадцать килограммов молочного жира. Это примерно четыреста семьдесят литров молока.

Пять коров. Тридцать один день. Сто пятьдесят пять корово-суток.

И выходит, что одна корова дает... Три литра молока в сутки? Нет, я, конечно, понимаю, что селекция так себе, до высокоудойных пород пока как до луны, но три литра в сутки с одной коровы?

Или это на масло оставили три литра, а остальное продали? Я еще раз просмотрела отчеты, но ни одного упоминания об этом не нашла.

Либо в желудках у моих коров черная дыра, в которой исчезает проглоченная трава, не перерабатываясь в молоко. Либо кое-кто держит меня за полную дуру.

Я сделала еще одну пометку на листе и двинулась по отчету дальше.

«Яйца куриные от двадцати несушек за месяц август собрано — сто двадцать штук».

Сто двадцать. От двадцати кур. За тридцать дней. То есть каждая курица соизволила снести по шесть яиц за месяц. Даже курица породы «деревенщина вульгарис», которая знать не знает, что такое комбикорм, и выковыривает червяков из земли во дворе, должна нестись хотя бы раз в два дня.

Они там что, в Сосновке, организовали забастовку несушек в связи с тяжелыми условиями труда?

Я отложила карандаш, слепо глядя на исчерченные завитушками листы.

Серафима Карповна, если и воровала, делала это красиво, прикрываясь идеальными отчетами. Ее нетрудовые доходы были своего рода смазкой для прекрасно работающего механизма.

Прохор Ильич крал нагло и тупо, совершенно уверенный в собственной безнаказанности. В самом деле, зачем мудрить, если барину в Санкт-Петербурге интересны только собственные карточные долги и кто следующий получит «Анну на шею» (нет, не светлоярский губернатор, тот свою уже получил, не знает, как теперь скинуть). А молодая барыня в Светлоярске падает в обморок от запаха навоза, и она точно не приедет проверять, действительно ли коровы не доятся, а куры не несутся.

И теперь мне чрезвычайно интересно, действительно ли в деревеньке шесть дворов? И сколько душ там в действительности?

Я собрала бумаги в конверт.

Продать имение? Чтобы этот прохвост, пока я его продаю, выжал остатки — и обеспечил своим дочерям многотысячное приданое из

моего кармана?

Я мысленно ругнулась. В прошлой жизни я бы дождалась, когда пройдет бал, купила билет на самолет, потом на автобус и нагрянула к управляющему с аудитом. В сопровождении пары крепких мужчин из вневедомственной охраны, чтобы неизвестные лица не тюкнули по голове в темном переулке ради сумочки и телефона в ней — а на самом деле по другой причине. В этой реальности пока дождешься, чтобы дороги просохли, пока доедешь...

Нет, так дело не пойдет. Я сама не могу быть в десятке мест разом, поэтому придется немного подумать.

Я пододвинула к себе бумагу и чернильницу.

Первая записка — Степану.

«Степан Прохорович, будьте добры, возьмите из кабинета барина подшивку „Санкт-Петербургского вестника“ и „Северной пчелы“ за июль-сентябрь и пришлите мне. И еще мне бы очень помогли ваши советы по поводу масленичного бала».

С этими нашими интернетами я совсем забыла про газеты. Андрей как губернатор обязан быть на них подписан. В «Северной пчеле» есть раздел «Метеорологическая обсерватория» со сводками погоды в Петербурге. Да и «Санкт-Петербургский вестник» о разделе с погодой не забывал. И уж затяжные дожди, погубившие сено в окрестностях столицы, упомянут все.

Дальше. Мне нужна информация не от приказчика, а от кого-то независимого. Написать соседям-помещикам? Я усмехнулась, вспомнив рассказы знакомых бизнесменов о рейдерских захватах. Сосед, если он не живет безвылазно в Петербурге, а занят своей усадьбой, — первый желающий откусить от бесхозной земли. Узнает, что хозяйка за тысячу верст и ничего не смыслит в управлении, — начнет рубить мой лес или втихую договорится с приказчиком об аренде моих покосов за копейки. Нет, сосед сдаст вора только в одном случае: если сам захочет посадить кого-то на его место, купив Сосновку за бесценок.

Значит, попробуем другой вариант.

Я извлекла со дна шкатулки вводный лист — местный аналог выписки из Росреестра на право владения недвижимостью. Деревня Сосновка, состоящая в приходе церкви Архистратига Михаила села Заболотья Петербургского уезда.

Приходской священник знает все: кто действительно потерял корову, кто сжег избу по пьяни, а кто благополучно продал сено на сторону и поделился с приказчиком. Идеальный аудитор, которому даже не нужно платить за аудит. Достаточно сделать щедрое пожертвование на храм. И обоснование безупречное: «Господь по великой милости Своей исцелил меня от смертельной болезни, и, лежа на одре, я осознала, как мало пеклась о душах и телесах малых сих, вверенных моему попечению.»

Адрес я возьму из межевой книги, а имя священника...

Я опять достала отчеты Прохора Ильича, начала просматривать их, выискивая нужную статью расходов. Есть! «Отцу Илариону на нужды храма и свечи от лица барыни»

Я обмакнула перо в чернильницу.

«Ваше Преподобие, отец Иларион. Пишет вам недостойная раба Божия Анна...»

Глава 27

О портнихе доложили, как раз когда я запечатывала письмо деревенскому священнику. Мадам Дюваль вплыла в спальню в облаке фиалковых духов и с выражением вдохновенного творца на лице. Творца, бесконечно далекого от таких суетных земных вещей, как итоговый счет за платье.

Однако как ни старалась портниха изобразить томную жрицу моды, за этой показной томностью прорывалась деловитая манера хищника, почуявшего вкус свежей крови... в смысле, денег. Две помощницы, вошедшие с ней, поставили на пол по большой коробке каждая и с поклоном удалились, не проронив ни слова.

— *Madame la Gouvernante!* — Она не тратила время на глубокие реверансы. — Рада видеть вас на ногах. Известие о вашем выздоровлении — это вызов моему модному дому. Десять дней до бала! Для любой другой портнихи это была бы катастрофа, но я уже представляю образ. Мы сделаем ставку на вашу бледность...

Говорила она на чистейшем, пулеметном французском, и я мысленно поблагодарила память предшественницы: мой мозг переключился с русского почти мгновенно.

— *Bonjour*, мадам, прошу вас. — Я жестом указала ей на второе кресло.

Пожалуй, напоминать о том, что времени осталось немного, однако все же побольше десяти дней, не стоит.

Дюваль вынула из одной коробки папку, раскрыла ее и начала раскладывать передо мной картонки, к которым были приклеены листы из модных журналов. На многих сразу были подколоты образцы тканей, кружев и лент.

— Я из кожи вон вылезу, но сделаю так, чтобы вы были звездой этого бала...

«...и возьму тройную оплату за срочность проекта», — хмыкнула я про себя. Градов не зря скрипел зубами, когда за обедом зашла речь о портнихе. Даже в губернаторском бюджете бальные платья от Дюваль пробивали брешь размером с каретный сарай.

Ничего не имею против повышенной оплаты за срочность и за сервис, но сейчас меня не интересует ни то, ни другое.

Я вернула вырезки на стол, даже не взглянув на них.

— Давайте оставим развлечения на десерт, — сказала я. — Сейчас мне куда важнее простые повседневные вещи.

Дюваль осеклась, озадаченно моргнув. Видимо, по сценарию я должна была вцепиться в атласные ленты и умолять любыми средствами восстановить мой статус первой красавицы уезда.

— Но... бал! Если вы хотите успеть, мы должны сегодня уже раскроить ваше платье и начать шить!

Да уж, даже на швейной машинке прострочить эти бесконечные метры юбок — дело небыстрое. А уж ручками...

— Никто не умрет, если я явлюсь на бал в одном из старых платьев, — пожала плечами я.

Кажется, с «никто» я погорячилась. Станцуй я канкан на хирургическом столе в разгар консилиума, эффект был бы не таким сногшибательным. Мадам Дюваль открыла рот и схватилась за сердце. Впрочем, я бы тоже на ее месте схватилась: такой гонорар вот-вот уплывет.

— Во-первых, мне нужна пара утренних платьев, — начала я.

Краска вернулась на щеки портнихи. Все же она попыталась направить меня на путь истинный:

— Я помню, вы показывали мне чудесные утренние платья. Неужели домашний наряд важнее впечатления, которое вы произведете на свет?

— Не утренние, — поправила я ее. — У меня есть дневные платья.

Утренние платья — местная разновидность халата. Застежка спереди, свободная талия, никакого корсета. В них прилично выпить кофе с утра, заглянуть к мужу обсудить домашние дела, строить прислугу. Но если кто-то придет с визитом, утреннее платье уже не годится. Поэтому Анна их и не шила. С самого утра она затягивалась так, словно с минуты на минуту ожидала визита государя императора — ну, или она делала все чтобы у мужа не возникло соблазна смотреть на других, более нарядных дам.

— А мне нужно утреннее, — продолжала я. — Свободное и спокойное. Но такое, в котором не стыдно принять управляющего или

выйти к прислуге. С практичными рукавами: достаточно просторными, чтобы не стеснять движений, но не слишком широкими, чтобы то и дело не обмакивать их в соус.

— О! Тогда позвольте... — Она достала чистый лист и начала быстро рисовать.

На утренних платьях не сделаешь себе имя и рекламу, но гонорар получить можно, и этот гонорар она собиралась отработать.

— Дальше, — сказала я, когда мы утвердили два эскиза и ткань. — Дневные платья, как вы знаете, у меня прекрасны. Однако у них есть один критический недостаток: их невозможно надеть без помощи горничной. А я поняла, что не хочу ни от кого зависеть. Поэтому мне нужно два новых, с застежкой спереди.

Мадам Дюваль подняла взгляд от блокнота, в котором стремительно чиркала карандашом.

— Без помощи горничной? Это... необычно для дамы вашего статуса.

В самом деле: одеваться самой, будто крестьянка какая-то?

— Зато практично, — пожалала плечами я, не желая начинать дискуссию о статусе и феминизме. — И обратите внимание на проймы рукавов. Я должна иметь возможность поднять руку, когда мне это необходимо.

— О! — в который раз повторила портниха. Кажется, она никак не могла сообразить, зачем губернаторской жене размахивать руками, пусть даже дома.

— К слову, о практичности, — добавила я, наблюдая, как она делает пометки на эскизе. — Я слышала, сейчас появились швейные машины. Говорят, они делают строчку в десятки раз быстрее человека. Наверное, это очень помогает в работе.

Лицо мадам Дюваль перекосило так, словно я предложила ей подать на балу прошлонедельные щи.

— Машина? — Она произнесла это слово с непередаваемым презрением. — *Mon Dieu*, мадам! Эта бездушная железка годится разве что строчить солдатские рубахи и брезент для обозов! Истинное платье создается только руками живых мастериц. В каждом стежке — душа, мысль, индивидуальность! Машина никогда не вложит в работу душу. Мой модный дом ни за что не опустится до таких ремесленных поделок!

Я едва сдержала улыбку, напомнив себе, что не время дискутировать о промышленной революции.

— Как скажете, мадам, — примирительно кивнула я. — Вернемся к нашим платьям. Я хочу, чтобы они садились на облегченный домашний корсет, который мне тоже понадобится.

Как бы я ни относилась к этому сооружению, был у него один плюс. Жесткая конструкция держала вес множества юбок, распределяя его более-менее равномерно. Своего рода экзоскелет. Главное, его не затягивать.

— Но фигура... линия талии в домашнем корсете не так изящна!

Я не могла сказать, будто я совсем ее не понимала. Дома тоже хочется быть красивой. Однако если даже дома приходится все время быть затянутой так, что невозможно дышать — зачем такой дом нужен вообще?

— Я готова потерпеть гипок... невозможность как следует вдохнуть часок-другой по какому-нибудь случаю. Но не собираюсь падать в обморок по три раза в день ради идеального силуэта.

Мадам Дюваль молчала добрые секунд пять. В мире, где талия в сорок сантиметров считалась проявлением благородства происхождения, а обморок — неотменяемым признаком принадлежности к женскому полу, мои слова звучали ересью.

— Это так непохоже на вас, — медленно произнесла она.

— Тяжелая болезнь и потери несколько меняют взгляды на жизнь.

— О, мадам! — В ее голосе прорезалось профессиональное сочувствие. — Вы так молоды, а уже такое испытание! Господь милостив: он сохранил вам жизнь, а чистая душа вашего малыша наверняка умиляется вам с небес.

— Не сомневаюсь в благодати Господней, — кивнула я. — Однако вы понимаете, что после такого пойти на бал в новом платье было бы несколько... неаккуратно. Если бы не обязанности хозяйки дома, я бы вообще пропустила бал, однако *noblesse oblige*...

— О да! Свет так жесток и несправедлив! — закивала она. — Никто не оценит ваше самопожертвование, зато все скажут...

— Что губернаторша совсем потеряла всякий стыд, выйдя красоваться через три недели после смерти младенца, — договорила я за нее. — Несмотря на то, что официально я не в трауре. Теперь вы понимаете, почему я считаю новое платье совершенно неподобающим.

Мадам Дюваль помолчала. Казалось, еще немного, и я увижу, как в ее глазах мелькают цифры калькулятора.

— Вы совершенно правы, — сказала она наконец. — Новое бальное платье сейчас было бы... нет, не просто неаккуратно. Это было бы ошибкой. Я рада, что вы это понимаете, мадам, далеко не каждая дама на вашем месте устояла бы перед соблазном.

Если портновское мастерство она освоила хотя бы вполовину так же хорошо, как высокое искусство переобуваться в прыжке, то понятно, почему она стала самой дорогой портнихой в губернии.

— Однако позвольте спросить: когда вы в последний раз примеряли ваши бальные платья?

— Никогда, — пожала плечами я. — Вы же знаете, я считала, будто дважды появляться в одном и том же обществе в одном и том же платье — дурной тон.

Так что у меня теперь здоровенный сундук один раз надетых бальных платьев. Жаль, я не селебрити: пустила бы их с молотка и заработала бы целое состояние.

— Мадам, простите меня, но я буду с вами откровенна так, как, наверное, бывает откровенен только врач или священник. На платье к рождественскому балу мы с вами подтягивали талию повыше, чтобы скрыть ваше деликатное положение. С тех пор много воды утекло. Ваша фигура по-прежнему прекрасна, но она изменилась...

Я хмыкнула. Еще бы не изменилась. Я шагнула к зеркалу, в которое все это время избегала смотреть, чтобы не шарахаться от незнакомки. Что ж, пора оценить, что мы имеем.

Круги под глазами, кажется, стали меньше по сравнению с первым днем, когда я встала. Волосы тусклые и здорово поредели. Это объяснимо и со временем наверняка исправится, но все же неприятно. Щеки ввалились, как и ямки над ключицами, в декольте торчат ребра. На вид болезнь стоила этому телу килограммов десять.

— Несомненно, вскоре вы вернете себе прежние прекрасные формы, — поторопилась успокоить меня Дюваль. — Однако сейчас платье будет сползать с плеч, а пустоту в лифе невозможно заполнить, даже если подшить изнутри оборочки. Разве что, по примеру наших бабушек, сделать вам восковый бюст.

Я хихикнула: оказывается, фальшивая грудь — не изобретение последнего времени.

— Платье можно подогнать. — Я развернулась к ней.

— Разумеется. Но я бы осмелилась предложить вам подумать еще раз. Вы правы, выйти в новом платье — дать повод для пересудов. Но появиться на балу в платье, которое весь местный свет успел и оценить, и обсудить, а кое-кто — и скопировать, значит показать всем, что вы не успели оправиться после болезни.

— Но это правда.

Да после такой болезни за две недели и терминатор не оправится.

— Мадам, кого интересует правда? Одни скажут, что вы запустили себя. Другие — что у вас совсем нет сил. Третьи — что его превосходительство не может позволить себе заказать жене новое платье. И неважно, что те же самые люди прекрасно помнят, сколько стоили ваши прежние наряды: злые языки не утруждают себя логикой, мадам. — Она тараторила, не давая мне вставить ни слова. — Между прочим, вдова Белозерова заказала у меня роскошное платье для своего первого выхода после траура. Она считает, что после такого перерыва весь свет будет смотреть на нее. Но, мадам, вы же понимаете... — Она выдержала паузу. — На самом деле все и всегда смотрят на губернаторшу.

Я рассмеялась. Ай да мадам Дюваль! Я ей про траур и скромность, она мне про репутацию и положение. И надо признать — она меня переиграла. Дамы действительно смотрят, выйти в старом — и правда дать повод для пересудов.

— Вы предлагаете...

— Переделку. Раз уж ваши платья все равно придется подгонять по фигуре, давайте подправим и фасон. Скажем, ваши плечи можно укутать газом. Он сейчас в моде в Париже. Только представьте это невесомое облако, которое деликатно показывает красоту вашей кожи и при этом скрывает... некоторую худощавость.

Торчащие кости, так бы и сказала.

— Марфа! — окликнула я. — Вели принести сюда сундуки с моими платьями.

Вскоре вся спальня оказалась покрыта разноцветными шелками.

— Пожалуй, вот это, — указала я на платье глубокого синего цвета. — Вы говорили: газ?

— К этому будет хорошо лиловый. — Портниха вытащила платье на свет и извлекла из коробки отрез лиловой дымки.

Я погладила рукой прохладный шелк. Пожалуй, надеть его будет приятно.

— Столько кружева ведь уже не носят? — поинтересовалась я, разглядывая подол платья.

— Да, сейчас в моду возвращаются воланы. — Она достала из своей папки еще пару рисунков. — Мы заменим ими кружево, а верх задрапируем вот так...

И мы углубились в обсуждение фасонов.

Глава 28

Мадам Дюваль удалилась, оставив за собой фиалковый шлейф. Я откинулась на спинку кресла, прикрыв глаза. Счет будет внушительным, но все же не безумным. И когда у меня появятся платья с застежкой спереди, я не буду чувствовать себя куклой, полностью зависящей от чужих рук.

Скоро начнет смеркаться. Позволить себе подремать полчаса с риском проснуться ночью и не уснуть или сейчас потерпеть, доделать оставшиеся дела и лечь спать пораньше? От мук выбора меня избавил осторожный стук в дверь.

— Барыня, там Степан. Говорит, вы изволили его звать.

В голосе горничной слышалось безмерное удивление — даже не тем, что барыне понадобился камердинер мужа, а его появлением.

— Да. Проси.

Степан поклонился.

— Вы изволили просить газеты, Анна Викторовна. — Он положил на стол две пачки, аккуратно перевязанные лентой крест-накрест.

— Спасибо, — сказала я. — И отдельное спасибо за то, что не стали откладывать дело в долгий ящик.

В самом деле, пришел и принес то, что просили, как только понял, что я освободилась.

— Служба, Анна Викторовна. — Он чуть помедлил. — Вы изволили написать: «Буду благодарна за совет». Если угодно меня выслушать.

— Выслушаю непременно, — согласилась я. — Во время экскурсии по дому, которую вы для меня проведете.

— Прошу прощения?

— Я хотела бы, чтобы мы вместе прошли так, как если бы мы были гостями на балу, и посмотрели, где могут быть проблемы.

Степан подобрался.

— Не извольте беспокоиться, барыня, никаких проблем мы не допустим. Как и всегда.

— Не сомневаюсь, что все будет на высоте, — кивнула я. — Однако, раз уж его превосходительство в этот раз решил полагаться на меня, не хотелось бы его подвести.

В переводе на русский — раз уж барину пришла в голову блажь дать жене власть, верный слуга должен помочь барыне не опозорить барина.

— Как вам будет угодно, — сдался камердинер.

Чтобы встать, пришлось опереться на ручки кресла, и они жалобно скрипнули под моим весом.

— Степан, мы ведь всегда приглашали для бала дополнительных слуг, так? — спросила я, пока мы шли к парадному входу в дом.

— Да, Анна Викторовна.

— Вы можете распределить наших и приглашенных так, чтобы наши не контактировали с едой?

Он изумлено моргнул, я мысленно ругнулась и попробовала объяснить.

— У нас полдома лежит и животом мается. Такая хворь коварна: бывает, что человек уже на ногах, а зараза у него в кишках сидит. Кто-нибудь после сортира руки не помоеет, и полгорода после губернаторского бала сляжет. Неловко получится.

Степан закашлялся, я снова ругнулась про себя: барыне не пристало говорить о таких низменных вещах. Пусть даже с прислугой — но противоположного пола. Мог бы уже и привыкнуть после моего предыдущего выступления, когда я трясла его за грудки и пророчила, что из-за его самоуправства барин обделается при всем честном народе. Во всех смыслах.

— Вы изволили сами это... установить? — осторожно спросил Степан.

— Доктор, пользовавший матушку, как-то рассказывал, — соврала я. — Давно. Я еще девочкой была, услышала то, что для моих ушей не предназначалось. И запомнила.

— Понятно. — Камердинер заметно расслабился. — Распоряжение ваше разумное. Я подумаю, как это устроить.

— Думаю, всем работы хватит.

— Это само собой, — кивнул он.

Мы остановились в вестибюле, у входной двери. Вот и первое «бутылочное горлышко». С пробкой, которая неминуемо возникнет на

улице, я ничего сделать не смогу. Гости будут подъезжать к самому входу: не идти же дамам в атласных туфельках по снегу. Но следующий затор образуется в вестибюле. Кто-то скинет одежду на руки собственному лакею: тот отнесет ее в сани, а сам отправится в ближайший трактир ждать, когда господа изволят вернуться, но все же большая часть устроит классическую очередь в гардероб после спектакля. Или перед спектаклем, как в нашем случае.

— Сундуки подготовят, — заверил меня Степан. — Номерки тоже.

Ни одному человеку не под силу запомнить одежду двухсот гостей. В хороших домах, где давали большие балы, поступали как в театрах. Только не вешалки с номерами и жетон, а парные костяные жетончики с цифрами. Один — на одежду, другой — гостю в руки.

— Хорошо, — сказала. — Поставим троих? Еще лучше — четверых.

— Они будут толкаться у сундуков и мешать друг другу.

— Не будут, если и сундуки распределить и поставить в разных углах. Сколько шуб влезает в один?

— Дюжина.

— Значит, шестнадцать сундуков. Тогда лучше четыре лакея при четырех сундуках каждый. Смотри. — Я начала показывать. — Ставим четыре сундука так, чтобы люди и гости не толкались. У каждого сундука стоит свой лакей. Жетоны не лежат в одной куче, а заранее раздаем лакеям по порядку. Первому один-пятьдесят, второму пятьдесят один-сто и так далее, понимаешь?

— Когда заполняем сундук, подписываем на нем мелом номера первого и последнего гостя и уносим его в галерею, правильно я вас понял? — сообразил Степан.

— Именно, — кивнула я. — Лакеи не мешают друг другу, гости быстро освобождаются от одежды, а потом, когда они начнут разъезжаться, не придется долго искать, в каком сундуке что лежит. Согласен?

— На прежних балах так не делали, — медленно произнес он. Достал из кармана жилета записную книжку и что-то чиркнул карандашиком. — Как раз сюда можно поставить наших. Кто цифры знает и сможет мелом написать.

— Еще одно. У входа в галерею поставить двух бойких девок со стороны моих комнат и двух парней со стороны покоев Андрея

Кирилловича. Чтобы те, кто впервые в доме, не искали путь в дамскую и мужскую комнаты.

А заодно побыстрее вывести всех из вестибюля. В дамскую комнату превратим на время мой будуар — чтобы дамам было где поправить чулок или прическу, сменить перчатки, просто присесть отдохнуть. Вот пусть там дамы и прихорашиваются, а не толпятся у зеркала, мешая вновь прибывшим.

— Таких будет немного, стоит ли выделять на них сразу четырех человек? — спросил Степан.

— Они станут вежливо спрашивать всех, и намекнут тем, кто уже бывал в доме, что не стоит задерживаться у входа.

Степан, чиркнул карандашиком.

— Как всегда, в малой гостиной карточные столы для дам?

— Да. А на территории барина — помещения для мужчин.

Пожилые дамы приезжают на балы посплетничать, а не потанцевать, а еще они быстрее устают. Карты — это вполне респектабельно, главное, не смешивать мужское и дамское общество. На половине Андрея гостям уступят его приемную и кабинет.

— Много ли там будет свечей? — поинтересовалась я.

— Как всегда, на столах достаточно, чтобы никому не пришлось в голову спутать масть. — Степан едва заметно улыбнулся. — В дамской комнате — у зеркал.

Необходимый минимум, тут урезать некуда. Значит, движемся дальше. Мы прошли из вестибюля в большую гостиную.

— Здесь мы поставим кондитерский буфет, как и в прошлый раз. — Степан указал на пространство у прохода из гостиной в зал, где будут танцы. — Если вы не желаете что-нибудь переменить.

Я прислонилась к косяку.

— Разве что освещение. Большая люстра в гостиной прекрасна во время приемов. Однако на балу в зале, где не танцуют, она кажется мне излишней.

— Мы не можем держать гостей в темноте, — возразил Степан.

— И не будем. Осветим буфетный стол, а у противоположной стены оставим минимум света. Как мне кажется, отдыхающие дамы предпочли бы полумрак: он сглаживает морщины и позволяет вести доверительные беседы.

Степан хмыкнул.

— Зато у буфетного стола можно поставить канделябры на много свечей, — продолжала я.

— Не уверен, — задумчиво проговорил Степан. — Если возникнет толчея, их могут уронить.

— У кондитерского буфета редко бывает толчея. Кавалеры хотят произвести впечатление на дам и ведут себя прилично. Не то что у закуского буфета.

— И все же я позволю себе напомнить, что такое возможно.

Пожалуй, он прав. Махнет какая-нибудь дама хвостом, в смысле юбкой, да и снесет свечи прямо себе на подол. Так погибли две сестры Оскара Уайльда.

— Хорошо, тогда я предлагаю сдвинуть стол чуть в сторону. Вон под тот настенный канделябр на шесть свечей, — указала я. — И, к слову, если повесить дополнительные зеркала, света будет больше.

Степан еще раз огляделся.

— Стол передвинем. Однако зеркал у нас не так много. Я бы предложил добавить их в бальной зале. Там должно быть светло и празднично.

— А не знаешь ли ты, у кого можно занять зеркала на денек-другой?

— Прошу прощения?

— У вас, слуг, свои связи куда лучше, чем у господ. Вы знаете, где господу поссорились, а где помирились, еще до того, как сами господа это устроят.

Степан остался невозмутим, но во взгляде промелькнуло что-то похожее на удовлетворение. Барыня перестала считать прислугу говорящей мебелью. Наверное, в этом есть и его, Степана, заслуга.

— Можешь ли ты попросить своих знакомых об одолжении? — спросила я. — И если можешь, то что оно будет стоить нашему дому?

Он молчал чуть дольше, чем нужно было для простого «да» или «нет».

— Устроить можно, за малую мзду для тех, у кого мы эти зеркала будем просить. У кого именно — не стоит вам в голову брать. Однако я должен спросить дозволения у Андрея Кирилловича.

— Разумеется, — кивнула я. — Вернемся к буфетам.

Я с сожалением отлепилась от дверного косяка и прошла через весь большой зал к противоположной двери, между ним и столовой.

— Буфетный стол здесь, как всегда, — указал Степан.

И вот у этого буфета — с холодными закусками — как раз таки и будет толчея. Многие кавалеры, вроде Петра Семеновича, приезжали на балы не танцевать, а как следует поесть. И плевать им, что хозяину дома приходится отдуваться за себя и за того парня, следя, чтобы дамы не оставались стоять у стеночки слишком долго.

Значит, надо сделать так, чтобы толпиться у стола было неудобно. И ковыряться, выбирая блюда, тоже.

— Давай разделим столы. На одном закуски, на другом вина. И за столом с закусками поставим самое большое зеркало.

— Прошу прощения? — поднял брови Степан.

— Ну смотри. Кавалер тянется за очередной закуской и видит свое отражение. Хорошо освещенное. Крошки на усах, лоснящиеся щеки... и тут понимает, что видит это не только он.

Камердинер закашлялся в кулак. Обжорство — грех, и неважно, что при традиционном русском гостеприимстве избежать его практически невозможно. Обжорство публичное — верх неприличия. Увидеть себя со стороны в момент «грехопадения» и осознать, что видят это и все, кто рядом...

— Сделаем-с, — сказал Степан.

— А чтобы кавалерам не было возможности окапываться у стола, набирая полные тарелки закуски, уберем тарелки вообще.

— Помилуйте, Анна Викторовна, как им кушать прикажете? С салфетки?

— Канапе на шпажках, тарталетки, волованы. Все на один укус.

— А дамы?

— Да, ты прав, — пришлось признать мне. Привыкла, понимаете ли, к торжеству феминизма, когда дамы не только сами себе закуски берут, но и за кавалерами ухаживают. — Значит, тарелки, но надо сделать так чтобы можно будет быстро положить и отойти. Впрочем, об этом я с Тихоном поговорю. Скажи мне лучше, много ли приходящая прислуга ворует вина?

Степан нахмурился.

— Следим по мере сил, но долго ли в суете бутылку под фрак сунуть да отлучиться, чтобы приятелю передать? Воруют. Сколько именно — не могу сказать.

Я кивнула. Воспитывать нанятых на один вечер людей бесполезно, взывать к их совести — тоже, они считают это не кражей, а чаевыми. Но одна бутылка шампанского стоит четыре рубля, и сколько из них не выпьют, а вынесут — вопрос.

— Значит, пустые бутылки будем принимать по счету. И всю недостачу вычтем у тех, кто в буфете стоял и вино к буфету носил.

— Взбунтуются, — с сомнением покачал головой Степан. — И на следующий бал мы людей не найдем.

— Ты объявишь им условия сразу же. И добавишь, что, если счет сойдется, накинешь чаевые. Сколько — решай сам. Чтобы и прилично было, и вышло дешевле, чем украденное вино. Вряд ли его перепродают за полную цену.

— Это мне тоже надо у барина разрешения спросить.

— Конечно.

— А еще лучше все, что можно налить в графины, разлить по графинам. Заодно и вино взять попроще.

— Шептаться будут, Анна Викторовна. Дескать, совсем губернатор обнищал, дешевое вино покупает.

Я хмыкнула, припомнив, как меня когда-то занесло на слепую дегустацию.

— Большинство людей без этикетки не отличит французское от цимлянского. К тому же проявить патриотизм тоже неплохо. Мы не будем никого обманывать. Просто не будем выпячивать марку вина там, где можно ее не выпячивать.

Донское игристое, между прочим, было не хуже французского, и ценителей на него находилось предостаточно.

— С вашего позволения, я обговорю это с Тихоном, — сказал Степан. — Беспокоить барина сортами вин, пожалуй, не стоит.

— Согласна.

Мы обошли зал, обсудили, куда поставить дополнительные зеркала, если Степан сумеет их раздобыть, и во что обойдутся воротнички из бумаги на свечи, чтобы горячий воск не капал дамам в декольте.

Степан с поклоном удалился. Я была уверена, что верный камердинер пойдет к Андрею обсуждать причуды барыни. Но с этим я уже ничего не сделаю, как и с тем, подтвердит Андрей распоряжения или нет. Мое дело — предложить. Стоило ли стараться ради экономии

чужих денег? Учитывая, что своих доходов у меня нет и банкротство мужа ударит и по мне, ответ очевиден.

Я проводила взглядом Степана и отправилась через буфетную в вотчину Тихона.

Глава 29

Повар поклонился, когда я появилась в дверях.

— Я присяду, с вашего позволения, — сообщила я.

Сил едва хватило, чтобы не плюхнуться, а относительно изящно опуститься на лавку. Поняв, что я надолго, Тихон глянул на одного из мальчишек, и тот тут же занял его место у плиты.

— Слушаю вас, Анна Викторовна, — еще раз поклонился Тихон.

— Я пришла обсудить меню и вина к балу, — сказала я. — Найдете время или мне зайти позже?

— С чего желаете начать?

— Наверное, с вин. Расскажите, что собираетесь подавать и с чем?

Тихон ответил не сразу. Судя по его лицу, моя просьба выглядела примерно так же, как если бы меня попросили «коротенько, в пару слов» рассказать о принципах ведения осложненных беременностей. В смысле — всех возможных осложнений беременности.

— Позвольте по порядку, Анна Викторовна. К кондитерскому буфету подают одни вина, к буфету с закусками — другие, к обеду третьи. И вы изволите выслушать только про вина или про водки тоже?

Если он надеется, что я уйду, не пожелав вникать, — зря. Правда, задачка, похоже, посложнее, чем мне показалось изначально.

— Вина и водки? Все во множественном числе? Мы точно не собираемся спить весь уезд за один вечер?

— Что вы! — возмутился Тихон. — Это же не купеческое застолье, где полуштофами меряют! По рюмочке, водочной или винной, и то не каждую перемену каждый гость притронется.

— Но все же в пересчете на двести персон получается немало.

Тихон развел руками — мол, куда деваться.

— Ладно. — Я вздохнула, поняв, что с Тихоном придется обсуждать не меньше нюансов, чем со Степаном. — Давайте начнем в том порядке, в каком гости будут двигаться по дому. С кондитерского буфета.

— К кондитерскому буфету, Анна Викторовна, полагаются вина десертные. Мускат — он, как поэты говорят, по вкусу дамам

восхищенным. Малага, токайское. Ликеры — мараскин, кирассо. Шампанское, само собой, дамы его с пирожными любят.

— Все — французское, правильно я понимаю?

— Как в хороших домах и полагается.

А еще в хороших домах полагается тратить деньги без счета, чтобы в конце концов наследникам остались только долги, полной суммы которых не знал и сам почивший.

— Скажите, Тихон, крымский мускат намного хуже французского?

Пауза снова оказалась чуть дольше, чем должна бы.

— Между нами говоря, Анна Викторовна, мускат и лакрима кристи из экономий князя Воронцова ничуть не уступают французским, в этом все знающие люди сходятся. Но где знающие люди, а где публика.

— А разница в цене? — продолжала уточнять я.

— Ежели хорошие брать и тот и другой, то крымский в десять раз дешевле. — Он покачал головой. — Анна Викторовна, вы даже об этом не думайте. Подадим крымский мускат на губернаторском балу, разговоров не оберешься.

— Разговоров о чем? О том, что губернаторша, следуя заветам государя нашего, отдает предпочтение отечественному? В Петербурге дамы при дворе по высочайшему указу вот уже лет пятнадцать носят сарафаны и кокошники.

Сарафан, конечно, «офранцуженный», а кокошник — стилизованный, но не будем вдаваться в детали.

— Неужели кто-то скажет, что государыня одевается так от бедности?

Тихон моргнул. Потом еще раз. А потом медленно расплылся в улыбке.

— До гостей вы это сами донесете, Анна Викторовна?

Я тоже улыбнулась.

— Начнете вы. Когда станете заказывать купцам вино, заметите, как бы между делом, дескать, государь желает, чтобы его подданные отдавали предпочтение отечественному. Вот губернатор и отдает.

Тихон хмыкнул.

— Скажу, как не сказать. Только мускат в графины не перельешь, это убьет аромат. Придется так в бутылках и выставлять. Все увидят,

что не французский.

— Пусть видят. И крымский мускат, и цимлянское игристое, лозу для которого казаки Платова из самой Шампани привезли.

Православие, самодержавие, народность. Первое и второе не моего ума дело, а народность вполне может включать в себя цимлянское по рублю с полтиной вместо шампанского за четыре.

— Губернатор как верный государев слуга не может идти против высочайших распоряжений. Сказано «отечественное», значит, отечественное, — важно кивнул Тихон.

Определенно, мы друг друга поняли.

— А чтобы никто не подумал лишнего, поставим и французское шампанское. Но готова поспорить, многие гости — не дураки, сообразят, куда ветер дует.

— Обязательно сообразят-с. Еще и сами нахваливать начнут, чтобы перед губернатором выслужиться. Сделаем, Анна Викторовна. Крымский мускат и донское игристое. Дозволите ли ими не только на этот бал, но и про запас закупиться?

— Зачем? — не поняла я.

— Прошлая зима на Дону суровая была. В Цимлянской станице все виноградники вымерзли. Игристого-то пока хватает, оно три года, а то и дольше зреет, но помяните мое слово, через год цены взлетят. Особенно если вы моду на русское введете.

— А крымское?

— А в Крыму в этом году морозы ударили, боюсь, осенью и снимать особо нечего будет.

Я поколебалась.

С одной стороны, звучало разумно. Учитывая, что будет еще и пасхальный бал, и рождественский, и в следующем году. С другой — бюджет у меня ограничен.

— Хорошая мысль. Но давайте разбираться с проблемами по мере их поступления. Сперва посчитаем, сколько мы сэкономим, заменив французское на отечественное. Потом я поговорю с Андреем Кирилловичем. Если он согласится пустить часть на закупку впрок — закупим. Без его ведома я денег на это тратить не стану.

А были бы у меня собственные — затарилась бы. Потом тем же купцам бы обратно и продала. Разумеется, втихомолку, ибо не

подобает дворянке заниматься стяжательством, ее мысли должны занимать дом, супруг, дети, отечество и Господь.

— За большую партию можно с купца и скидку стясти, так что и нынешний бал экономнее выйдет, — настаивал Тихон.

Я снова поколебалась. Как бы поаккуратней понять — а много ли сам он поймет с этой экономии?

Любой управляющий, повар или экономка в приличном доме имеет свой процент от поставщиков. Это негласное правило, своеобразный налог на лояльность, который купцы платят за право поставлять товар губернатору. Пытаться искоренить это — все равно что бороться с гравитацией.

Тихон сейчас предлагал оптовую закупку. Крупную партию. Это сулило ему весьма солидный куш от виноторговца. Лишить его этого куша — навсегда отбить желание мне помогать. Но одно дело — процент с честной цены, и совсем другое — когда цену задирают в полтора раза, деля разницу пополам.

Спрашивать напрямую бессмысленно — соврет и обидится. Значит, поступим иначе.

— Прекрасно. — Я медленно кивнула, глядя ему в глаза. — Составьте смету, Тихон Савельевич. С указанием точных сортов, объемов и цены за каждую бутылку, которую вам выставит купец с учетом оптовой скидки. — Я сделала микроскопическую паузу. — Эту смету я лично положу на стол Андрею Кирилловичу.

Андрей Кириллович, который просил не беспокоить его по мелочам, будет в восторге. Степан, который собирался сам порешать это с Тихоном, тоже. Но что поделаться, тяжела шапка Мономаха.

— Вы же понимаете, губернатор прекрасно осведомлен о текущих ценах на донские и крымские вина. Ему докладывают о состоянии рынков в губернии еженедельно. Если Андрей Кириллович сочтет цену закупки справедливой и выгодной для нашего дома — он согласует ее не задумываясь. И мы закупимся на год вперед, а то и больше, если он сочтет это разумным.

Тихон не отвел взгляда. Лицо его оставалось непроницаемым, только чуть напряглись мышцы на челюсти. Он все понял.

— Разумеется, Анна Викторовна. — В голосе повара появился легкий оттенок уважения, которого не было еще пять минут назад. —

Я выбью из Давыдова лучшую цену. Барин останется доволен. — Он помолчал. — Вернемся к списку?

Я кивнула.

— К кондитерскому буфету кроме вин я наливок своих поставлю. Яблочная как раз поспела. Рябиновую, абрикосовую. Хороши в этом году удались. Извольте перейти ко второму буфету?

— Продолжайте.

— Там проще. Водки я и так поставлю свои, покупных не держим. Анисовую, полынную, померанцевую, вишневую — гости довольны будут. Что касемо вин... — Он начал загибать пальцы. — Лафит оставим французский в бутылке, его все знают. Шампанское и донское, так же как у кондитерского буфета. Вместо медака я бы подал красное судакское в графине, вместо сотерна — белое южнобережное. Портвейн и вовсе никто в графине не отличит.

— Мадера? — поинтересовалась я, воспользовавшись памятью Анны.

— Мадеру крымскую поставить не могу. Совсем не то. Либо берем португальскую, либо убираем. Честно говоря, Анна Викторовна, без мадеры буфет не обеднеет. Кто захочет крепленого — вон портвейн.

— Хорошо. Обойдемся без мадеры. Что там у нас дальше — обеденный стол?

— Вот тут, Анна Викторовна, посложнее будет. — Тихон выпрямился, как человек, приступающий к серьезной части доклада. — К каждой перемене блюд — свое вино. После супов — херес или портвейн. К холодной рыбе — белое. К судаку — красное. К десерту — мускат, это мы уже решили. Шампанское и цимлянское — по всему обеду, в вазах со льдом.

— И что из этого можно заменить? — спросила я.

— Да почти все, кроме шампанского. Херес в графине — крымский сойдет. Белое к рыбе — южнобережное. Красное к судаку — судакское же, — он усмехнулся, — даже складно выходит.

Я тоже улыбнулась, давая понять, что оценила шутку.

— Вы просто золото, Тихон Савельевич. С винами, судя по всему, разобрались. Поговорим о блюдах?

— Масленая неделя, Анна Викторовна, выбор небольшой, — будто извиняясь, сказал Тихон. — Два супа — уха из разной рыбы с

кореньями и похлебка картофельная. Два холодного: кулебяка с сигом, винегрет из рыбы...

Который на самом деле — заливное.

— ... котлеты пожарские, паштет из яиц по-французски, плаинды по-молдавски, судак жареный, репа печеная. На десерт — пудинг по-римски с фруктами и желе из лимонов. Ну и блины, разумеется. Три вида: рисовые с кашей, пшеничные с икрой, прозрачные с вареньем.

— Подождите. — Я подняла руку. — Котлеты пожарские? На масленичной неделе?

Тихон посмотрел на меня с терпеливой снисходительностью мастера, которому задали глупый вопрос.

— Из щуки, Анна Викторовна. Мелко рубленные, начинка из шампиньонов.

Так бы и говорил — зразы из рыбы с шампиньонами. Впрочем, с мастером лучше не спорить.

— Икра соленая: осенняя, хорошая, — продолжал он. — И, если вы не возражаете, я бы еще и щучью подал, свежую. Нерест пошел, рыбаки несут.

— Подавайте, — согласилась я.

Выглядело все не сверхъестественно дорогим. Плаинды по-молдавски — тонкие пресные лепешки с творогом. Про репу и говорить нечего. Пудинг по-римски с фруктами — это бисквит, пропитанный ликером и переслоенный вываренными в сиропе фруктами. Разумеется, заготовленными осенью. Икра местная, волжская.

Только одно блюдо меня смущало.

— Желе из лимонов. Почему сейчас лимоны?

— Семь с полтиной за десяток.

— На две сотни гостей? Тихон, воля ваша, но я бы поискала вариант попроще. Скажем, черносмородиновое, на основе варенья. Тоже будет с кислинкой, если это принципиально. А лимоны лучше в лимонад.

— Согласен, Анна Викторовна, — кивнул он.

— Еще я хотела поговорить с вами о закусках для буфета. — Я изложила ему свою идею о маленьких порциях на один укус. — Понимаю, что вам так больше возни.

— Возни, конечно, не без того. — Тихон задумался. — Вольванты сделаю, само собой. С рыбой, с грибами в сливках, с яйцом и луком.

Слоеные пирожки с разными начинками. То, что надо.

— Расстегайчики с вязигой — тоже на один укус. Тарталетки с икрой. Блинчики тонкие, свернутые с начинкой — со стерлядью, с грибами, нарезать наискось, чтобы видно было, что внутри, и шпажкой закрепить. Стерлядь заливную нарезать ломтиками на крутонах.

Я подпрыгнула было от стерляди, потом вспомнила. Волга. Из которой еще не выловили и не вытравили ни стерлядь, ни осетра.

Он помолчал, прикидывая.

— Сыры подать кусочками, масло фигурное. Если прикажете — могу корзиночки из теста с салатом рыбным.

— А управитесь, Тихон Савельевич? — осторожно спросила я.

— Как всегда, возьму девок наших в помощь.

Я мысленно застонала, вспомнив о том, что подпускать наших девок к еде пока нельзя.

— Только из тех, которые в этот раз не болели. — Пришлось и ему объяснить про вирусносительство.

— Хорошо, раз вы так желаете, — не стал спорить он.

— Тогда жду смету, Тихон Савельевич. — Я с сожалением поднялась.

— К утру представлю, не извольте беспокоиться.

До спальни я кое-как доползла на морально-волевых. Ноги подгибались, голова кружилась, а вместе с ней кружились обрывки разговоров. Сундуки, жетоны, мускат, стерлядь, зеркала, воротнички на свечи.

Если я сейчас лягу, к утру половина вылетит из головы. А вторая половина перепутается.

Я огляделась. Взяла с подоконника альбом в сафьяновом переплете. Предыдущий Аннин альбом, привезенный еще из Петербурга, закончился, новый она приготовила, но не начала. В провинции, в отличие от столицы, свято чтит примету: первый, кто оставит запись в новом альбоме, умрет в этом же году. Петербургские дамы просто оставляли первый лист пустым и не открывали его. Светлоярские отнекивались, ожидая, пока найдется кто-нибудь смелый.

А может, дело было не в примете, а в отношении местных дам к губернаторше.

Я плюхнулась на стул и раскрыла первую страницу. Писать в новом альбоме, может, и плохая примета, а в ежедневнике — в самый раз.

Не успела в себя прийти, а уже ежедневником обзавелась, как большая. Осталось только мотивирующие цитаты на каждой странице сделать и обвести завитушками.

Я обмакнула перо в чернильницу и начала писать. Опорные точки сегодняшних договоренностей, планы на завтра и дальше. Прав был Холмс, когда говорил, что емкость мозгового «чердака» ограничена. Только нужно не выкидывать из памяти то, что кажется лишним, а сразу не складывать в нее то, что можно записать.

Наконец, выплеснув на бумагу все планы, я присыпала ее песком. Откинулась на спинку стула. Почерк выглядел незнакомым. Не мой — испорченный бесконечными историями болезни. Но и не Аннин — бисерный, с завитушками. Что ж, значит, будем привыкать и к почерку.

Я позвонила в колокольчик.

— Раздеваться, — сказала я Марфе и, не дожидаясь, пока она расстегнет платье, начала выдергивать шпильки из волос.

Через десять минут я рухнула в постель и отключилась мгновенно.

Глава 30

Проснулась я затемно, однако не так уж и рано. Судя по звукам, дом уже встал. Выбравшись из постели, я обнаружила на столе стопку бумажных листов.

В самом верху — смета от Тихона с примечанием «расклад примерный, возможна десятина туда-сюда». Надо отдать должное повару, он обсчитал не только вина, но и закупку продуктов.

Под ней — записка от Степана. «Барин изволили одобрить зеркала и новое обхождение с проходящей прислугой».

Отлично, одной заботой меньше.

В самом низу — список гостей и план рассадки за столом. Оба — с подписью Андрея. И еще один план рассадки — дубликат первого, но сделанный почерком Степана. Любопытно, барин приказал копию снять или сам камердинер сообразил, что она понадобится на кухне, потому что официантов за обедом формально будет контролировать Тихон. Не удивлюсь, если камердинер себе и третью копию оставил. Чтобы точно никто ничего не перепутал.

Я черкнула ему записку с благодарностью, приложила к ней пятак. Отправила ее с Марфой и, после того, как та привела меня в порядок, достала выписки из бухгалтерии экономки.

Интересно, успею я до того, как губернатор уедет в присутствие? Или сегодня неприемный день и потому он будет работать из дома? Впрочем, торопиться я в любом случае не буду. Уедет в присутствие — отправлю мальчишку-посыльного. Ждать вечера не стоит, времени и так мало осталось.

Я придвинула счета так, чтобы были под рукой, развернула записи экономки и защелкала костяшками.

В прошлом году только на вина потратили семьсот рублей. За один вечер гости выхлестали жалованье секретаря губернатора за два с половиной года. Если заменить импорт на российские вина, можно уложиться меньше чем в триста рублей, по тем ценам, что предоставил повар. Пожалуй, в предложении Тихона закупиться впрок есть свой резон.

Я добавила к его смете уже потраченное экономкой на свечи, ткани и прочее. Заложила удвоенную — учитывая сжатые сроки — сумму расходов на прислугу и музыкантов. Посчитала мелочи, которые, как всегда, вместе вылетают в копеечку. Добавила еще пятнадцать процентов на непредвиденные расходы, которые обязательно вылезут по закону зловредности.

Смета сходилась. С запасом, который как раз можно было пустить на вина.

Что ж, придется писать служебную записку о целесообразности закупки с обоснованием экономической эффективности и приложением сравнительного анализа цен поставщиков. В трех экземплярах, через канцелярию, с визой финансового отдела.

В смысле, письмо Андрею о предложении Тихона.

Над формулировками долго думать не пришлось — они уже вылетали на автомате, была бы клавиатура под пальцами, а не перо, управлялась бы раза в три быстрее. Я отослала записку с Марфой — та передаст Степану, Степан отнесет барину. Внутренняя корреспонденция губернаторского дома, три инстанции на расстоянии в двадцать шагов. Хорошо хоть входящий номер не присваивают — хотя не удивлюсь, если и присваивают. Андрей — педант. По крайней мере таким его считала Анна. Мне-то это даже на руку, я сама — зануда, каких поискать.

Проводив Марфу взглядом, я придвинула к себе ежедневник. Что там у нас дальше? Приглашения на бал, которые рассылают минимум — минимум! — за две недели. Я безбожно опаздываю.

Два последние года все приглашения на балы печатали в типографии Ширяева. Плату за услуги типографии он выставял такую, словно каждую карточку вручную расписывали сусальным золотом.

Память услужливо подкинула обрывок вчерашней застольной беседы. Елизавета Михайловна Арсеньева вещала про какую-то невиданную машину, которую на днях ждут в типографии... чьей? Ах да, обрусевшего немца Лерхена. «Станок размером с телегу, печатает за пятерых, рабочие крестятся».

Я задумчиво постучала кончиком пера по губам.

Ждут на днях. Значит, станка у Лерхена еще нет, и печатать мой заказ он будет на таком же допотопном ручном прессе, что и Ширяев.

Только у Ширяева, который обслуживал губернаторский дом последние два года, матрицы с нашим гербом и вензелями уже вырезаны и лежат на полке. А Лерхену придется резать клише с нуля. Это время, которого у меня нет.

Значит, идем к Ширяеву. Коней на переправе не меняют.

Вот только платить за амортизацию уже готовых клише, как за изготовление новых, я не собиралась.

Я пододвинула к себе чистый лист бумаги.

'Милостивый государь Иван Петрович.

Препровождаю вам тексты пригласительных билетов к предстоящему масленичному балу в доме губернатора. Поскольку клише с нашим гербом и вензелями благополучно хранятся в вашей мастерской еще с рождественских празднеств, я полагаю излишним утруждать вас расчетами за их повторное изготовление.

Уверена, что ваше давнее и плодотворное сотрудничество с нашим домом позволит вам определить справедливую цену за сию работу — полагаю, не менее чем на четверть скромнее прошлогодней.

Сроки в этот раз весьма стеснительны — три дня. Ежели столь поспешное исполнение заказа доставит вашей уважаемой типографии малейшее неудобство, прошу вас не обременять себя ответом. Не получив его до вечера, я буду вынуждена передать списки господину Лерхену, чья новая машина, как говорят в свете, способна творить чудеса скорости и которому, несомненно, будет лестно послужить губернаторскому дому.

С совершенным почтением,

А. Дубровская'.

Я перечитала текст, мстительно улыбнулась и присыпала его песком.

Никаких грубостей, исключительно забота о «неудобствах» почтенного купца. Вот только ни один нормальный коммерсант не отдаст статусный, имиджевый заказ конкуренту с новейшим оборудованием. Он проглотит эту изысканно упакованную пилюлю, будет скрипеть зубами, лично потеть над прессом ночами, но отпечатает все в срок и в лучшем виде. А заодно популярно объяснит нашей экономке, что благодарности от него за этот заказ ей больше не видать.

Я подсушила записку, запечатала и уже потянулась к колокольчику, чтобы позвать Марфу.

Дверь в спальню распахнулась, резко, так что ручка глухо влетела в стену.

Я замерла с колокольчиком в руке.

На пороге стоял Андрей. В расстегнутом домашнем сюртуке. С посеревшим — как бывает перед самым обмороком — лицом. В руках — листы моей записки по винам.

Что в ровных столбиках цифр могло довести губернатора, повидавшего многое, до предобморочного состояния?

Медленно, чересчур аккуратно Андрей закрыл за собой дверь и задвинул задвижку. Несмазанное железо проскрипело оглушительно громко.

По спине пробежал холодок. Мои пальцы разжались, колокольчик с тихим звоном опустился на сукно стола. Муж, запирающий дверь с таким выражением лица, — не к добру. Совсем не к добру.

Андрей шагнул к столу. Положил передо мной мои расчеты. Край листа смялся, будто его скомкали в пальцах. Наверху размашистым, злым почерком было написано: «Утверждаю», а ниже: «Изыскать средства на закупку российских вин впрок на три года».

Кажется, это не обморок. Кажется, Андрей взбешен — не тем «горячим» гневом, от которого взлетает давление у человека и лопаются барабанные перепонки у окружающих. А тем ледяным, жутким гневом, от которого сам человек белеет, и окружающие вспоминают молитвы.

И смотрел он на меня так, будто я была внезапно ожившим препаратом из кунсткамеры, которому немедленно нужно загнать осиновый кол в сердце.

— Блестяще, Анна, — сухо и бесцветно произнес он. — Просто блестяще.

Я вцепилась в колокольчик — единственный более-менее тяжелый предмет, оказавшийся под рукой. Глупо. Но дотянуться до мраморной чернильницы я не успею.

Он оперся костяшками на край стола.

— Я почти убедил себя, что твои рассуждения об анатомии и электролитах — случайность. Инстинкт самосохранения вытащил из твоего мозга те знания, которые ты успела услышать из наших

разговоров. — Он невесело хмыкнул. — Точнее, из моих монологов. Животный страх творит чудеса. Но это...

Он кивнул на листы бумаги.

— Это холодный, безупречный расчет. И дело даже не в экономии, а в том, как ты ее прикрыла. Воля государя. Патриотизм. Политическая комбинация, которая не позволит ни одной собаке в губернии упрекнуть меня в скупости.

Он наклонился ближе. Я вжалась в спинку кресла.

— Это уровень мысли опытного, циничного государственного сановника, Анна. А не девятнадцатилетней девчонки.

Я молчала, не зная, что ответить. Сказать правду и расписаться в сумасшествии? Соврать? Что? Сказать, что я тайком читала его газеты в кабинете? Господи, что за чушь лезет в голову, когда над тобой нависает здоровенный и явно взбешенный мужчина!

— Андрей... — начала я.

— Замолчи, — отрезал он, не повышая голоса. — Просто ответь мне на один вопрос. Один.

Я замолчала. Он тоже помолчал.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, будто этот изощренный, холодный ум спал два года? Пока я искал в тебе хоть каплю понимания. Пока просил тебя хотя бы заглянуть в хозяйственные книги — ты все это время обладала разумом, способным переиграть весь уездный свет. И ты просто наблюдала за мной из-за маски капризной, пустой идиотки?

Его голос дрогнул, всего на долю секунды, но в этой дрожи было столько сконцентрированной боли, что я сама едва не зажмурилась.

— Зачем, Анна? — прошептал он. — Тебе настолько нравилось смотреть, как я мучаюсь? Или тебе было просто... скучно?

И почему-то впервые после пробуждения здесь мне не захотелось врать.

— А ты когда-нибудь умирал?

Он дернул щекой. Я не дала ему ответить.

— Ты сказал: «Такие, как ты, не меняются». Но ты хоть раз умирал? Не «был близок к смерти» и не «думал, что умираю» — а умирал. По-настоящему. Когда холод ползет по телу и ты знаешь, что не тепло, а жизнь каплей за каплей утекает из тебя, но уже ничего не сделать, даже ресниц не поднять. Когда ты уже не можешь вдохнуть и

легкие горят огнем, но разум еще жив, и он четко сознает, что последний вдох уже состоялся и больше не будет ни одного. Что последний удар сердца уже тоже был. А потом не остается ничего. Только слепящий свет, и ты летишь к этому свету и знаешь, что впереди лишь надежда на Его милосердие.

Лицо Андрея застыло.

— Он оказался милосердным. — Я по-прежнему говорила правду и ничего, кроме правды. — Не знаю, за какие заслуги. Он вернул меня сюда.

Я подняла взгляд на мужа.

— Та девочка, на которой ты женился, честно пыталась быть тебе хорошей женой — но не знала как. У нее для этого не было ни сил, ни ума, ни умений... — Я горько усмехнулась. — Все, что она знала о семейной жизни, — наставление матери перед самой свадьбой о том, что у мужчин есть гадкие причуды, которые следует терпеть ради рождения детей.

Он задохнулся. По шее разлилась краска. Отшатнулся к окну, тяжело оперся на подоконник.

— Господи...

Шепот был едва различим, но я услышала. Молодец, Анна. Сообщить мужчине, что два года он ложился с женщиной, которая каждый раз терпела его, стиснув зубы. Да проще сразу с размаха ниже пояса вмазать.

А ведь он не насильник. Наверное, он даже честно старался. Сдерживался, был осторожен с молодой женой, насколько я — я нынешняя — могла об этом судить по ее воспоминаниям. Может быть, ждал, когда она отгадет.

Может быть, у него даже и получилось бы. С той, которая любила бы его. Которая таяла бы от поцелуев и доверяла.

А не с той, которая считала его нудным стариком. Не с той, кому маменька объяснила перед свадьбой, что супружеская постель — мерзость, которую следует терпеть. И девочка послушно терпела, не зная, что может быть по-другому.

И он терпел. Женился — кажется, все-таки по любви, раз выбрал бесприданницу, а не барышню, чьи семейные связи упрочили бы его карьеру. Неважно, что полюбил он что-то, чего в этой девочке никогда не было или было так глубоко, что ни ему, ни ей жизни не хватило бы

докопаться. Привез в свой дом, окружил всем, что мог дать. Чтобы получить зевоту, когда хотел поговорить о том, что казалось ему действительно важным. Слезы, когда нужна была помощь. И терпение, когда хотел близости.

Я смотрела на его окаменевшую спину и думала, каково возвращаться со службы в дом, где жена — красивая мебель. Знать, что выбрал ее сам и винить некого, кроме себя. Пока смерть не разлучит нас.

Он в самом деле хотел этого ребенка. Их ребенка. Но ребенка не стало.

Два неправильно сросшихся перелома.

Девочке уже не помочь. А мужчине...

Я невесело усмехнулась про себя. Классический сюжет дамского романа: появиться из ниоткуда, отогреть израненную мужскую душу любовью и зажить долго и счастливо. Вот только за этим точно не ко мне. Свои лимиты на душевные спасения и попытки выстроить отношения я исчерпала еще там, в прошлой жизни.

Я давно предпочла работу. Да, она может вынести мозг почище любого мужа, довести до инфаркта, сожрать все силы и время... но по крайней мере работа никогда не разобьет тебе сердце. И уж точно не скажет: «Ты такая умная, что я тебя боюсь».

Однако здесь работы по специальности у меня нет. Зато есть губернатор, с которым мы намертво связаны правилом «пока смерть не разлучит нас».

Что ж, если плата за новую жизнь и молодое тело — необходимость подавать патроны человеку, который тащит на себе целую губернию, значит, будем подавать патроны. В конце концов, быть полезной функцией не так сложно.

— Господь оказался милосердным. Он дал мне силы и разум. Я не обещаю быть хорошей женой, да ты и не поверишь, но штабной офицер из меня может выйти приличный.

Он развернулся.

— У тебя изменился почерк. — Кажется, он обрадовался возможности сменить тему.

— Я не одержимая — спроси отца Павла. Я просто повзрослела. Разом.

«Почему не раньше?» — читалось у него на лице.

Он шагнул к столу. Зачем-то взял смету со своей резолюцией, вернул обратно, прогладил пальцами смятый край. Дошел до двери и, уже отодвинув задвижку, сказал:

— Штабных офицеров не бывает приличных, Анна. Бывают никчемные и незаменимые.

Дверь закрылась.

Через пару минут на самом пределе слуха донеслось:

— Степан, коньяку.

С утра пораньше. Впрочем, я бы тоже не отказалась.

Глава 31

Однако даже если бы я могла позволить себе такую роскошь, как рюмка коньяка с утра, времени на это мне не дали. Едва я успела откинуться на спинку кресла и выдохнуть, как в дверь постучали.

— Предводитель дворянства изволили приехать, — доложила Марфа. — Просить?

Андрей, конечно, обещал, что Корсаков приедет, но время... На грани приличия, обычно утренние визиты начинались чуть позднее.

Все же мужчины любопытны не меньше женщин, просто лучше умеют скрывать свое любопытство. Слухи о том, что губернаторша воскресла, выгнала врача — сам Григорий Иванович наверняка читит медицинскую тайну, но слуги врачебной этикой не связаны и медицинскую деонтологию не изучали — а потом посадила дом на карантин, явно расползлись по городу.

— Проси в малую гостиную, скажи, буду через пять минут, — приказала я и схватилась за чулки.

Умыться утром я умылась, но переодеваться из просторного пеньюара в платье не торопилась. И зря.

Корсет при желании можно было затянуть и самой, и, когда Марфа вернулась, я как раз сражалась с тесемками, пытаюсь одновременно не задохнуться и ужать талию так, чтобы она влезла в утреннее Аннино платье. Хорошо, что за время болезни я похудела.

Или совсем нехорошо. Потому что, когда горничная застегнула лиф, стало понятно, что портниха вчера была права, ой как права! Пустота под тканью откровенно зияла, заставляя пожалеть о том, что здесь не изобрели бюстгальтеры с пуш-апом. Я фыркнула от этой идиотской мысли и тут же закашлялась: корсет подобных вольностей не позволял.

Марфа схватилась за булавки, я остановила ее. Перекалывать, как вчера перед обедом, было некогда. Предводитель дворянства — слишком важная шишка для того, чтобы жена губернатора заставляла его ждать. Даже если приехал он не с официальным визитом, а провести выздоравливающую. Скорее всего Корсаков вообще предполагал, что его проведут в спальню, я встречу его с видом

умирающей от слабости, мы обменяемся парой-тройкой ничего не значащих фраз, и на этом визит завершится. Увы, я здесь не для того, чтобы оправдывать его ожидания.

— Подай шаль, — велела я.

Тонкий кашемир окутал меня невесомым облаком, надежно драпируя просевшее платье. Идеальная броня за десять тысяч.

Корсаков стоял у окна, заложив руки за спину. Обернулся на звук моих шагов.

Немолодой, важный, скучный — так воспринимала его прежняя Анна, которой все мужчины старше двадцати пяти казались стариками.

Передо мной стоял мужчина лет тридцати — тридцати пяти, с правильными чертами лица и короткой ухоженной бородой. Высокие скулы, внимательные темные глаза, уверенность человека, которому не нужно никому ничего доказывать. Красивый. Той особенной, спокойной мужской красотой, от которой не перехватывает дыхание — но хочется выпрямить спину.

Что, собственно, я и сделала.

— Анна Викторовна. — Он склонил голову. — Рад видеть вас в добром здравии.

Голос у него оказался низким, с мягкими бархатными нотками. Такой голос располагает к своему обладателю еще до того, как тот успеет сказать что-то осмысленное, — и, готова поспорить, предводитель дворянства это прекрасно сознавал.

Я плавно присела в реверансе в ответ на поклон. Мышцы бедер жалобно заныли, но удержали.

— Прошу вас. — Я указала ему на кресло и села сама.

— Весь город был крайне обеспокоен вашим здоровьем. Услышав, что вы вчера вышли к обеду, я осмелился нанести вам визит сегодня. — Корсаков смотрел на меня спокойно, вежливо, но до жути внимательно.

В переводе со светского на человеческий: решил сам убедиться, что вы не валяетесь в горячечном бреде и не кидаетесь на докторов с режущее-колющими предметами.

— Благодарю за беспокойство. Как видите, Господь милостив.

— Я рад.

— А я-то как рада. — Я улыбнулась и сменила тему. — И особенно я рада возможности поблагодарить вас за лимоны из вашей

оранжереи.

Он приподнял бровь, и я пояснила:

— Вы преподнесли их нам незадолго до... — Я позволила паузе повиснуть, договорить за меня. — И они меня буквально спасли.

— Вот как?

Лимоны в подарок губернатору — мелочь, о которой Корсаков наверняка забыл на следующий день. Однако услышать, что за нее благодарны, скорее всего было приятно.

— Рад, что пришли к стати. Но все же я думаю, ваше выздоровление — заслуга Григория Ивановича. Он, конечно, свято блюдет тайны своей профессии, однако мне показалось, он крайне озабочен вашим состоянием. Хорошо, что его усилия оказались не напрасны.

Интересно, это светская вежливость или проверка, не взорвусь ли я тирадой о врачах-убийцах? Что ж, проверяйте, Алексей Дмитриевич.

— Григорий Иванович, несомненно, прекрасно образован и старается сделать все, что в его силах, для блага пациента, — улыбнулась я. — Однако *Medicus curat, Deus sanat*[1].

Корсаков ответил мне такой же светской улыбкой.

— Отрадно видеть, что болезнь не только не сломила вас, но и придала вам сил.

— Сил мне понадобится немало, Алексей Дмитриевич. — Я чуть подалась вперед, обозначая, что мы перешли от светских расшаркиваний к делу. — Масленичный бал совсем близко.

Он широко улыбнулся:

— Весь Светлоярск с нетерпением ждет этого события, Анна Викторовна. — Однако глаза оставались внимательными. — Признаться, мы опасались, что в связи с вашим нездоровьем бал не состоится.

— Губернаторский дом не может обмануть ожидания общества. Поэтому я очень обрадовалась, когда мне доложили о вашем визите. Мне до крайности нужен ваш совет.

— Мой совет? Когда ваш супруг столь блистательно руководит губернией?

Интересно, кто решал вопрос с прислугой в прошлый раз? Не Андрей, точно. Андрей подписывал счета не вчитываясь. Не Степан, иначе он вчера сказал бы мне: «Не извольте беспокоиться, барыня, с

людьми я все решу», и не Тихон по той же причине. Значит, экономка. И выходит, я снова вторгаюсь туда, с чем она прекрасно справлялась до сих пор. Не дать ли мне заднюю, пока не поздно? Предводитель дворянства по определению не может быть добрым дяденькой, оказывающим услуги направо и налево по широте душевной. Это политик. По формальному статусу практически равный губернатору — просто у них разные сферы влияния, но с огромным неформальным весом.

Обратиться к нему напрямую значит признать, не словами, но действием — жена губернатора, следовательно, и сам губернатор считает Корсакова достаточно важной фигурой и превращает губернаторский бал в публичный мост между двумя центрами силы в губернии. Государственной властью, которую олицетворяет Андрей. И местным дворянством в лице его предводителя.

Поэтому я просто обязана попросить его об услуге.

— Андрей Кириллович служит губернии, и служит блестяще, насколько я могла слышать от уважаемых людей. Он оказал мне честь, доверив подготовку бала. — На лице Корсакова промелькнуло изумление, я улыбнулась с самым невинным видом. — Не хотелось бы оказаться недостойной его доверия.

А еще, если Корсаков возьмется мне помогать, это станет сигналом обществу: губернаторша вменяема.

О том, что слуги в отчетах экономки стоили столько, будто они регулярно обслуживали приемы у английской королевы, промолчим. Возможно, столько квалифицированной прислуге и платят — учитывая количество.

— Вы как никто другой знаете, чего стоит организовать такой прием. Балы дворянского собрания всегда безупречны.

Корсаков склонил голову, принимая комплимент.

— Наша прислуга расторопна и преданна, однако ее не хватит для обслуживания события такого масштаба. Судите сами, только на перемену посуды больше тридцати человек. — Я позволила себе легкий вздох человека, который подсчитал и ужаснулся. — Нанимать людей наугад я не рискну. Один неловкий лакей, одно упавшее блюдо, и пятно останется не на дамском платье, а на репутации губернатора и всей губернской власти.

— Это было бы крайне неприятно, — кивнул Корсаков. — Вам нужны те, кто уже работал на таких приемах.

— А таких людей знаете только вы.

Разумеется, предводитель дворянства не будет сам обегать окрестные ресторации. Однако и дворянское собрание не может позволить себе держать в штате полсотни обученных официантов, а потому Корсаков знает, кому это поручить и с кого спросить.

Корсаков молчал, но тон этого молчания изменился.

— Еще одно. — Я на мгновение опустила глаза, прекрасно понимая, какое впечатление этот жест произведет на мужчину напротив. — Мне нужен распорядитель бала. Опытный, знающий порядок проведения больших вечеров. Я могу организовать подготовку, но вести бал должен тот, кто делал это не раз. Здесь мне не хватает ни опыта, ни... — я улыбнулась, — ни мужского голоса, способного перекрыть оркестр.

Признать слабость, но так, чтобы она выглядела обаятельно, а не жалко. Дать понять, что я сознаю ограниченность своих возможностей. С такими людьми проще вести дела, чем с теми, кто берется за все и заваливает половину, — это знает любой опытный руководитель, а Корсаков избирался не в первый раз.

— Распорядитель, — задумчиво повторил он.

Во взгляде появилось выражение человека, пришедшего в зоопарк посмотреть на забавную зверушку и обнаружившего, что зверушка работает главбухом.

— Вы ставите передо мной интересную задачу, Анна Викторовна. — Его губы дрогнули в полуулыбке. Бархатный голос зазвучал чуть более доверительно. — Разумеется, я не могу отказать вам. Счел бы за честь услужить вашему дому. Дворецкий дворянского собрания знает в городе каждого толкового официанта. Мне прислать его к вам?

— К Степану. Мне доложат. Я вам очень признательна, Алексей Дмитриевич.

Его брови на миг взлетели, но лицо тут же вернуло привычное выражение светской доброжелательности.

— Что касается распорядителя. Позвольте предложить вам Петра Ильича Завьялова. Он вел наши рождественские и пасхальные балы последние шесть лет. Человек с безупречной репутацией и, что

немаловажно, с голосом, способным перекрыть не только оркестр, но и споры за карточным столом.

Улыбка. Ответная шутка — он принял мой тон. Хорошо.

— Вы нас просто спасаете. Уверена, Андрей Кириллович тоже не забудет дружеского участия дворянства губернии в вашем лице.

— Не стоит, для меня честь оказать вам услугу, — отмахнулся он, хотя мы оба сознавали: счет записан и будет предъявлен в свое время.

Корсаков выдержал легкую паузу.

— Анна Викторовна, позвольте поинтересоваться, как обстоят дела с убранством залов?

— Признаться, о цветах для залов я еще не думала. Боюсь, в это время года найти живые цветы в Светлоярске будет нелегко, так что обойдемся искусственными.

Корсаков снисходительно, но с явным удовольствием улыбнулся. Ему предоставили идеальную возможность блеснуть.

— Анна Викторовна, масленичный бал — это преддверие весны. Негоже губернаторскому дому встречать гостей искусственными цветами. Позвольте мне... в качестве скромного подарка в честь вашего счастливого выздоровления взять на себя заботу об украшении главной залы. Цветы из моей оранжереи будут к вашим услугам.

Я искренне, без всякой фальши улыбнулась в ответ. Скинутая с плеч проблема прислуги и бюджета на цветы стоила десятка искренних улыбок.

— Алексей Дмитриевич, я начинаю понимать, почему вас выбирают не в первый раз. Я принимаю ваш дар с огромной благодарностью. Уверена, что...

Дверь в малую гостиную приоткрылась.

Мы оба повернули головы. На пороге стоял Андрей.

Одет безупречно. Лицо — спокойное, непроницаемое, то самое губернаторское лицо, которое, наверное, снилось в кошмарах половине чиновников губернии.

Только чуть бледнее обычного. И все же — не знай я, что этот человек полчаса назад требовал у камердинера коньяк, чтобы прийти в себя, я бы ничего не заметила.

— Алексей Дмитриевич. Рад видеть.

Корсаков поднялся навстречу губернатору.

— Андрей Кириллович! Зашел засвидетельствовать почтение вашей супруге. И, признаться, был очень обрадован. Слухи о тяжести недуга Анны Викторовны оказались сильно преувеличены горожанами.

Андрей перевел взгляд на меня. В его глазах не было ни удивления, ни поддержки, ни мужской ревности к привлекательному гостю. Только тяжелый, темный холод человека, у которого полчаса назад окончательно рухнул мир.

— Анна Викторовна взяла подготовку к балу на себя, — сказал он ровно. — Я полностью доверяю ее распоряжениям.

Пять слов. Публичная легитимация при свидетеле, который разнесет это по всему городу к вечеру. И только я понимала, чего Андрею на самом деле стоили эти пять слов.

— Должен сказать, ваша супруга удивительно хорошо представляет себе масштаб предстоящего вечера, — охотно подхватил Корсаков, не замечая — или делая вид, что не замечает — напряжения между нами.

Андрей смотрел на меня. Два года он жил с убеждением, что несет на себе крест брака с пустой, неспособной к пониманию куклой. А теперь выясняется, что крест оказался из папье-маше, а настоящая беда в том, что он пригрел на груди змею.

Или физика отказалась работать по законам Ньютона, и непонятно, что хуже.

— Я безмерно благодарен вам за поддержку, Алексей Дмитриевич, — ответил Андрей всё тем же ледяным, вежливым тоном, ни на секунду не отрывая от меня глаз. — Уверен, что бал пройдет безупречно. Моя жена... умеет добиваться поставленных целей.

Корсаков довольно кивнул, принимая эту вежливую формулу как подтверждение политического союза.

— Что ж, не смею более утомлять Анну Викторовну. Ей необходим покой после болезни. — Предводитель дворянства изящно поклонился мне. — Цветы и распорядитель будут в вашем ведении. Андрей Кириллович, честь имею.

Когда шаги гостя стихли в галерее, в малой гостиной повисла тишина.

Андрей оглядел меня с ног до головы и обратно. Не произнеся ни слова, развернулся и вышел.

Я шла в свою комнату и пыталась понять, почему мне так паршиво. Корсаков будет говорить в городе, что губернаторша нормальная. Андрей подтвердил, что жена больше не мебель, а вправе распоряжаться домом. Музыканты, лакеи, цветы. Я получила все, что мне нужно.

Но этот взгляд и это молчание. На ругань хотя бы можно огрызнуться.

Я рухнула в кресло, придвинула к себе ежедневник. Поставила галочки напротив Корсакова, цветов и так далее. Записала «дождаться ответа от Ширяева».

Работаем. Нервы — потом.

[1] Врач лечит, Бог исцеляет.

Глава 32

Ответ от Ширяева пришел через два часа. Купец сообщал, что «почтет за честь исполнить заказ милостивой государыни на оговоренных условиях». Счет прилагался. Ровно на четверть меньше, чем в прошлогодних записях экономки.

Карточки прислали аккурат через три дня. Я флегматично перебрала их: сверстаны так, что буквы жались друг к другу, будто типограф сэкономил бумагу, сама бумага тоже не фонтан, а самое плохое — листы недосушили, и на обратной стороне то и дело попадались отпечатки краски с предыдущего листа. Ну хоть не размазались. Воистину: поспешишь — людей насмешишь.

Я не стала торопиться с выводами, в конце концов, я не специалист в типографском деле. Нет ни времени, ни возможности разбираться сейчас, виновата ли спешка или Ширяев решил, что как ему платят, так он и будет работать. В следующий раз заблаговременно запрошу смету и пробные оттиски в обеих типографиях, не ставя их в известность о конкуренте, и посмотрю, кто что предложит.

На то, чтобы подписать карточки и рассортировать их, ушел остаток дня. Что-то отправить срочной почтой в губернские усадьбы, что-то отнесет мальчишка-посыльный. Некоторые — тому же Корсакову или Строганову — следовало бы отвезти мне самой, но я все еще не чувствовала себя достаточно окрепшей, чтобы разъезжать по визитам, поэтому пришлось прикладывать к приглашениям записки с витиеватыми извинениями.

Многие приглашения все же получилось отдать лично. Визит предводителя дворянства словно прорвал плотину. Ко мне стали ездить все кому не лень — а не лень, кажется, было всему городу.

Одни наносили визиты из искреннего любопытства — правда ли губернаторша так переменилась, как шепчут в гостиных. Эти больше слушали, чем говорили, проглатывали зазубренную от частых повторений речь о болезни, потерях и пересмотре смысла жизни и уезжали задумавшись. Притворяться прежней Анной я даже не пыталась — все равно не получится.

Другие являлись исключительно отбыть повинность: пятнадцать минут безупречной вежливости, реверанс, «непременно жду вас на блинах» — и больше я их не видела. Третьи не упускали ни одной возможности поддеть — мягко, светски, с улыбкой, но так, чтобы у визави свело челюсти. Были и те, кто пришел с искренней радостью. Эти возрождали во мне веру в человечество: люди сумели разглядеть в прежней Анне что-то хорошее.

Поначалу я материлась про себя на эту пустую трату времени: только сосредоточишься на чем-то, хоть на книге — и тут очередная «милостивая государыня», которую непременно надо принять. Потом поняла: визиты — это соцсети. Взаимный фолловинг, лайк из вежливости, троллинг в комментариях. И обязательный ответный лайк, то есть визит, без которого от тебя отпишутся к чертовой матери. И после бала мне придется эти визиты отдать.

То же самое, что листать ленту за утренним кофе. Вроде и совершенно неинтересно, что было на завтрак у племянницы коллеги — но, пока лента листается, земля продолжает вертеться. Все живы, здоровы, замужем, занимаются карьерой, дети растут, котики покрывают шерстью диваны, собаки лают. Мир на месте, пить кофе дальше.

Жаль, что, в отличие от смартфона, гостя, приехавшего с визитом, не отложишь в сторону, чтобы заняться собственными делами. Проявись так пару дней, я отправила Марфу на базар, велев купить пуховой пряжи, самой тонкой, какую найдет, и «иглы» — металлические спицы не толще двух миллиметров, чтобы не приходилось страдать о бездарно потраченном времени. Изящное рукоделие считалось здесь занятием достойным, и ажурную паутинку, свисающую с моих спиц, дамы одобрили. Разве что вдова Белозерова, приехавшая отблагодарить за приглашение на бал, вскользь заметила, что не знала, что я умею вязать. Я с улыбкой ответила — мол, я полна сюрпризов. Не рассказывать же, что научилась я еще в студенчестве, коротая скучные лекции и ночные дежурства, на которых то густо, то пусто, а спать все равно нельзя.

Степан выполнил обещание «разузнать» и нашел охлоренную известь в соседней губернии. Черная половина и нужники запахла хлоркой. Дворня кривилась, ворчала, но, как и велено, засыпала порошком нужники и мыла полы раствором хлорной извести. Даже

Федора. То ли привыкли выполнять приказы, какими бы идиотскими те ни казались. То ли помог вскрытый панариций у кухонной девки.

В то, что Федора изменится раз и навсегда, я не верила. Даже если бы она искренне прониклась идеалами чистоты, привычки, сформированные десятилетиями, не перекраиваются по щелчку, и поэтому я каждый вечер приходила на черную кухню, не забывая хвалить усердие кухарки в поддержании чистоты, а про себя отмечая, что сливочное масло для дворни перестало отдавать затхлым, щи стали скоромными — по крайней мере до масленой недели — и кроме каш начали появляться курица и рыба.

Рыба кухонную девку — ну ходячее несчастье, честное слово — и подвела. Конечно, никто не стал жаловаться барыне, что прислуга проколола палец плавником. С другой стороны, никто и не рассчитывал, что у барыни окажется наметанный глаз. Правда, на мой прямой вопрос и служанка, и Федора выдали дежурное «не извольте беспокоиться, барыня». Кухарка добавила, что спечет лук на ночь приложить и к утру все пройдет.

— Горсть соли в воде разведи и примочку сделай, — посоветовала я.

Тоже не панацея, но по крайней мере не создаст парник вокруг назревающего гнойника. Однако на то, что меня послушают надежды было мало.

Вернувшись к себе, я достала ежедневник и задумалась. Пожалуй, пора обзаводиться нормальной аптечкой.

Что держат дома приличные люди? Лейкопластырь, что-то «от головы и температуры», «для горла», успокоительное и средство от расстройства желудка.

Что у меня есть здесь? Хорошо, что в учебный курс любой клинической дисциплины, в том числе и моей, входит «история развития». Студенты обычно эту часть игнорируют: с учебной нагрузкой не до преданий старины глубокой, тут удержать бы в голове современные знания. Однако мне как преподавателю приходилось это помнить. Буду надеяться, память не подведет.

Средство «от головы», оно же успокоительное, оно же от расстройства желудка и до кучи от кашля, в это время одно — спиртовой раствор опия. И в этом даже есть смысл, учитывая, что опиатные рецепторы разбросаны по всему организму. В мозге —

обезболят и успокоят, а заодно затормозят кашлевой рефлекс (и дыхание вместе с ним, если перестараться). В животе — замедлят перистальтику и снимут спазмы.

Однако до волшебного средства ему далеко. На уровне продолговатого мозга стимулирует рвотный центр. Повышает активность сфинктера мочевого пузыря, а невозможность сходить в туалет — штука неприятная. И самое главное — вызывает привыкание, на уровне как биохимии, так и психики. На этом фоне зрение зрачка — ерунда, о которой не стоит даже упоминать.

И все же других обезболивающих здесь нет. Не считать же анестезией стакан спирта залпом или дубинку по кумполу. Значит, записываем.

Жаропонижающее... До выхода аспирина на рынок примерно полвека. Поэтому — порошок ивовой коры, сушеная малина, липовый цвет. Обтирание уксусом и холодные ванны, но ради этого не стоит беспокоить аптекаря. Хинин? Горький как скотина, но работает. Записываем. На самый крайний случай: шум в ушах, аритмия и нарушение зрения при передозировке. Хотя, по большому счету, и банальный парацетамол может обеспечить токсический гепатит, особенно если полирнуть его спиртным для сугреву.

Больное горло — обойдусь тем, что есть в кладовой. Горчичники при простуде неэффективны, как и банки, при серьезном воспалении бронхов и легких только добавят боли и суеты, но не вылечат. Разве что заказать их как антигипертензивное — если вдруг после очередной беседы со мной Андрея хватит удар. Но, если уж на то пошло, кровопускание хотя бы действительно уменьшает объем циркулирующей крови и таким образом снижает давление. Правда, хорошей идеей это его все равно не делает.

Идем ниже — живот. Дубовая кора и сушеные ягоды черемухи от расстройства желудка, льняное семя как обволакивающее и успокаивающее для слизистой, магnezия на случай необходимости срочно прочистить кишечник — всякое бывает. На этом, пожалуй, все.

Остается самое интересное. Бинты, пластыри, антисептики.

Лейкопластырь отпадает. До привычных рулончиков с клейкой основой на цинке еще дальше, чем до аспирина. Свинцовый пластырь токсичен. Припрет — буду клеить медом, как себе. За бинтами — к экономке. Вата? Вместо нее корпия — раздерганная на нитки ветошь.

Сколько в этих нитках грязи и микробов — даже думать страшно. Придется нащипать самой из кипяченой ткани, чистыми руками, а потом прожарить в закрытом глиняном горшке, да так и оставить.

Из антисептиков у меня есть хлорка. Гипотетически можно получить гипохлорит натрия — он безопаснее — электролизом раствора соли, если понять, куда девать выделяющийся при этом хлор, чтобы вместо антисептика не сделать химическое оружие. Можно, наверное, спросить у Андрея... но, пожалуй, эту идею я отложу до момента, когда решу овдоветь, не марая рук ядом. Марганцовка? Я помнила, что открыли ее еще в конце XVII века, но когда поставили на поток — не знала. Спрошу на всякий случай. Йод точно должен быть известен, его запишем.

Я пересмотрела длинный список, поколебалась еще немного и добавила: «Скальпель — из цельной стали, без костяных или деревянных накладок на рукояти». Далее следовал перечень игл, иглодержателей, пинцетов, корнцангов и прочих совершенно необходимых в приличном доме вещей, включая шелковые нити. Параллельно я составила записку ювелиру, заказав тонкую, как канитель, серебряную проволоку.

Нет, лавры Пирогова пусть останутся самому Пирогову. Если он есть в этом мире, сейчас должен работать над своей «ледяной анатомией» и преподавать в медико-хирургической академии в Петербурге. Я — женщина, женщины-врача не может быть, потому что не может быть никогда.

Но никому не известно, когда может возникнуть необходимость вскрыть нарыв — чуяла я, что с этой кухонной девкой не обойдется — или, скажем, обработать глубокую рану от осколка стекла или топора. Не ждать же, пока ситуация разрешится сама собой: нет больного, и беспокоиться не о чем.

Что подумал аптекарь, когда мальчик на побегушках вручил ему мой список с просьбой записать на счет губернатора, я так и не узнала. Мальчишка вернулся с корзинкой и запиской от аптекаря, в которой тот сообщал, что упомянутые инструменты необходимо будет заказывать в Санкт-Петербурге — действительно ли они мне необходимы? Сожалел, что перманганат калия — редкость и сейчас его в аптеке нет, но, если я желаю, можно тоже заказать в столице. И заодно просил

уточнить, в каком виде мне нужен йод. Раствор Люголя? Каустик Черчилля?

Я помедлила над ответом. Потом поняла, что любая формулировка, написанная рукой губернаторши, будет выглядеть странно, и решила, что точность не помешает.

'Recipe
Iodi puri 1,0
Kalii iodidi 2,0
Spiritus vini rectificati 40,0
Aquaе destillatae 60,0
Misce, fiat solutio.

Da. Signa: «Для смазывания кожи вокруг раны. Наружно»[1].

Если у аптекаря есть раствор Люголя, значит, есть и йодид калия, который улучшает растворимость йода, и значит, можно делать не термоядерный спиртовой раствор, сжигающий кожу намертво. И вряд ли после перечня медицинских инструментов аптекаря удивит рецептурная пропись.

Даже если аптекарь и удивился, мне сообщать об этом не стал. Мальчишка принес требуемый раствор, письмо о том, что все необходимые инструменты заказаны и мне непременно сообщат, когда они приедут. И счет на имя губернатора. Сумма оказалась вполне гуманной, учитывая обстоятельства.

Как я и предполагала, палец у кухонной девки покраснел и начал «дергать». Не обошлось. Вот когда я пожалела, что вернула ланцет Григорию Ивановичу — впрочем, у Тихона нашелся нож для кореньев, сделанный из отличной стали и заточенный до бритвенной остроты. Уговаривать пациентку пришлось с помощью всем известной матери и обещания подарить рубль сразу же после того, как вскрыю гнойник, и освободить от кухонной работы аж до самого Прощеного воскресенья. На следующий день кухонная девка, увидев меня, бухнулась в земной поклон: палец перестал болеть, рука начала гнуться, и лихорадка прошла. Остальные косились со смесью суеверного страха и уважения. Барыня не доктор и не знахарка — а лечит. Откуда знания, лучше не гадать, но на всякий случай нужно слушаться.

Счет я передала Андрею. Думать о том, что он скажет, изучив документ, не хотелось.

* * *

[1] Рецепт. Йод — 1 часть, йодид калия — 2 части, спирт — 40 частей, вода дистиллированная — 60 частей. Смешать, чтобы получился раствор. Выдать. Подписать...

Глава 33

Андрей не сказал ничего. То ли подмахнул не глядя — во что мне слабо верилось после всего, — то ли решил не задавать вопросов, на которые не хочет получить ответ.

А может, вообще мысленно перевел меня из категории «жена» в категорию «нечисть неуточненная, святых таинств не боится, лучше не трогать». Наверное, он предпочел бы меня вовсе не видеть, как и я его.

Однако видеться приходилось. С тех пор, как я вышла к обеду после болезни, нужно было выходить к нему и дальше, день за днем. Губернаторский дом — проходной двор, за обедом постоянно кто-то чужой. Демонстративное игнорирование трапезы обсудят во всех гостиных, и никакой поддержки предводителя дворянства не хватит, чтобы заглушить сплетни за спиной.

Наверное, эти светские условности сейчас работали на меня. На людях мы оба должны были вести себя безупречно. Андрей — радушный хозяин дома, я — милая и приветливая хозяйка, благодарная за внимание гостей. Вежливые улыбки, разговоры о погоде, блинах, последнем номере столичного литературного журнала и приближающемся Великом посте.

И никого не касается, что взгляд мужа, обращенный на меня, иногда задерживается на секунду дольше, чем требует вежливость. Будто он никак не может понять, кто сидит на противоположной стороне стола. Я уже всерьез начинала размышлять, не уехать ли после бала в свою деревеньку наводить порядок. Принимать роды у деревенских баб, улучшая демографическую ситуацию в Сосновке и опосредованно — в Российской Империи, и не думать ни о губернаторском бюджете, ни о самом губернаторе.

Впрочем, сразу после бала все равно не получится. Тащиться больше полутора тысяч верст по весенней распутице — задача для сильных духом или для слабоумных. До мая, пока не просохнут дороги, можно даже не мечтать: карета сядет по ступицы на первой же версте за городом. Так что придется мне пережить и бал, и Великий пост, и ответные визиты, и Андрея за обедом. В конце концов, полчаса

в день можно и попритворяться примерными супругами. Невелика плата за то, что он не лезет в мои дела.

Степан доложил мне, когда привезли зеркала. Мы прошли по залам вместе, прикидывая, какое где поставить, чтобы удвоить свет. Все это время меня не покидало ощущение, будто я работаю с хорошей операционной сестрой: знает, что тебе нужно, прежде, чем попросишь.

— Дворецкий дворянского клуба людей приводил, — сообщил он. — Я не стал вас беспокоить, сам на всех посмотрел. Кривых-косых-золотушных нет, которые чешутся — тоже. Фраки тоже у всех проверил, чистые, без пятен. Жилеты белые, перчатки имеются.

— Степан Прохорович, вам цены нет! — вырвалось у меня.

Мне бы в голову не пришло проверить спецодежду приходящей прислуги. Несмотря на то, что я привыкла, что такие вещи должен обеспечивать работодатель. Просто упустила из виду за тысячей других мелочей.

— Рад стараться, Анна Викторовна. Можете быть покойны, никто глаз господ своим видом не оскорбит. И работают справно.

— Справно? — переспросила я. — Вы всех их знаете?

— Почти всех, — кивнул он. — Город-то у нас маленький. Одни и те же люди днем в лавках приказчиками али в чайной половыми, а вечером в сезон балов — официантами да лакеями подрабатывают.

— Понятно. — Я не удержалась от любопытства. — Скажите, Степан Прохорович, в прошлый раз через кого людей нанимали?

Он помолчал, явно взвешивая, не лучше ли уйти от ответа.

— Серафима Карповна с буфетчиком из ресторации договаривалась, — сказал наконец камердинер.

Я кивнула, давая понять, что приняла к сведению.

— В этот раз как расплачиваться будем? Наличными... в смысле, серебром, сразу как бал закончится?

— Сразу, Анна Викторовна, — сказал Степан. — Я записку с обоснованием суммы подготовил. Извольте ознакомиться или немедля Андрею Кирилловичу отнести, чтобы он мне деньги выдал?

— Покажи.

Степан вручил мне аккуратно сложенный лист.

Те же люди, если верить словам камердинера. В том же количестве. Но запросили почти на треть дешевле, чем в прошлом году. Вряд ли предводитель дворянства каждому лично посоветовал не

наглеть. И сумма точно изменилась не потому, что в этом году внезапно создался переизбыток предложения на рынке квалифицированной рабочей силы.

— Думаю, барин будет доволен, Степан Прохорович, — сказала я, возвращая ему смету.

Камердинер поклонился.

Вернувшись к себе, я записала сумму в ежедневник. Подумав, взялась за колокольчик.

— Марфа, пригласи Серафиму Карповну.

Экономка явилась быстро. Спокойная, собранная, в безупречно белом фартуке — как всегда.

— Присаживайтесь, Серафима Карповна, — кивнула я на стул. — Разговор может затянуться.

— Благодарю, Анна Викторовна, но не годится мне при барыне сидеть.

— Как вам будет угодно, — пожала я плечами. Помолчала, подбирая слова. — Серафима Карповна, я тут обнаружила интересную вещь. Ширяев, вместо того чтобы запросить доплату за срочность, без звука согласился скинуть четверть со своей цены в сравнении с прошлым годом.

Она и бровью не повела.

— Заказ от губернаторского дома — честь для любого купца. Конечно, Ширяев стремился вам угодить.

— Однако если он скинул четверть, то какая же у него прибыль на самом деле? — настаивала я. — Ни один купец себе в убыток работать не станет.

Серафима Карповна тонко улыбнулась.

— Иной раз можно и в убыток себе сработать, чтобы добрая слава по городу пошла, дескать, сам губернаторский дом заказы дает. Думаю, Ширяев так и поступил. Здесь недополучил — в другом месте свое возьмет.

Я вернула ей улыбку.

— Видимо, Ширяев не только сам захотел работать себе в убыток, но странным образом убедил нанятую на время бала прислугу запросить на треть меньше, чем в прошлый раз.

Лицо экономки застыло.

— Вероятно, в прошлый раз разницу положил себе в карман ушлый буфетчик из ресторации? — продолжала я.

— Не могу знать, Анна Викторовна.

— А должны бы знать, — заметила я. — Я понимаю, каждый свою выгоду блюдет. Ширяев, буфетчик. Прохоров, который свечи нам поставляет, тоже не благотворитель, ему семью кормить.

Когда я посылала Марфу за пряжей, я велела ей найти на улице какого-нибудь мальчишку и под любым предлогом попросить его купить в лавке Прохорова фунт свечей, не говоря, из какого дома его послали. Хорошо, пусть за наличные он продает со скидкой, но не может же наценка за оплату по счету в конце месяца быть больше скидки за опт?

— Однако если на каждом балу с нас сверху кто четверть, а кто и треть имеет, а таких балов три в году, то это больше трети губернаторского жалования. — Я покачала головой. — Андрей Кириллович жалованье из казны получает, не с собственных золотых приисков. Нехорошо.

Руки, сложенные поверх передника, сжались.

— Простите, барыня. Недоглядела, — склонила голову экономка. — Купцы и верно распустились, привыкли, что их не проверяют.

Быстро соображает.

— Я намерена написать купцам и спросить, какие цены они могут нам дать, если мы будем закупать дрова сразу на сезон, как и свечи, с учетом необходимого для бала. Да и остальное... На рынок Тихон сам каждое утро ходит, чтобы свежим господ кормить, однако муку и крупы мы пудами покупаем. На черную кухню, опять же, продукты нужны.

И работа экономки сведется к работе кладовщика. Я была готова к тому, что она уволится прямо сейчас — и на балу мне придется светить синяками под глазами, а потом обучать и контролировать новую. Но Серафима Карповна сказала:

— С вашего позволения, барыня, я бы сама им написала. Подберу тех, кто и цен задирать не будет, и в муку опилок не подсыплет или в чай копорки.

Умная женщина. Ушла от губернаторши после проверки счетов — это конец репутации. А так благодарности, пусть куда более скромные, все равно останутся. Плюс жилье, плюс стол, плюс положение. И она

знает, где в самом деле незаменима. Роспотребнадзора здесь нет, и сертификатов тоже. Знать, кто из купцов не станет фальсифицировать продукты или продавать дешевку под видом дорогого, действительно важно.

Жажда справедливости требовала ее выгнать. Но жажда справедливости не станет вести дом так, чтобы содержимое каждого сундука сходилось с учетными книгами тютелька в тютельку.

— Буду вам признательна, Серафима Карповна, — сказала я. — Составьте мне список, и посмотрим вместе. Пора бы купцам понять, что губернаторский дом — клиент выгодный, однако деньги хозяйка считать умеет.

— Слушаюсь, Анна Викторовна.

— И если кто-то из купцов одумается и решит цены снизить, можно оставить среди наших поставщиков. Я не намерена все менять исключительно ради перемен.

Я помолчала, прежде чем добавить:

— Я рассчитываю, что в этом году мы сэкономим не меньше, чем переплатили в прошлом.

Поймет намек?

— В первый день Великого поста представлю вам список и цены. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Не сомневайтесь, я свое дело знаю. И свое место тоже.

Вот теперь она точно все поняла.

— Не сомневаюсь, — кивнула я. — Поэтому и разговариваю с вами, а не с Андреем Кирилловичем.

Она молча поклонилась.

— Еще одно. Нам на бал понадобятся судомойки.

— Всегда нашими девками обходились, — осторожно заметила экономка.

— Не в этот раз. Наши девки могут заразу на еду и на посуду посадить. — я снова повторила лекцию про вирусы и скрытое носительство. — В этот раз придется нанимать. Узнай, за сколько судомойки из ресторации согласятся подработать.

По крайней мере посетители ресторана на расстройство желудка не жаловались.

— Думаю, вам не стоит беспокоить себя ценами, Анна Викторовна, — помедлив, ответила экономка. — Я сама с ними

расплачусь. Как я уже раньше говорила, за честь служить губернаторскому делу можно и себе в убыток сработать.

Я кивнула, отпуская ее. Умная женщина.

Мадам Дюваль тоже была умной женщиной. Когда она явилась на последнюю примерку с готовыми утренними платьями и переделанным вечерним, счет оказался на удивление скромным.

Домашние платья сели хорошо. Застежка спереди, новый корсет, который скорее поддерживал, чем утягивал, — все, как я просила. Наконец-то я смогу одеваться сама.

С бальным платьем оказалось сложнее. По указке Дюваль Марфа затянула на мне корсет. Не до обморока, однако так, что вдох ощущался роскошью. Портниха накинула поверх него нижнюю юбку — подол и воланы были прошиты шнуром, чтобы выглядело пышнее. Следом еще одну.

— Сколько их всего? — не выдержала я, когда на мои бедра легла третья юбка.

— Пять, — заявила Дюваль тоном «доктор сказал в морг — значит в морг».

Я мысленно застонала. Ладно. Только один вечер. Таскать на себе эту сбрую постоянно меня никто не заставит.

Наконец Дюваль опустила платье мне на плечи, повозилась с застежкой и отступила.

— Прошу вас, мадам.

Я обернулась к зеркалу и замерла.

Синий шелк лежал по фигуре так, будто был на мне выращен. Лиловый газ окутывал плечи невесомой дымкой — ключицы угадывались, но не торчали. Декольте, обрамленное драпировкой, выглядело не вызывающим, однако и в монашку меня не превращало. Молодая женщина, знающая, что подчеркнет ее красоту, но не готовая выпрыгивать из платья ради мужских взглядов. Газовые складки сразу под декольте создавали мягкий объем — после болезни собственного мне решительно не хватало, но Дюваль обошла это так изящно, что разве только другая портниха заметила бы подвох.

От лифа книзу платье расходилось плавным колоколом. Поверх прежнего синего шелка легла газовая юбка с тремя воланами — каждый следующий чуть шире предыдущего, как расходящиеся круги

на воде. Лиловое на синем давало странный, глубокий оттенок, будто смотришь на зимние сумерки сквозь чуть подмерзшее стекло.

Тяжело. Но до чего же красиво!

— Повернитесь, мадам, — велела Дюваль.

Я повернулась. Юбка качнулась с секундным запозданием, воланы плавно проследовали за движением. Хорошо.

— Танцевать сможете? — деловито уточнила портниха. — Или немного распустить лиф?

Я вдохнула как можно глубже. Еще и еще раз. Голова не закружилась.

— Полонез — смогу, вальс — скорее всего. Мазурку — нет, но мазурку я сейчас не выдержу и без корсета.

— Понимаю вас, мадам. — Она улыбнулась. — Пусть на этом балу другие скажут, чтобы их заметили, а вы можете себе позволить быть томной и загадочной.

Она помогла мне раздеться. Пока ее помощницы под присмотром складывали платья, чтобы убрать остатки наметки и прислать мне завтра готовые, я взялась за спицы.

— Вы позволите, мадам? — Дюваль склонилась, разглядывая паутинку. — Тонкая работа. Вы где-то раздобыли образчик шетландского кружева? Оно начинает входить в моду в Европе.

— Это не шетланд. — Я расправила край, показывая рисунок. — В прошлом году муж знакомой привез ей из-под Оренбурга дивную кружевную шаль. Я запомнила узор и сейчас пытаюсь воспроизвести.

— Видимо, правду говорят, что вы предпочитаете отечественное, — кивнула Дюваль с таким значительным видом, будто мы обсуждали что-то куда серьезнее пухового кружева на спицах. — В самом деле, в высшем свете это приветствуется.

Значит, уже начали судачить, что губернатор заменил французское на российское, потому что государь велел. Теперь будут говорить, что его жена вяжет подражание не заморскому кружеву, но нашей, отечественной паутинке.

Что ж, пусть говорят.

Глава 34

Время пронеслось как та самая птица-тройка. В день бала мы со Степаном еще раз обошли все помещения. Мебель для буфета расставлена, сундуки подготовлены в галерее — по мере необходимости их принесут в вестибюль и снова унесут, как заполнятся, в галерею, там они послужат кому-нибудь лавкой во время бала. В малой гостиной стоят ломберные столы для дам, которые желают скоротать время за картами. Когда придет время ужина, их унесут в столовую, а потом вернут обратно. Бальный зал благодаря зеркалам казался раза в два больше, чем был на самом деле, а цветы из корсаковской оранжереи и драпировки превратили его в помещение, достойное бала у самого генерал-губернатора Петербурга.

Не знаю, чего стоило Анниным родителям заполучить приглашение на бал, где должен был быть государь. Память предшественницы подкинула образ очень высокого, очень статного, пугающе величественного человека, на которого было страшно поднять глаза. Духоту в зале, залитом светом как днем, множество цветов, тяжелые ароматы, от которых — а может, от духоты — Анне стало дурно. Драгоценности, которыми были усыпаны замужние дамы, их яркие, как диковинные птицы, платья и мысль «когда я выйду замуж, я тоже смогу носить такие платья».

Там-то Андрей и разглядел самую красивую дебютантку сезона.

Степан в который раз заверил меня, что прислуга будет к сроку: люди проверенные, ни разу не подвели, а заранее болтаться в доме и гонять барские чай им совершенно незачем. С едой все тоже должно быть в порядке: Тихон несколько дней колдовал на кухне. Заходить тревожить его я не стала — нечего стоять над душой у специалиста. Экономка наняла судомоек, а девки из нашего дома с утра еще раз протерли и обмели все, до чего смогли дотянуться, и натерли паркет мастикой — но в меру, чтобы никто из гостей, не дай бог, не поскользнулся.

Вроде бы все, что нужно было предусмотреть, предусмотрели — оставалось только ждать, какая неожиданность вылезет на самом балу.

Я сказала Степану, чтобы сообщил, если что-то пойдет не так, он кивнул с видом «не извольте беспокоиться». Я ушла к себе, сняла тюрбан, прикрывавший папильотки, надела чепец и, накапав валериановых капель, велела Марфе закрыть шторы и разбудить меня за два часа до начала бала. Силы мне сегодня понадобятся.

Меня разбудили ровно в срок. Голова после сна была ясная, тело отдохнувшее — и то и другое ненадолго, но будем радоваться тому, что есть.

Марфа уже приготовила все, что нужно, и теперь стояла с таким сосредоточенным лицом, словно ей предстояло не барыню на бал собирать, а икону расписывать.

Корсет. Юбки. Платье. Крючки. Меня усадили в кресло и накинули поверх платья что-то вроде парикмахерского пеньюара, только белого, а не черного. Где-то подколоть шпильками, где-то подкрутить локон горячими щипцами — прическа, по моим ощущениям, заняла не меньше часа, я даже снова успела задремать. Потом Марфа взялась за косметику. Капля румян из кошенили на скулы и втрое меньше на губы. Рисовая пудра наносится пуховкой, чтобы убрать блеск с носа и сделать румянец еще естественнее. Сажа, растертая с воском, — на брови и ресницы: как у большинства блондинок, у Анны они были почти незаметны в своем природном состоянии. Тончайшей кисточкой, едва касаясь — ведь считается, что косметикой пользуются только дамы полусвета. В общем, как и во все времена — изо всех сил постарайся быть красивой, но чтобы никто не понял, что ты старалась.

Марфа потрудилась на славу. Когда я наконец встала и посмотрела на себя в зеркало, сама залюбовалась. Впрочем, мне простительно: до сих пор не получалось воспринять эту внешность как свою. Красота — страшная сила. Поэтому, как любое оружие массового поражения, должна применяться с осторожностью.

Додумать эту мысль мне помешал стук в дверь. Андрей вошел, не дожидаясь ответа. Может быть, потому, что знал: в это время я не могу быть не одета, а может быть — на правах мужа. Замер на пороге, и несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга.

Он — на жену, которую последние недели видел то умирающей в бреду, то в домашних платьях и чепце. Я — на мужа, которого до сих пор видела только в домашних сюртуках и вицмундире.

Парадный мундир ладно облегал фигуру, подчеркивая широкие плечи и тонкую талию. Между краями шитого золотом воротника на белоснежной сорочке лежала алая с желтыми краями лента, удерживающая золотой, покрытый красной финифтью крест, над которым возвышалась императорская корона. Орден святой Анны, подсказала память предшественницы, разбиравшейся в этих орденах и лентах примерно так же, как современные мне барышни — в марках дорогих машин. С мечами — значит, его дали не чиновнику, назначенному на перспективный пост в знак поощрения, а за воинские заслуги.

Как и черно-красную ленту на груди, сложенную в бант, удерживающий крест и мечи. Орден святого Владимира, четвертая степень, дающий право на потомственное дворянство, если бы у Андрея не было собственного, полученного от рождения.

И как и Анну на шею, Андрей получил его явно не за поставки сукна или перекладывание бумажек. Высадка у Субаши. Головинский форт. Для прежней его жены это было пустыми словами. Для меня, пожалуй, тоже — разве что картины Айвазовского припоминались. Но я точно знала: война — это не парады в красивой форме под бравурные марши и не бодрые рапорты о победах. Это смерть, кровь и нечистоты, это уставшие, грязные и злые мужчины, которые метр за метром вгрызаются в землю под пулями и снарядами. Чтобы получить Владимир с бантом — орден, который ценился офицерами выше любых бриллиантов, — нужно было не просто командовать из безопасного шатра, а лезть в самое пекло строить редуты под огнем горцев. И выжить.

Анна видела скучного старика. Я посмотрела еще раз.

Тридцать пять лет. Прямая спина, четкие скулы, внимательные глаза. Гордый разворот плеч.

Ох, Анна Викторовна, не о том ты думаешь, совсем не о том!

— Готова? — спросил Андрей, окидывая меня взглядом.

Я невольно выпрямила спину, ожидая... чего? Что в этом ледяном взгляде мелькнет хоть искра восхищения? Женщиной, а не идеальной картинкой для своего приема?

— Выглядишь безупречно, — заметил он тоном, от которого мне остро захотелось разреветься.

Я мысленно вlepила себе увесистую оплеуху. Идиотка. Ладно юное, истосковавшееся по нормальной жизни тело среагировало на породистого мужика с орденами — гормоны вещь упрямая, с ними не поспоришь. Но головой-то думать надо! Хотя бы по большим праздникам, как сегодня. Ему сейчас вообще не до моего декольте, у него корпоратив, который надо отстоять, напряженно ожидая, что еще выкинет переменявшаяся супруга.

— Готова, — ровно произнесла я.

Андрей подставил локоть, я взялась за него, запрещая себе думать о том, как под моей ладонью перекатились мышцы. Девятнадцать лет, гормоны, корсет и новое платье — комбинация, которая сделает душой кого угодно. Главное, чтобы ненадолго.

Когда-то, еще подростком, я подрабатывала летом, наклеивая этикетки на конвейере. Сейчас было то же самое. Только вместо одинаковых баночек темного стекла по ленте двигались шелка, мундиры, титулы, бриллианты и лысины.

Основной удар принял на себя Андрей. Он стоял на полшага передо мной, приветствуя вплывающих в зал гостей — поток сперва был неторопливым, но ближе к десяти вечера выстроилась настоящая очередь. Безупречно прямая спина. Радужие в голосе — хотя, готова поспорить, у него, как и у меня, уже начали ныть ноги. Помнить по имени-отчеству всех двухсот приглашенных, не забыть небольшой комплимент, у кого-то спросить о здоровье маменьки, кому-то похвалить охотничьих собак, поздравить с новой должностью сына — и все это к месту, не затягивая приветствие.

Я стояла чуть поодаль, за левым плечом. Наверняка Андрей не успел об этом задуматься, прежде чем машинально задвинуть меня туда, где даме полагалось быть по этикету. Улыбаясь, я приседала в реверансе, тихо радуясь, что от жены губернатора никто не ждал смол тока на входе.

Очередные гости отвернулись от Андрея, шагнули ко мне. Вдова Белозерова действительно не поскупилась на бальное платье — надо же было произвести впечатление в первый большой выход в свет после траура. Она успела представить губернатору свою спутницу — рыжеволосую барышню Лерхен.

Я светски улыбнулась ей. Губернатор спросил о здоровье ее отца — нужно будет осторожно узнать, кто сейчас занимается делами.

Среди прибывших на бал вроде бы был барон Лерхен, однако барышня приехала не с родственником, а с Белозеровой. Хотя это мог быть и маневр со стороны Софьи Андреевны: даже почтенной вдове средних лет не слишком прилично появляться на балу одной, а вот опекая родственницу или знакомую — вполне.

Баронесса сделала идеальный реверанс.

— С вашего позволения, Анна Викторовна, хотела бы преподнести вам скромный знак нашего безмерного уважения, — произнесла девушка, протягивая мне небольшую вещицу. — От имени типографии Лерхен — наш лучший экземпляр бальной книжечки.

Твою мать! Карне де баль! Я пересчитала лакеев и бутылки вина, подписала бесконечное количество приглашений — и совершенно, абсолютно забыла про книжечки, в которые дамы вписывают кавалеров! Запутаться и обещать один и тот же танец двоим сразу — скандал и чуть ли не повод для дуэли. Конечно, у большинства местных дам наверняка были собственные дорогие книжечки из перламутра или слоновой кости, куда имена вписывались карандашиком и потом стирались. Но как хозяйка я обязана была об этом позаботиться!

Эта девочка, или тот, кто подал ей эту идею, намереваясь заполучить рекламную площадку премиум-класса — запястье хозяйки бала, одним красивым жестом спасла меня от неминуемого конфуза.

Я искренне улыбнулась, принимая сувенир, продела кисть в ленточку, оставив книжечку покачиваться на запястье. Сделана она, кстати, была так, что приглашительные карточки от Ширяева смотрелись рядом с этой бальной книжечкой как листовка из почтового ящика рядом с визитной карточкой посла. За рекламу ее не было бы стыдно, даже если бы я не была благодарна за спасение.

Девушка, кажется, еле слышно выдохнула. Как и я.

— Какая прелесть. Я вам очень благодарна, — сказала я с неподдельной радостью.

Наконец поток гостей начал иссякать. Следующие обойдутся без приветствий хозяев — пора открывать бал. Ноги гудели. Пользуясь мигом, когда все гости были у нас за спинами, я скорчила гримасу, проверяя, не приросла ли к лицу улыбка. И тут же встретила неодобрительный взгляд мужа. Смутилась, будто школьница, пойманная за списыванием. Оглянулась.

Завьялов вопросительно посмотрел на меня из-за колонны. Я кивнула.

— Дамы и господа, приготовьтесь к полонезу! — донесся из соседнего зала голос распорядителя.

Андрей подал мне руку — ладонью вверх, как подобает. Я положила пальцы на его ладонь, и мы двинулись в зал.

Глава 35

Завьялов сумел выстроить хаотичную толпу в стройные пары быстро, властно и безошибочно, принимая во внимание чины, значимость и связи. Никто не обижен, никто не забыт, все стоят именно там, где должны стоять согласно невидимой, но железобетонной иерархии Светлоярска. Распорядителю — моя благодарность, и не только на словах, но и в конверте. Корсакову — плюстик в карму, впрочем, этот своего не упустит.

Грянула торжественная музыка, и хотя я ее ждала, все равно чуть не подпрыгнула.

Полонез только называется танцем. На самом деле это не то шествие, не то парад. Демонстрация статуса, нарядов и умения держать спину. Иногда и от корсета бывает польза: осанку он создает великолепную. Да и поясница без него уже разболелась бы.

Мы шли первыми. За нами, соблюдая безупречную дистанцию, двигались вице-губернатор с супругой, сам Корсаков с дамой в лиловом, высшие чиновники губернского правления, залетные гости из Петербурга. Вся эта разряженная, сверкающая бриллиантами и мундирами толпа мерно, в такт музыке, шагала за нами, выстраивая живой орнамент.

«И раз, два, три... Чуть присесть на шаге, два, три...» — машинально отсчитывала я про себя.

Приседая, я опиралась на руку Андрея чуть сильнее, чем полагалось по правилам хорошего тона, но он ничем не показал, что замечает это. Вел надежно, и его ладонь под моей оставалась твердой и абсолютно неподвижной.

— Ты хорошо держишься, — негромко произнес он во время очередного плавного поворота. — Я опасался обморока еще до первого танца.

— Я предпочитаю падать в обморок, когда есть кому подхватить, — хмыкнула я. — И уж точно не на виду у всей губернии.

Он на долю секунды сжал мои пальцы.

— Учту.

Мы дошли до стены, по команде распорядителя линия разделилась на два ручейка вдоль стен с обеих сторон. Разворачиваясь, я оглядела тех, кто двигался следом. Залетный генерал с девицей Екатериной Вересаевой. Рыжие волосы баронессы Лерхен — на удивление близко к началу колонны, Белозерова, наверное, постаралась. Девочка держалась уверенно, я припомнила что это ее первый бал и мысленно пожелала удачи — в этом террариуме она ей понадобится.

— Я не успел сказать до первых гостей. Зал выглядит куда дороже, чем я предполагал, изучая сметы.

Занятно, стоило жене перестать падать в обморок при виде учетных книг — и у губернатора нашлось время для изучения смет. Я улыбнулась.

— Лучший комплимент для управленца — когда результат выглядит дороже, чем обошелся.

Пальцы под моей рукой дрогнули. К счастью, полонез уже заканчивался и обсуждать мои познания в теории управления стало некогда. Стройные ручейки распались на пары, кавалеры повели барышень к родителям, жен к мужьям.

— Куда тебя отвести? — спросил Андрей.

Я огляделась.

На банкетке у колонны расположилась Елизавета Михайловна Арсеньева. Прямо-таки ложу в театре себе забронировала, отсюда виден весь зал и оба буфета, к которым уже устремились молодые люди.

— Туда, — кивнула я в ее сторону.

— К Арсеньевой? — приподнял бровь муж.

— Играть в карты я пока не хочу, но мне нужно отдышаться.

— Ты ее терпеть не можешь, — заметил он, все же двинувшись в ту сторону.

— Толпы народа я тоже терпеть не могу, однако я здесь.

— Мне всегда казалось, что тебе нравятся эти толпы и внимание, которое на тебя обращают.

Я не стала отвечать — говорить банальности вроде «с тех пор я немного умерла и слегка пересмотрела взгляды на жизнь» не хотелось. Только посмотрела мужа, и он опустил глаза. Довел до банкетки, поклонился Арсеньевой и ушел.

А я осталась.

— Вы позволите, Елизавета Михайловна? — улыбнулась я.

Она помедлила, но все же подобрала юбки. Я опустилась на банкетку, скрывая облегченный вздох. Впрочем, рано расслабилась.

— Анна Викторовна, позвольте пригласить вас на вальс?

Белозерский. Парадный мундир, волосы безупречно приглажены, улыбка столь же безупречно вежливая — ну не мужчина, а картинка из «Сына отечества».

Пришлось снова встать, изобразив бессчетный за нынешний вечер реверанс.

— Прошу прощения, Александр Павлович, я намерена пропустить этот танец. Уверена, здесь найдется немало барышень, которые будут очень рады вашему приглашению.

Белозерский с улыбкой поклонился — не думаю, что его смутил отказ — и отчалил к группе барышень с маменьками у другой стены.

Арсеньева проводила его взглядом.

— Не жалеете, что пропустили вальс, Анна Викторовна? Дамы говорят, танцует Белозерский божественно.

Я взмахнула веером, позволяя себе на секунду расслабить мышцы лица.

— Для вальса нужна легкость мыслей и движений, а мои движения, к сожалению, подкосила болезнь.

— Однако легкость в мыслях осталась?

— Необыкновенная, — рассмеялась я, делая вид, будто не заметила подколки.

Арсеньева уставилась на меня с любопытством кошки, к которой на диван лезет незнакомая левретка. Я притворилась, будто полностью поглощена происходящим в зале.

Оркестр заиграл вальс, пары закружились. Как я и предполагала, Белозерский на этот танец без партнерши не остался, выбрал какую-то статную брюнетку. Я мазнула по ней взглядом и переключилась на другую пару. Андрей вел девицу Вересаеву. Кремовое платье, простая прическа — но что-то было в ее манере держаться, какая-то уверенность, несвойственная местным барышням, опускающим взгляд при приближении мужчины.

Впрочем, возможно, я несправедлива к местным барышням, баронесса Лерхен тоже глядела открыто и прямо.

— Хорошо смотрятся, — заметила Арсеньева тем невинным тоном, от которого у нормальной жены на моем месте должны были зашевелиться волосы на затылке. — Катенька прямо расцвела подле вашего супруга.

Смотрелись они действительно хорошо. Андрей вел уверенно — впрочем, он и швабру бы повел уверенно, — но и партнерша порхала легко, не висла на нем.

Я отвела взгляд. Вовсе не из ревности — откуда бы ей взяться. Просто поняла, что люблюсь тем, как он двигается. Можно в кино снимать, в роли Болконского. Правда, тот по тексту был невысокий и худощавый, а этот здоровенный.

Но такой же зануда и моралист, и потому мне следует выкинуть из головы всякие глупости.

— Елизавета Михайловна, кажется, вы упоминали, что эту девицу против ее согласия сватают за купца?

— За Шубина, дочь которого была давеча у вас на обеде?

— Да-да.

— Бедная девочка, некому наставить ее на путь истинный. Я имею в виду Анастасию Федоровну.

Девочку, заполучившую вместе с мужем гору светских условностей, которым ее вовремя никто не научил, конечно, было жаль. Но лезть в чужие отношения я не собиралась.

— А Вересаева?

— Говорят, она отказала, и дворянская опека в лице председателя, — Арсеньева сделала многозначительную паузу, — ее поддержала. Дескать, закон запрещает выдавать девицу против ее воли.

Ну что ж, у одной девушки проблемой меньше, а у меня минус одна моральная дилемма. Я — не мать Тереза, готовая спасти всех, кто подвернется под руку, и стоит почаще вспоминать об этом.

— Хорошо, что все разрешилось. У барышни прелестный профиль и очаровательные манеры. Было бы досадно, если бы такая редкая порода оказалась заперта в стенах купеческого дома. И Анастасию Федоровну действительно жаль. Деньги мужа — не замена его доброму отношению.

Арсеньева чуть наклонила голову.

— Как тонко замечено, Анна Викторовна. Вы говорите об этом с таким... пониманием.

Я улыбнулась поверх веера.

— Разумеется. Мне повезло с мужем, и поэтому я очень сочувствую чужому невезению.

— Этак вы скоро и о сиротах заботиться начнете, перехватив монополию у Софьи Андреевны, — не унималась Елизавета Михайловна.

Белозерова, беседовавшая неподалеку с женой купца Еремеева, повернула голову в нашу сторону.

— Не правда ли, Софья Андреевна? — обратилась к ней Арсеньева. — Это же ваша епархия — им покровительствовать. Вон уже и девицу Лерхен под крылышко взяли.

— Баронесса не сирота, — мягко поправила Белозерова. — У нее есть отец, хоть и больной. А то, что я попросила ее составить мне компанию, лишь дань старой дружбе между нашими семьями.

— Ну разумеется. Я имела в виду лишь то, что вы так много делаете для сиротского приюта. Помнится, Анна Викторовна тоже состоит в попечительском совете?

Прежняя Анна состояла в нем, потому что жене губернатора это полагалось. Примерно с таким же энтузиазмом, как кот — в обществе защиты мышей.

Я кивнула.

— На носу — Великий пост. — Арсеньева взмахнула веером. — Когда еще думать о душе и богоугодных делах.

— Вы, как всегда, правы, Елизавета Михайловна, — согласилась я. — И если мой долг — заглянуть в приют, я исполню его со всей тщательностью. На днях как раз изучала сметы, представленные экономкой, могу проверить и приютские... Цифры всегда выглядят так монотонно, пока не увидишь то, что за ними стоит. Не правда ли, Софья Андреевна?

Белозерова смерила меня внимательным взглядом.

— Если вы действительно этого хотите, Анна Викторовна, я непременно нанесу вам визит. После Прощеного воскресенья, если позволите.

— Я буду рада вас видеть.

Вальс закончился. Андрей подвел Вересаеву к тетке, но едва успел отойти, рядом нарисовался Корсаков, поклонился, приглашая девушку на следующий танец.

В центре зала на миг стало пусто, и я увидела у буфетного стола Григория Ивановича, который о чем-то негромко беседовал с женой казначея.

— О, и Григорий Иванович здесь, — заметила Арсеньева. — Елена Игнатьевна смотрит на него как на святого после того, как он спас ее младшего от горловой жабы. Говорят, три ночи от постели не отходил.

Я посмотрела еще раз. Губернский доктор улыбнулся женщине, сжал ей локоть, успокаивая. Та кивнула и отошла.

Что ж, губернский доктор — не тот человек, которого хозяйка дома может игнорировать.

— Пожалуй, кадрили я тоже пропущу. — Я поднялась с банкетки. — С вашего позволения, дамы.

Заодно проверю, как дела у буфета, да и попить не помешает.

Глава 36

Пока я подходила к буфету, успела заметить, как незнакомый человек подхватил на поднос грязные тарелки, пустой бокал и растворился в темноте столовой. Так ненавязчиво и бесшумно, что ни одна голова в его сторону не повернулась — как, впрочем, и предполагалось. Степан был прав: люди опытные.

Григорий Иванович закончил разговор с девицей Лерхен, поклонился вице-губернатору. Тот ответил на поклон доктора и, взяв его под локоть, увлек чуть в сторону от шумной толпы к окну.

Я проводила их взглядом и решила не гнаться следом. Будет еще время, тем более что общаться по душам с губернским доктором я вовсе не рвалась. Я взяла со стола бокал с лимонадом, пригубила. Отличный — в меру и кислоты, и сладости. Пить можно без опасений: по моему настоянию лед морозили из кипяченой воды. Тихон отнесся к этому требованию как к безвредной барской придури: сделать проще, чем объясняться потом, почему ослушался.

Баронесса Лерхен смотрела вслед Григорию Ивановичу будто интерн на профессора, ляпнувшего на обходе что-то несусветное. Она закатила глаза и буркнула себе под нос:

— Еще мы кровь не пускали, когда организм и так ослаблен.

Я едва не выронила бокал. Могла ли провинциальная барышня так рассуждать или я ослышалась?

— Вы что-то сказали? — повернулась я к ней.

Девушка вздрогнула, в глазах промелькнуло что-то похожее на страх.

— У вас потрясающий бал, Анна Викторовна, — произнесла она безупречно светским тоном. — Я невероятно рада здесь оказаться.

Я все же ослышалась?

Я взяла второй бокал лимонада, соображая, как бы поаккуратней вывести разговор на нужную тему, но тут за моим плечом вырос Степан.

— Анна Викторовна, на минутку, если позволите.

— Простите, баронесса.

Девушка присела в книксене.

Степан указал в сторону темного пока входа в столовую. Я двинулась туда.

— Григорий Иванович, это никуда не годится, — донесся до меня сухой голос вице-губернатора. — Мне придется краснеть перед Андреем Кирилловичем, а тому — терпеть недовольство Петербурга.

Я замедлила шаг, наостряя уши.

Доктор тяжело вздохнул. Его круглое, мягкое лицо вдруг осунулось, словно с него стерли привычную маску благодушного уездного эскулапа, и превратилось в лицо человека, который устал биться головой о стену.

— Петр Аркадьевич... — Голос Григория Ивановича дрогнул, и мне показалось, что он едва сдерживает эмоции. — Я могу прислать в Ключевский уезд лучших оспопрививателей. Я могу обеспечить их вакциной. Чего я не могу сделать — так это вложить здравый смысл в головы крестьян! Вы знаете, что они творят, едва отойдя от прививателя?

Вице-губернатор поморщился, похоже, не желая вдаваться в физиологические подробности.

— Они бегут высасывать вакцину из надрезов на руках своих детей! — с горечью продолжил доктор, не обращая внимания на гримасу чиновника. — Называют след от вакцинации антихристовой печатью. А как только в соседней деревне кто-то заболевает настоящей, черной оспой, бабы пекут пироги, хватают младенцев и бегут туда на поклон! Зовут болезнь Оспицей Матушкой. Умоляют заразить своих детей, покупают струпья за копейку и втирают их в кожу здоровым детям!

Мороз продрал по коже, я остановилась так резко, что Степан едва не налетел на меня.

— А когда деревня вымирает наполовину, утешаются тем, что покойники в раю покроются жемчугом, — договорил доктор.

— Это варварство, Григорий Иванович. Но вы — человек образованный. Вы обязаны их просвещать, — сухо парировал чиновник, явно больше озабоченный статистическими данными для Петербурга, чем деревенскими суевериями.

— Просвещать?! — Доктор невесело усмехнулся. — Я для них — слуга дьявола. Петр Аркадьевич, мне нужны силовые меры. Один из моих оспопрививателей едва успел ноги унести. В лучшем случае

крестьяне прячут детей по лесам. Дайте мне приказ, обязывающий исправников и станowych приставов содействовать оспопрививателям.

Вице-губернатор пожевал губами, прикидывая политические риски.

— Я дам распоряжение исправнику Ключевского уезда о содействии. Искренне советую вам сейчас, пока он на балу, найти его и поговорить лично. А за официальным предписанием пришлите когонибудь к моему секретарю во вторник утром.

— Благодарю вас, Петр Аркадьевич. И, пожалуй, я попрошу отца Павла списаться с благочинным Ключевского уезда. Пусть тот наставит своих сельских батюшек на путь истинный, чтобы они паству свою просвещали с амвона, а не потакали бабьим сказкам. Если крестьянин услышит от священника, что прививка — дело богоугодное, исправнику не придется применять силу.

— Это уж на ваше усмотрение, Григорий Иванович.

Я медленно выдохнула, направляясь к двери буфетной. Века идут, люди не меняются. В мое время боялись прививок, потому что прочитали в интернете про аутизм. Здесь — из-за печати антихриста. Декорации меняются, страх и необразованность — нет.

Степан распахнул передо мной дверь, я поморщилась от яркого света в буфетной. Вокруг кипела работа. В одном углу девки мыли и споласкивали бокалы, кто-то перетирал тарелки, рядом с кухней укладывали на блюда закуски, вынесенные оттуда, на отдельном столе переливали вино из бутылки.

— Осмелюсь спросить, барыня, что велите с воров делать? Поймали голубчика, когда бутылку шампанского за пазуху сунул. Наказ ваш я им всем передавал, еще когда по первости договаривались, и сегодня днем повторил.

Ага. Кто-то из тех самых лакеев, которых прислал дворецкий Дворянского клуба по протекции Корсакова. И именно поэтому Степан не решил дело сам, не спустил парня с крыльца и не выбил из него дух в темном углу, а позвал меня.

Если Степан вышвырнет вора самостоятельно, предводитель дворянства может высказать губернатору, что в его доме безосновательно обижают людей, за которых он, пусть и опосредованно, поручился. А губернатор, в свою очередь, потребует от Корсакова объяснений, почему его люди воруют в чужом доме.

Политический скандал на ровном месте из-за бутылки шампанского. Точнее, из-за того, что кто-то попался.

— Где он? — спросила я.

Степан вывел меня в черный коридор. Там в полутьме переминался с ноги на ногу парень во фраке и белом жилете, то и дело косясь на кучера, перегораживающего плечами коридор.

— Дел не впрокорот, а два человека стенку подпирают вместо того, чтобы работать, — проворчала я.

— Виноват, Анна Викторовна, — поклонился Степан. Кучер вытянулся во фрунт.

Я перевела взгляд на воришку.

— Тебя Степан Прохорович предупредил насчет воровства? — спросила я.

Парень уставился в пол.

— Предупреждал? — повторила я тоном, услышав который, ординаторы вспоминали даже, казалось бы, благополучно забытый материал.

— П-предупреждал, барыня, — едва слышно выдавил он.

Гнать его сейчас взашей значит пробить дыру в обслуживании. Людей и так в обрез, каждый лакей на счету. Бал в самом разгаре, впереди еще ужин. С другой стороны, простить — расписаться в собственной слабости, и через час под фалдами фраков уплывет половина купленного на бал вина.

— Значит, так, — ровно произнесла я. — Выбор у тебя простой. Либо ты сейчас же уходишь. Оплату получишь только за отработанные два часа, за вычетом половины стоимости бутылки шампанского, которую ты пытался украсть. Это штраф за воровство в губернаторском доме. И завтра я лично, в присутствии предводителя дворянства, сообщу дворецкому Дворянского клуба причину твоего расчета.

Парень побледнел как полотно. Вылетит с волчьим билетом — навсегда останется без хорошего приработка в сезон балов.

— Барыня, Христа ради... — Он попытался броситься на колени, но кучер молча ухватил его за шкуру, удерживая на ногах. — Бес попутал... Семья, детки малые...

— Либо второй вариант, — перебила я его причитания. — Ты остаешься до конца бала. Но из твоей итоговой оплаты мы всё равно

вычтем треть — как штраф за нарушение правил. И к вину и еде ты больше не прикоснешься. Степан Прохорович, — я повернулась к камердинеру, — отправь его в вестибюль, на прием шуб и подачу саней. А сюда, в коридор, переведи кого-нибудь из наших парней, чтобы уносил грязную посуду. Из тех же, кто сейчас носит посуду в зал, выбери самого расторопного и поставь к буфету разливать гостям вино.

Я снова посмотрела на парня.

— Выбирай. Дверь или вестибюль за две трети оплаты?

— Останусь, барыня! Век Бога молить буду, только не гоните! — закивал он, едва не плача от облегчения. Две трети платы были лучше, чем ничего и волчий билет от Дворянского клуба.

— Степан Прохорович, распорядитесь. — Я кивнула камердинеру, закрывая этот инцидент. — И проследите, чтобы замена прошла без суеты в залах.

— Не извольте беспокоиться, Анна Викторовна. Всё сделаем-с.

Я не стала возвращаться в буфетную, прошла через черный коридор в галерею зимнего сада. Плечи обдало прохладой. Позволив себе на миг прижаться лбом к оконному стеклу, я выпрямилась, натянула на лицо улыбку и открыла дверь в малую гостиную.

За ломберными столами кипела жизнь. Дамы, которым возраст или комплекция уже не позволяли отплясывать, с упоением резались в карты. Пахло кофе и табаком. Пышная дама щелкнула крышкой табакерки, взяла понюшку и смачно чихнула в платок.

Меня заметили. Я поулыбалась, покивала, приняла пяток комплиментов, раздала десяток, отказалась от предложения сыграть, сославшись на рассеянность после болезни, и скрылась за дверями своего будуара, временно переоборудованного в дамскую комнату.

Здесь царил приятный полумрак. Рядом с одной дамой суетилась горничная, перекалывая брошь так, чтобы спрятать под ней пятно от вина. Другой даме помогали поправить спустившийся чулок. На небольшом столике красовались флаконы с розовой водой и стопка белоснежных полотенец.

Я заглянула за ширму, отгораживающую уголок. Там стоял кувшин с теплой водой — своевременно пополнять его входило в обязанности горничных, — таз и плетеная коробка, в которой стопками лежала чистая прокипяченная ветошь и тесемки. Природа не

спрашивает разрешения у этикета, и женская физиология не изменится оттого, что о ней не принято говорить вслух. Судя по тому, что ветоши стало меньше, моя предусмотрительность оказалась не напрасной — и для кого-то чистая ткань станет дороже, чем самое дорогое шампанское.

Как ни подмывало проскользнуть в спальню и рухнуть на кровать, я все же направилась в противоположную сторону. Вышла в галерею, не дойдя десятков шагов до вестибюля, присела на сундук. Господи, как же хорошо. Две минуты. Всего сто двадцать секунд в тишине и прохладе. Совсем рядом гремела музыка, смеялись люди. Губернаторский бал набирал обороты, пожирая деньги Андрея, нервы прислуги и мои силы.

Глава 37

В тишине зимнего сада и примыкавшего к нему вестибюля было слышно, как открылась и закрылась дверь приемной Андрея, превращенной в комнату, где играли мужчины. С той стороны — такая же галерея, как и та, где сидела я. Сейчас пройдут, и я вернусь в бальный зал.

— Если подрядчик не начнет свозить лес сейчас, а будет ждать сплава, — услышала я голос Андрея, — к распутице уезд опять останется без нормальной гати. Я не намерен писать в Петербург о непроходимых дорогах второй год подряд.

— Помилуйте, Андрей Кириллович, по бумагам Тимофеева до лета не раскачать.

— Значит, вы, Иван Семенович, как уездный предводитель объясните господину Тимофееву, что, если он сорвет работы и в этот сезон, к будущему я найду другого подрядчика.

— Понял вас.

— И еще одно. Пусть примет к сведению, что я не считаю прежние рекомендации бессрочными. — Пауза перед следующим предложением стала чуть дольше, чем нужно. — Да и вам, Иван Семенович, неплохо бы это помнить.

— Разумеется, Андрей Кириллович, — после короткой заминки произнес его собеседник. — Завтра Прощеное воскресенье, но уже в понедельник я поговорю с подрядчиком.

Я хихикнула про себя. Ну и чем, спрашивается, эта беседа с предводителем уездного дворянства отличается от моего недавнего разговора с экономкой? Разве что масштабом.

Вставать не хотелось, но пора было снова показаться гостям. Я шагнула в вестибюль. Дежурившие там лакеи еще стояли навытяжку. Услышав мои шаги, Андрей обернулся в дверях большой гостиной.

— Вот ты где. Следующий танец — вальс. Нам стоит протанцевать его вместе. Выдержишь?

Политическая необходимость. Хозяева дома, которые кружатся в самом интимном танце эпохи, это сигнал. Губернаторша, хоть и была

больна, теперь здорова и танцует. Слухи о раздорах в семье преувеличены, в доме мир и согласие.

А что хозяин дома после каждого разговора с женой наедине требует коньяку, знает только Степан.

Я кивнула. Андрей подал мне руку. Мы вышли в центр большого зала первой парой.

Оркестр начал вальс, и я едва не расхохоталась. «Вальс-фантазия». Этот бал начинает превращаться в образцово-патриотическое мероприятие.

— Что-то не так?

— Глинка, — сообщила я, изо всех сил стараясь не заржать. — Вместо Штрауса.

— Не «вместо», а «вместе».

В самом деле, первым был старый добрый вальс Штрауса.

— Что-то имеешь против? — Андрей чуть склонил голову набок, будто не понимая.

— Вообще нет. Просто не ожидала.

— Государь желает, чтобы его подданные отдавали предпочтение отечественному.

Мне показалось, будто он тоже старательно прячет улыбку. Показалось.

— И, как верный слуга государев, губернатор не может иначе, — с такой же нарочитой серьезностью согласилась я.

— Именно.

Его ладонь на моей талии на миг прижала шелк платья чуть плотнее — впрочем, это тоже, наверное, показалось.

Сквозь тяжелые, сладкие ароматы духов, пудры и воска, наполнявшие бальный зал, пробился свежий, горьковатый запах бергамота. Одеколон Андрея.

А еще через пару минут мне стало не до хиханек и не до запахов. Вальс оказался не привычным мне плавным танцем, который разучивают к выпускному или на свадьбу. Стремительное вращение, требующее отличного вестибулярного аппарата и здоровых легких. А когда ты две недели как поднялась с постели после девяти дней горячки и беспамьятства, и легкие заперты в клетку из китового уса, каждый такт превращается в испытание на выносливость.

Мозг рефлекторно начал фиксировать изменения.

Пульс ушел за сотню. Вполне ожидаемо: физическая нагрузка на еще не до конца восстановившиеся мышцы. Дыхание стало поверхностным. Логично: жесткий каркас корсета не позволяет грудной клетке раскрыться, а повышенное все из-за того же корсета внутрибрюшное давление мешает диафрагме опуститься. Легкое головокружение: декомпенсация вестибулярного аппарата из-за быстрого вращения.

Все было логично и научно объяснимо.

Кроме одного.

Слишком уж отчетливо я ощущала ладонь Андрея на своей талии — сквозь все слои ткани и корсет. Слишком очевидно моя ладонь чувствовала литые мышцы его плеча сквозь мундир и что там еще было на нем надето.

Мы были чересчур далеко друг от друга, чтобы мужское тело рядом что-то значило. Чересчур близко, чтобы игнорировать его уверенную силу.

Взгляд ровно по этикету — через плечо партнера в пространство. Только край глаза то и дело ловил четкую линию челюсти и жесткую складку у рта.

Нога скользнула по паркету — все же перестарались с мастикой. Я пошатнулась. Андрей подхватил. Я встретилась с ним взглядом на долю секунды. Он посмотрел мне в глаза. И тут же, не сговариваясь, мы оба уставились поверх плеч друг друга.

Молодец, Анна Викторовна. Самое время изображать Наташу на первом балу.

— Ты бледна, — негромко сказал он. Прозвучало это как констатация капитаном корабля факта пробоины в борту.

— Воздуха не хватает, — с приклеенной улыбкой сообщила я чистую правду. — Переоценила свои силы.

Андрей не ответил и темпа не сбавил — ронять рисунок танца когда все смотрят было нельзя. Но его рука притянула мою талию на долю дюйма ближе, перенося часть моего веса на себя. Так что его объятия превратились в подобие экзоскелета, чтобы мне больше не нужно было тратить силы, удерживая равновесие в повороте.

И от этого абсолютно неромантичного, но спасительного жеста у меня перехватило дыхание куда сильнее, чем от корсета.

Еще один круг по залу. Запах бергамота стал невыносимо концентрированным, перед глазами темнело. Если этот вальс продлится еще минуту, я все же свалюсь в обморок на глазах у всей губернии, и неважно, что поймать вроде бы есть кому.

Танец закончился как раз вовремя. Андрей остановился плавно, давая мне возможность восстановить равновесие, прежде чем отступить.

Не свалилась.

Я присела в реверансе, опираясь на руку Андрея куда сильнее, чем было прилично.

— Тебе дурно, — сухо констатировал он.

Ответить он мне не дал. Шагнул ближе, подставляя локоть. Я ухватилась за него — не кончиками пальцев, как положено по этикету, а положив ладонь целиком, тяжело и плотно. Андрей куда-то повлек, не давая мне упасть. Только сейчас я поняла, что остановились мы не в центре, а у края зала — быстрее получится скрыться от любопытствующих.

Надо было поблагодарить. Но сил хватало только дышать.

Когда в глазах прояснилось, я обнаружила, что в паре метров от меня стоит Григорий Иванович. Я подавила рефлекторное желание вырваться. Все логично. Жене дурно — жене нужен врач. Никого лучше губернского врача в этом зале нет. Про то, как Григорий Иванович покинул наш дом в последний раз, Андрей то ли забыл, то ли не захотел вспоминать. В конце концов, он уважил предсмертную волю жены и избавил ее от доктора. А то, что воля оказалась не последней, — непредвиденное стечение обстоятельств.

Зато доктор не забыл. Бокал лимонада в руке опустился, плечи распрямились, лицо мгновенно приняло выражение собранной, настороженной вежливости. Я сама не раз и не два натягивала подобное выражение. Все личное — в сторону, профессия обязывает. Потому что мое зеленое лицо и скорее всего посиневшие губы доктор-то разглядел сразу. В мире, где основной диагностический инструмент — наметанный взгляд специалиста, по-другому нельзя.

Андрей по-прежнему загораживал меня спиной от всех остальных. Широкая у него спина. Как ширма. И снаружи картина наверняка выглядит безупречно. Губернатор с женой беседуют с

доктором, который честно выхаживал ее от послеродовой горячки — и выходил-таки!

Гости могут танцевать дальше.

— Григорий Иванович, — сказал Андрей. — Анне Викторовне нехорошо.

Доктор кивнул.

— Анне Викторовне сейчас лучше всего помогут свежий воздух и покой. Есть ли возможность препроводить вашу супругу в более тихое место?

По всему было видно: он ждал скандала. Прежняя Анна сейчас бы развернулась на полную катушку. Мне скандал был не нужен. Помощи от доктора, конечно, не получить — по большому счету мне нужно только сесть и отдышаться. Но и ругаться с ним бессмысленно.

Я улыбнулась.

— Только, пожалуйста, давайте обойдемся без ланцета. Паркет и так скользкий, кровь только ухудшит ситуацию.

Доктор едва заметно выдохнул.

— Где у вас есть возможность сейчас скрыться от гостей?

— Думаю, достаточно будет выйти на улицу и немного посидеть на скамейке.

— Да, уличный воздух пойдет вам на пользу. С вашего позволения, я бы добавил камфары в красное вино и принес вам. Только обязательно укройтесь чем-нибудь теплым, чтобы не простыть. — Он покачал головой. — Вам не следовало танцевать так рано.

— Я провожу Анну Викторовну и распоряжусь насчет горячего вина, — ровно произнес Андрей.

Только рука его под моим локтем окаменела. Только что она была живой — подстраивалась под каждое мое движение — а сейчас превратилась в костыль.

— Камфары у меня нет, — добавил он.

— Я оставил саквояж вашим лакеям, — сказал Григорий Иванович. — Если вы распорядитесь, камфара найдется.

Я скорее почувствовала, чем услышала короткий, чуть глубже обычного, вдох Андрея.

— Конечно.

В голосе мужа не осталось ни капли жизни. Я покосилась на него. Желваки на углу челюсти, будто он стиснул зубы изо всех сил. Я уже

видела это выражение лица. Как раз сразу после того, как Григорий Иванович ушел. Когда я услышала, что я — чудовище.

Минуту назад он смотрел на меня иначе. Пару минут назад мне казалось, что мы смогли нащупать какое-то рабочее взаимодействие. Шутка про ланцет ударила куда-то не туда — как будто я посмеялась над чем-то святым для него. Но спрашивать, как и гадать, бесполезно. В чужую голову без миелофона не залезешь.

За спиной губернатора, как всегда бесшумно и вовремя, появился Степан.

— Степан, распорядись, чтобы Григорию Ивановичу принесли горячего вина, и помоги ему найти его саквояж, — так же мертво приказал Андрей. — Григорий Иванович, мы будем в саду.

Он повел меня в вестибюль, оттуда на улицу. Не дал оступиться на ступеньках крыльца. Накинул на плечи мундир, прежде чем я рухнула на скамейку в тени деревьев. От холода подо мной защитили пять юбок поверх сорочки и платье. Плечи, взмокшие от холодного пота, укутало сукно мундира.

Запах бергамота обволок плотным облаком. Где-то неподалеку заржала лошадь. Засмеялись мужики — возницы ждали своих господ.

Я же смотрела на профиль мужа, замершего недалеко от меня. В тусклом свете, падавшем из окон галереи, его лицо казалось высеченным из камня. Ни единой эмоции. Идеально работающий механизм, выполняющий заданный алгоритм.

Губернаторша не должна простудиться. Губернаторша должна выздороветь, чтобы исполнять представительские функции. А для этого инструмент надо укрыть. Все по инструкции.

Наверное, надо было расспросить, что я сказала не так. Но для таких расспросов нужно доверие. А какое доверие может быть между нами?

Да и незачем. Что он Гекубе? Что ему Гекуба? Мы просто два человека, отрабатывающие контракт. И мне надо радоваться, что партнер попался ответственный. Не бросил падать посреди зала.

Стукнула дверь. К нам шел Григорий Иванович, за ним с крыльца спустился Степан, неся на подносе серебряный стакан, от которого исходил пар.

Григорий Иванович взял стакан, протянул мне.

— Выпейте, Анна Викторовна. Вино восстановит силы, камфара подхлестнет сердце.

Честно говоря, я предпочла бы обычный крепкий чай, но спорить сейчас, пожалуй, было лишним. Скоро должен начаться ужин, так что развезти меня не успеет, да и камфарой отравиться я не должна.

От запаха заслезились глаза, но я послушно отпила глоток. Тепло опустилось в желудок. Отпив еще немного, я вернула стакан Степану.

— Спасибо, мне намного лучше.

Григорий Иванович не стал спорить, жестом отпустил камердинера. Мы остались втроем. Я, доктор и Андрей, застывший в метре от нас каменным изваянием, уставившимся в темноту парка.

— Признаться, я рад видеть вас на ногах, — негромко произнес Григорий Иванович. — Я очень беспокоился за ваше здоровье. Такой тяжелый случай...

И, судя по его голосу, он действительно радовался, что я не умерла.

— Но танцевать вам, голубушка, категорически не следовало! — тут же добавил он с интонацией ворчливого деда. — Ох уж эта дамская страсть блистать в свете... Организм истощен, баланс гуморов еще не восстановился. Вам бы лежать еще недели две, а вы в корсете да в вальс. Это же прямое покушение на собственную жизнь!

Я улыбнулась.

— Спасибо вам за беспокойство, Григорий Иванович.

Что бы я сделала, если бы пациентка с сепсисом вдруг отказалась от антибиотиков и заявила, что поедет в тайгу лечиться медитациями, мухоморами и молитвами?

Да то же самое. До последнего бы пыталась достучаться если не до самой пациентки, то до родственников. Вот и он... пытался.

Это не оправдывает, конечно, ни грязных рук, ни всего, что за этим последовало. Но я видела врачей, пациенты которых гибли из-за лени и безразличия. И фатальные врачебные ошибки тоже видела. Ненавидеть за ошибки человека, который три ночи просидел у постели ребенка с дифтерией, рискуя заразиться, и пытается спасти от оспы крестьянских детей, у меня не получалось. Готова поспорить, через двести лет после того, как работала я, кто-то и на меня будет смотреть как на дикаря с ланцетом.

Доктор чуть смущенно кашлянул.

— Что ж... Долг врача — быть там, где он нужен.

Я снова улыбнулась. Встала, помедлила, ожидая реакции тела. Голова не кружится, в глазах не темно. Отдышалась.

— Ужин вот-вот должен начаться, — заметила я. Протянула Андрею мундир. — Спасибо.

Он принял его, надел. Одернул полы.

— Не стоит. Идем, Анна. Нас ждут гости.

Он подставил мне локоть. Я оперлась на него. Самыми кончиками пальцев, как и полагается по этикету.

Глава 38

Ужин походил на хорошо отрепетированный спектакль. Два длинных стола вдоль стен, еще один — в центре зала для хозяев и самых знатных приглашенных. Короче, чем остальные, но все равно чересчур длинный.

Тихон превзошел сам себя, прислуга меняла тарелки споро и незаметно. А я вместо того, чтобы наслаждаться ужином, поддерживая легкую беседу с соседями, то и дело поглядывала сквозь лес канделябров и вазы с фруктами на другой конец стола.

Сосед справа что-то спросил. Я улыбнулась и ответила, не слыша собственных слов. В зале было жарко: свечи, люди, вино. А внутри все смерзлось, и я никак не могла понять почему.

Андрей улыбался соседкам, шутил, судя по их смеху, смеялся негромко, но искренне на вид. Какой же он на самом деле? Скучный сухарь, которого помнила прежняя Анна? Ледяной взгляд и «ты — чудовище»? Надежная рука, не давшая упасть на паркет, и широкая спина, закрывшая от двухсот пар любопытных глаз? Человек, который подхватил мою аферу с отечественным и заменил Штрауса Глинкой? Нет, я не считала свою находку гениальной, но на миг мне показалось, что мы могли бы друг друга понять, несмотря на разницу во времени и воспитании.

Или тот, чья рука под моим локтем за одну секунду превратилась из живой в мертвую?

Все это — один и тот же мужчина. И ни одного из них я не знаю.

Ужин наконец закончился. Гости, отяжелевшие от кулинарных шедевров Тихона и щедрых возлияний, потянулись обратно в большой зал. Теперь бал пойдет на спад. Кто-то из чиновников постарше уже начинал потихоньку откланиваться, однако предстоял еще блок танцев, да и игроки наверняка ждут, когда ломберные столы вернут на место, чтобы пропустить партейку-другую.

Пока гости ужинали, бальный зал проветрили — об этом я договаривалась со Степаном заранее. Однако раскрывать все окна не стали, опасаясь, что сквозняк задует свечи, и потому зал все равно показался мне душным. Зато появился предлог выйти в галерею с

баронессой Лерхен. Если слухи про удар у ее отца — правда, сейчас уходит самое золотое время для восстановления, и не вмешаться я не могла. Конечно, я не реабилитолог и никогда им не была, просто успела дожить до возраста, когда родители друзей и знакомых начинают сдавать. И хотя своих родителей я не знала, коллеги, конечно, делились и бедами, и советами, и контактами хороших специалистов. Жаль, что последних здесь взять неоткуда.

Я подсказала баронессе, что могла подсказать без осмотра и не ссылаясь на собственные знания — потому что неоткуда здесь было взяться знаниям у женщины едва ли на пару лет старше барышни Лерхен. Пришлось придумать старую мудрую бабушку, тем более что и советы были простые. Не давать лежать пластом. Переворачивать, разминать, сажать понемногу. Кормить полусидя, по возможности предотвращать контрактуры на пораженной стороне. То, что по идее должна знать любая опытная сиделка, — но здесь, судя по всему, не знал никто.

Хорошо, что у Варвары хватило здравого смысла не ждать, пока подействуют — точнее, не подействуют пиявки и кровопускания, а попытаться что-то сделать самой. Необычно для юной барышни. С другой стороны, много ли я знала о местных барышнях? Анна была тепличным цветком, но даже чисто статистически не могли все местные девушки оказаться такими же, как она.

Я напросилась заехать посмотреть на барона сама, отчетливо понимая, что совершаю очередную глупость. Хотелось повторить себе — я не мать Тереза, чтобы спасти всех, кто не успеет увернуться. Но и забыть и не думать не получалось.

Пока мы разговаривали, мимо пробежала Градова, жена светлейшего князя, которой недавно фальшиво сочувствовала Арсеньева. Простившись с баронессой Лерхен, я направилась в дамскую комнату.

Градова сидела в кресле зажмурившись, дышала мелко и часто.

— Анастасия Федоровна, вам нехорошо?

Она вздрогнула, открыла.

— Простите, Анна Викторовна. Ужин выше всяких похвал, но...

Странное дело. Вроде бы тот же голос, те же черты. Но что-то неуловимо изменилось. Трудно было поверить, что эта молодая женщина пару недель назад за обедом заглядывала мужу в лицо и

позволяла обходиться с собой как с мебелью. Сейчас, даже бледная до зелени, она держалась иначе.

— Если ужин не пришелся по нраву вашему желудку — ничего страшного. И вам некуда торопиться. К тому же здесь больше никого нет и вы никому не мешаете.

Я подала ей полотенце, смоченное розовой водой, — обтереть лицо.

Или мне просто кажется, что Градова переменялась. Сегодня мне многое кажется. И прежде, чем я успела додумать эту мысль, с языка сорвалось:

— Анастасия Федоровна, простите за нескромный вопрос: когда у вас в последний раз были женские дни?

Она уронила полотенце, а я мысленно выругалась. Что меня дернуло лезть с бестактными вопросами к почти незнакомой женщине? Дурно может стать от чего угодно — духоты, слишком плотного ужина, мигрени, в конце концов. Профдеформация, чтоб ее. Но обычно у меня хватало ума не приставать к людям в нерабочее время.

Может быть, потому, что обычно это они ко мне приставали, зная о моей профессии? Пятнадцать минут болтовни в любой незнакомой компании — и обязательно найдется кто-нибудь, кому понадобится медицинская консультация, неважно по какому поводу — от давления до геморроя.

— Я... я не знаю. Не помню. — Голос сорвался. — Вы думаете, что я...

— Когда дело касается молодой женщины, это первое, что приходит на ум. Хотя плохо может стать и от танцев, и от чрезмерно затянутого корсета. — Я ободряюще улыбнулась. — У меня самой час назад потемнело в глазах посреди вальса — однако я совершенно точно не беременна.

Она судорожно вздохнула, кажется, собираясь разреветься.

— Понаблюдайте за собой, — посоветовала я. — Такие вещи лучше узнавать раньше, чтобы не навредить себе по незнанию.

— А если я не хочу знать?

Мужчина, который ее ни во что не ставит. Новые правила, от которых голова идет кругом. Пожалуй, я ее понимала.

— Дети думают, что, если зажмуриться и спрятаться под одеяло, все страхи развеются сами собой. Но вы ведь не ребенок, Анастасия Федоровна. Когда выбора нет, лучше знать об этом сразу и знать, к чему готовиться.

Не бог вещь какое утешение, но уверять будто что бог не делает, все к лучшему, у меня язык бы не повернулся. И лучше не вспоминать о родильной горячке.

Она вытерла лицо полотенцем. Бледность понемногу проходила.

— Открыть форточку? — спросила я.

Она помотала головой.

— Спасибо, Анна Викторовна. Мне уже легче.

— Будем надеяться, что все обернется так, как в самом деле будет для вас лучше, — улыбнулась я, прежде чем покинуть комнату.

В большом зале оркестр снова играл мазурку, но в этот раз толкотни на танцполе не было. Гости тоже подустали. Я понаблюдала за танцующими с непонятной мне самой грустью. Говорили, если в вальсе начинается любовь, то в мазурке решается судьба. Дама убегает на носочках, кокетливо оглядываясь, мужчина догоняет, чтобы в финале дама упала ему на руки, словно сдаваясь под его напором. Я подавила вздох. Сдаваться я давно разучилась, так что придется держаться. Осталось пережить котильон.

У буфета по-прежнему было людно: любители закусок будто пытались наесться впрок, понимая, что бал скоро закончится. Кто-то наверняка сложит приглянувшиеся закуски в носовые платки, а то и в корзинки, чтобы прихватить с собой.

Петр Семенович Оболенцев, бессменный застольный завсегдатай, отхлебнул из бокала, довольно жмурясь, закинул в рот волован и, похоже, собирался отпустить какую-то шутку стоявшему рядом мужчине. Но из горла вырвался странный булькающий сип.

Я рванулась к ним, забыв о приличиях. Лицо Петра Семеновича стремительно наливалось багровой, нездоровой краской. Он схватился обеими руками за горло. Рот широко открылся, ловя воздух, но грудная клетка ходила ходуном вхолостую. Ни кашля, ни хрипа. Кусок слоеного теста намертво встал в гортани.

Кто-то засмеялся, решив, что человек дурачится. Кто-то спросил: «Петр Семенович, вам дурно?»

Оболенцев пошатнулся и начал оседать на пол. Музыка продолжала играть, перекрывая поднявшийся рядом с буфетом тревожный ропот. Мужчины сгрудились вокруг лежащего.

Из-за спин собравшихся вынырнул Григорий Иванович. Раздвинул людей, засунул пальцы в рот пострадавшему, пытаюсь нащупать кусок.

Бесполезно.

Григорий Иванович поднял голову.

— Ты! — Повелительный жест в адрес ближайшего официанта, с ужасом смотревшего на происходящее. — С одеждой мой саквояж, немедленно.

Вот только трахеотомии нестерильным ножом на моем бальном паркете мне тут и не хватало!

Я распахнула людей — удивительно, но мужчины расступились. Так же, как Григорий Иванович, ткнула пальцем в оставшегося за буфетом официанта.

— Стул из столовой сюда, быстро!

Огляделась. Степан. Как всегда, вовремя.

— Что изволите приказать, Анна Викторовна? — Только очень внимательно прислушавшись, можно было расслышать тревогу в голосе камердинера.

— Подними господина Оболенцева. За подмышки.

— Анна Викторовна! — возмутился Григорий Иванович.

Договорить я ему не дала.

— Пока не принесли ваш саквояж, попробуем по-моему.

Подскочивший официант поставил стул.

— Степан, перекинь господина через спинку, так, чтобы она упиралась ему под ложечку, — приказала я.

Степан послушался. Стул пошатнулся, но устоял. Спинка уперлась точно под диафрагму пациента, и, не дожидаясь, пока он обмякнет на ней, я со всей силы шарахнула сцепленными в замок руками между лопаток. Спинка стула вдавилась в живот.

Сиплый резкий выдох.

Злосчастный волован вылетел из горла Петра Семеновича и шлепнулся на паркет.

Оболенцев судорожно, со свистом и хрипом вздохнул.

— Помоги ему подняться, Степан, — велела я.

Камердинер и все тот же официант осторожно подхватили пострадавшего под руки, усадили на стул. Лакей, подскочивший с чемоданчиком Григория Ивановича, замер. Все молчали. Музыка продолжалась — кажется, за пределами пространства у буфета никто ничего не заметил, и слава богу.

— Поразительно, — выдохнул Григорий Иванович. — Резкое повышение давления в брюхе. Диафрагма, поднявшись, вытолкнула оставшийся в легких воздух, и он сработал как поршень. Просто, как все гениальное, но... Анна Викторовна, как вы догадались?

Кажется, без «бабушки» не обойтись.

— Я тут ни при чем, Григорий Иванович. Моя покойная бабушка рассказывала, что как-то таким образом спасла подавившегося племянника, перекинув через колено. Я просто... — Я изобразила смущенную улыбку. — Адаптировала методику под масштабы Петра Семеновича.

Кто-то из собравшихся нервно хохотнул.

Григорий Иванович снисходительно кивнул.

— Во времена вашей бабушки среди дам и девиц появилась мода изучать анатомию. Возможно, эта скандальная мода не так бесполезна, как мне казалось ранее.

Я пожалала плечами, в последний момент вспомнив, что при слове «анатомия» даме подобает скромно потупить взор.

Григорий Иванович вернул свой саквояж лакею. Сдержанно поклонился мне.

— Благодарю за урок, Анна Викторовна. Как вы справедливо заметили недавно, кровь на бальном паркете была бы совершенно излишней. Я запомню этот способ. — Он улыбнулся. — Впрочем, я хотел бы надеяться, что мне не представится случай применить ваш метод на практике.

Я вежливо улыбнулась в ответ. Вокруг одобрительно загудели.

Кожу обжег чужой взгляд. Я обернулась.

Поверх людских голов на меня смотрело каменное изваяние Андрея.

Глава 39

Бал выдыхался.

Закончился котильон, и гости потянулись к вестибюлю. Завтра по городу поползут сплетни, но сегодня происшествие оставалось в узком кругу тех, кто стоял у буфета.

Мы с Андреем снова встали у дверей гостиной, теперь изображая, что с должным вниманием провожаем оставшихся гостей. Андрей говорил какие-то прощальные напутствия, я механически улыбалась, кивала, принимала бесконечные уверения в «совершенном восхищении этим вечером» и пожелания здоровья.

Когда за последним гостем закрылась дверь, я на миг позволила себе прислониться к дверному косяку.

— Иди к себе, Анна, — сказал Андрей голосом, который мог бы вернуть в город крещенские морозы. — Вечер был долгий.

Я покачала головой и направилась туда, где музыканты складывали инструменты в футляры. Опустевший зал казался чересчур большим. Крошки у буфета, растоптанные лепестки на паркете. К утру все это уберут, прекрасно справившись без меня.

Степан, в который раз за день, вырос за моей спиной. Андрей, поняв, куда я иду, шагнул следом, пристроившись за моим плечом.

Все как подобает. Хозяйка с улыбкой благодарит музыкантов за работу, старший среди слуг с молчаливого одобрения господ раздает чаевые. Отдельная благодарность — распорядителю бала, и ему, в отличие от остальных, не просто монета в руку, а конверт с поклоном.

Наконец и музыканты покинули дом. Кто-то из нашей дворни опустил люстру на цепи, начал гасить свечи специальными колпачками. Запахло дымом.

Мы с Андреем прошли в буфетную, где нанятые девки домывали фарфор. Степан за нами. Экономка встретила нас уже там. На отдельном столе поверх сукна лежали груды серебряных вилок, ножей, ложек, пузатых соусников. У стены выстроилась прислуга дворянского клуба. Если сейчас обнаружится нехватка серебра, Степану вместе с нашими людьми придется обыскивать нанятую прислугу.

— Извольте проверять, Андрей Кириллович, Анна Викторовна, — сухо произнесла экономка.

— Минутку, — сказала я.

Кивнула Степану, чтобы шел за мной, и заглянула на кухню.

Здесь было еще светло, но свечи догорали — хватит хорошо если на полчаса. Один поваренок свернулся калачиком на лавке, положив руку под голову. Второй сидел рядом, привалившись к стене, и спал с открытым ртом. На столе громоздились последние кастрюли, уже вымытые и составленные одна на другую.

Тихон сидел на табуретке у плиты. Услышав меня, он медленно поднял голову. Встал с видимым усилием и поклонился.

— Сядьте, Тихон Савельевич, — сказала я. — Вы с рассвета на ногах.

Повар упрямо поджал губы. Значит, не будем затягивать разговор. Я протянула ладонь назад через плечо, не глядя. Степан вложил в нее увесистый мешочек — чаевые, которые гости давали, уходя из столовой. Я положила его на стол.

— Это — от гостей. И я очень вам благодарна: ужин и оба буфета были выше всяких похвал. — Я улыбнулась, улыбка вышла уставшей. — На буфетах не осталось ни единого кусочка.

Тихон поклонился, пряча улыбку. Он тоже понимал, что остатки гости утащили с собой.

— Я попрошу Андрея Кирилловича выписать вам отдельное вознаграждение.

— Благодарю, Анна Викторовна. Андрей Кириллович никогда меня не обижал.

И правильно делал. Я простилась с Тихоном, вернулась в буфетную. Андрей уже стоял у горы вилок, я начала пересчитывать ложки. Степан и экономка перебирали крупное серебро, не забывая делать пометки в своих записях.

— Серебра столового — все согласно описи, — наконец сказал Степан с явным облегчением. — До последней ложечки.

Обошлось в этот раз.

— По комнатам тоже прошли, все забытое собрали, — сказала экономка. — Я с утра составлю список. Если гости пришлют записки, передавайте мне, я отправлю мальчишек вернуть забытое.

— Спасибо, Серафима Карповна, — кивнула я.

— Винных бутылок пустых сдали ровно по счету выдачи, — добавил Степан. — Ни единой пропажи-с.

В который раз за вечер я затылком почувствовала внимательный взгляд мужа. Оборачиваться не стала. Насмотрелась я на него за сегодня. А он пусть тарашится, дыру во мне все равно не проглядит.

— Благодарю вас, Степан Тимофеевич. И вас, Серафима Карповна, — сказала я. Обернулась к нанятым людям. — Вам тоже от нашего дома благодарность.

— Степан, дай этим людям на чай сверх оговоренного, — распорядился Андрей.

Поклоны, сбивчивые благодарности. Я дослушала их и пошла к себе, Андрей пока остался. Хватило бы сил добраться до спальни. Кликнуть Марфу, содрать с себя все, рухнуть на кровать и завтра с чистой совестью не просыпаться до обеда.

В гостиной уже погасили свечи, но лунного света хватало, чтобы не брести на ощупь. А вот шагов за спиной я не услышала, видимо, из-за усталости. Подпрыгнула, когда меня схватили за плечо, но тут же выдохнула — и рассердилась сама на себя. Я уже узнаю его руки.

Андрей молча положил мою ладонь себе на локоть. Я не стала спорить — на игры в сильную и независимую сил не осталось. Тяжело оперлась на него. Андрей сбавил шаг, подстраиваясь под мое шарканье. Так, молча, мы и добрались до моей спальни.

Я думала, он проводит меня и уйдет, но он опустил в кресло, буравя меня нечитаемым взглядом. Марфа подскочила на сундуке, просыпаясь, поклонилась барину — Андрей отмахнулся.

— Раздень барыню и можешь быть свободна, — приказал он.

Колебалась я недолго. Если я сейчас же не стащу с себя этот идиотский корсет, сдохну на месте. Хочет Андрей полюбоваться на недоделанный стриптиз — пусть любит. И тело не совсем мое, и больше сорочки он ничего не увидит, а начнет лезть с глупостями...

Не начнет. Мужчина, собираясь приставать к законной жене, не смотрит на нее как дуэлянт в ожидании выстрела противника.

Кажется, вечер еще не закончен, но у меня не было сил думать об этом. Если Андрей в очередной раз собрался вынести мне мозги — пусть попробует. Прямо сейчас все равно не получится, слишком уж я устала, чтобы на что-то реагировать.

Марфа, повинувшись моему жесту, стащила с меня платье и бесконечные юбки. Распустила корсет — и мне пришлось опереться на спинку кресла, чтобы не рухнуть, тело будто лишилось опоры, когда его перестал поддерживать китовый ус. Марфа облекла меня в пеньюар и тихо испарилась.

Интересно, будет подслушивать под дверью ссору господ? Не для того ведь Андрей остался, чтобы воспеть осанну моим организаторским талантам и проснувшейся экономности?

Я рухнула в кресло. Позволила себе откинуться на его спинку и закрыть глаза.

— Говори.

— Вечер прошел безупречно, — начал он. — Я слышал множество комплиментов организации. И даже... ситуация с господином Оболенцевым благополучно разрешилась благодаря тебе, Анна.

Я открыла глаза, собираясь поблагодарить, но Андрей не дал мне и рта раскрыть. Тем же самым ровным, деловым тоном он спросил:

— Кто такой Роман Петрович?

«Merзляк-анестезиолог», — едва не брякнула я на автопилоте.

Тридцать лет стажа, эпидуралку ставит не просыпаясь. А наша ругань по поводу обогревателя в ординаторской стала привычной, как ссоры в иных семьях. Еще с тех времен, когда шутки про горячую молодую кровь и любовь, которая должна греть, были актуальны.

Я опомнилась.

— Прошу прощения?

Сил сообразить, какое отношение имеет Роман Петрович из моего прошлого к этому настоящему и откуда Андрей про него знает, не хватало.

Андрей не отвел взгляда. Сидел в кресле напротив, в застегнутом на все пуговицы парадном мундире. Внимательно смотрел на меня, готовый поймать на вранье.

— Роман Петрович, — медленно, разделяя каждое слово, повторил он. — Две недели назад, умирая в горячке, ты звала его. Ты ругалась с ним, интимно, по-свойски. Я тогда не придавал этому значения. Мало ли кто мог привидеться в бреду.

Он подался вперед, упираясь локтями в колени, и сцепил пальцы так крепко, что побелели костяшки.

— Но потом мне на стол лег счет из аптеки на скальпели из цельной стали и шелковые нити. Сегодня я видел, как ты спасла Оболенцева — и губернский врач восхитился твоими знаниями.

Его голос упал до хриплого шепота.

— Ты набралась всего этого от Романа Петровича? Это же ему ты заказала инструменты в Петербурге, Анна?

И, пропади оно все пропадом, я понимала, что сейчас крутится у него в голове.

Измена — это унизительно и мерзко. Но это объяснимо. Это, в каком-то извращенном понимании, нормально — мало ли адюльтеров в свете?

Молодая жена, дуря от скуки, завела себе любовника. Такого же молодого врача — Пирогов вон в семнадцать лет диплом получил. Нахвталась от него всяких умных словечек и, возможно, даже методик. Ничего сверхъестественного.

Признать себя рогиносцем проще, чем признать, что тебя, взрослого умного мужчину, два года водила за нос девчонка вдвое младше.

Или, что еще хуже — признать, что она действительно умерла и на ее месте теперь... кто?

Молодой любовник жены по крайней мере не ломает картину мира. Блудницу — примерно наказать, любовника — пристрелить, можно жить дальше.

Вот только я не собиралась признаваться в несуществующем блуде.

Но и что ответить — понятия не имела.

Конец первой книги

Nota bene

Книга предоставлена [Цокольным этажом](#), где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту, например, через [Amnezia VPN](#): -15% на Premium, но также есть Free.

Еще у нас есть:

1. Почта b@searchfloor.org — получите зеркало или отправьте в теме письма название книги, автора, серию или ссылку, чтобы найти ее.

2. Telegram-бот, для которого нужно: 1) создать группу, 2) добавить в нее бота по [ссылке](#) и 3) сделать его админом с правом на «*Анонимность*».

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

[Докторша. Тяжелый случай](#)